

детектив
для
девочек
и мальчиков

Черные перчатки

**детектив
для
девочек
и мальчиков**

Илья Свирин

**Черные
перчатки**

104856(1)

10

Минск
СОВРЕМЕННЫЙ
литератор

2000

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)
С 24

Серия основана в 1999 году

Для младшего школьного возраста

Охраняется законом об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Свирина И.
С 24 Черные перчатки: Для мл. шк. возраста. — Мин.: Современный литератор, 2000. — 192 с.: ил. — (Детектив для девочек и мальчиков).
ISBN 985-456-637-4.

Есть такое выражение: ходить по лезвию бритвы — это когда жизни человека постоянно угрожает смертельная опасность. Именно так случилось с ничего не подозревающим героем этой повести — московским школьником Васей Спиридовым и его друзьями. Чем все окончилось вы узнаете, прочтя этот очень крутой детектив.

УДК 882(476)
ББК 84(4Бен-Рус)

ISBN 985-456-637-4.

© Современный литератор, 2000

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В общем, начнем с того, что скажу, как меня зовут. А зовут меня Вася, фамилия моя Спиридов (если это кого-то, конечно, заинтересует). Сейчас мы с мамой и отцом живём в городе Симферополе, это в Крыму и совсем близко от моря. А тогда, в смысле, год тому назад, когда всё и произошло, мы ещё были москвичами и жили можно сказать в её центре, Москвы то есть. Но с двором, в котором прошло моё детство, заплёненным и грязным, а всё-таки родным, у меня связаны не самые лучшие воспоминания. У родителей моих тоже, поэтому, когда всё кончилось, мы в один прекрасный день взяли и оттуда уехали.

Если честно, то много бы я дал за то, чтобы никогда не вспоминать о том, что случилось со мной и моими друзьями не в каком-нибудь американском Техасе, а в Москве.

Сейчас всё уже позади, времени с тех пор утекло немало, но... ничто не забывается... И до сих пор удивляюсь, как это я смог пережить такой жуткий кошмар, в смысле, как это крыша не поехала. Ведь мне тогда было всего каких-то тринадцать годков. Ясное дело, я ещё и теперь не какой-то там Шварценеггер или Чак Норис.

Вот и решил я написать обо всём. Может, как на бумаге запишу то, о чём вспоминаю, сра-

зу легче станет. Очень бы, по крайней мере, хотелось.

Если честно, по сочинениям у меня выше четырёшки отродясь не бывало, да и то пару раз, когда мы поэзию Великой Отечественной проходили и, по-моему, «Бородино» Фета*.

Ну да ладно, решил уж попробовать — так попробую. А получится или нет — там видно будет.

* Судя по всему, со знанием литературы у Васи действительно были кое-какие проблемы. Но наши читатели-то, наверное, в курсе, кто на самом деле написал «Бородино» (здесь и далее — прим. ред.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**ВАСЕ ПРИХОДИТСЯ ВЫБИРАТЬ
МЕЖДУ МУЗЫКОЙ И ФУТБОЛОМ**

Итак, с чего бы начать? Вроде бы я только-только ручку взял, а муки творчества меня уже одолевают. А что же дальше будет?..

Ладно, начнём как обычно. В смысле, как обычно похожие книжицы начинаются. Ну буквально той же самой фразой.

Этот апрельский денёк выдался невообразимо тёплым и ласковым. Солнышко светило на полную катушку, на земле активно таяли остатки снега, совсем не белого и пушистого, как зимой, а такого рыхло-чёрного. С деревьев доносилось чириканье каких-то птичек, уже прилетевших с юга (хотя им вроде бы это делать было ещё не время).

День, проведённый в школе, не казался благодаря всему вышеперечисленному таким безнадёжно убитым, как обычно. Ощущение приближающейся весны ударило в голову не только мне и ребятам из моей компании (у нас оно, по-моему, не исчезало круглый год), но даже занудливым всегда заучкам-отличницам и таким же занудливым учителям. И на уроке геометрии Мария Васильевна, в миру называемая просто Махой, целый урок рассеянно смотрела в окно, вместо

того, чтобы бегать по классу и на всех орать, как это с ней обычно бывает. Благодаря чему я смог без труда победить в финале суперконкурса «Косичка Кобзыревой».

Кобзырева Настя была самой правильной девочкой в классе, и за это её... не то чтобы недолюбливали, но иногда подшучивали над ней. И в этот раз мне улыбнулась настоящая удача. За урок геометрии мне удалось дёрнуть её за косичку аж восемнадцать раз, в то время как мой сосед по парте и главный соперник Колян смог это проделать всего лишь восемь раз. И «Сникерс», считавшийся у нас главным призом, стал моей заслуженной наградой.

Из школы мы выходили вместе с Коляном и Васютой — моим тёзкой, который, однако, был совсем на меня не похож. Во-первых, он был выше меня чуть ли не на голову, во-вторых, его русые волосы всегда были аккуратно пострижены и уложены, в то время как я причёсывался не чаще двух раз в неделю: именно так ведь и подобает настоящему рок-н-ролльщику, и, в-третьих... слишком он был каким-то серьёзным. Учился почти на отлично, уже сейчас думал о поступлении в институт и вместо того, чтобы гонять с нами мяч или просто слоняться без дела по двору, все вечера проводил дома, занимаясь какими-нибудь нужными делами. Или английский учил, или что-то ещё. Это был единственный парень из всего класса, который регулярно делал домашние задания. Лично со мной такое случалось не очень-то часто, а Колян — тот и вовсе в лучшем случае списывал алгебру или русский у того же Васюты.

Но между мной и Васютой кошка пробежала совсем не по этому поводу. По какому — расскажу очень скоро, но не сейчас.

И с Коляном и с Васютой мы жили в одном доме, только в разных подъездах. Поэтому, естественно, нам было по пути.

Междуд нашим 25-м домом и родной школой был один, как его умно называл Васюта, «объект», благодаря которому путь домой по времени увеличивался чуть ли не в три раза. Так, по прямой идти нам было минут десять — не больше, но обычно после уроков мы наведывались в гастроном, где продавалось недорогое мороженое.

«Мы» — это Колян и я. Васюта обычно спешил домой и прощался с нами в начале того переулка, где был этот самый гастроном. Но сегодня погода была настолько замечательной, что даже такой серьёзный парень, как он, решил подождать со своим английским. И на обычное предложение Коляна зайти по дороге за мороженым он не выдал в ответ своё «а-а» — не хватает, мол, у меня времени на такую ерунду, а немного пораскинул мозгами и согласился составить нам компанию.

У входа в магазин была большая лужа. Обходить её было далеко и пришлось прыгать. Причём у Коляна это получилось так неудачно, что мне пришлось потом как минимум полчаса отмывать свою куртку. И то полностью не отмыл.

Купив то, что нам было надо, мы вышли из гастронома и устроились на парапете неподалёку от него. Поболтали немного о школе, уроках и всякой другой муре. Говорить на эту тему в такой дебнёк не хотелось, и мы очень скоро переключились на кино и футбол.

— Кстати, о футболе, — Колян был большим его поклонником, поэтому на эту тему говорил в основном он. — Мы с пацанами сегодня решили сезон открыть. На стадионе возле тридцатого дома. Паша будет, Ванёк, Денис... Так ты, Вася,

подходи, может... А то как раз одного игрока не хватает.

Относилось это, конечно же, ко мне: другой Вася ни в какой футбол после школы не играл. Но сегодня у меня были дела поважнее. Мы с Максом и Витей Полойко решили порепетировать. И дома у меня было только немного времени на то, чтобы влить в себя тарелку борща и переодеться.

— Да нет, Коля, в следующий раз, — я постарался напустить на себя максимально важный вид, на какой только был способен. — Знаешь, у нас репетиция сегодня...

— Опять будете в подвале громыхать и реветь что-то вроде «Моя любовь — как пистолет, и моя жизнь — как арбалет»? — Вася явно решил меня подколоть.

— Ещё как будем, — зло ответил ему я. — А ты сиди у себя на печке и помалкивай. Эстраду слушай и попсу всякую.

С Васютой мы были как бы враги. То есть не то чтобы дрались между собой — до этого дело не доходило конечно же. Но ругались иногда не по мелочи.

Я не мог простить ему один случай, когда он, можно сказать, выставил меня на посмешище. То есть не он... Выходило как раз-таки так, что я сам себя на посмешище выставил, но признаться в этом, пусть даже самому себе, не очень ведь и просто.

Дело было на последний Новый год. После торжественного вечера должна была состояться дискотека, но чего-то там не вышло с аппаратурой, и мы просто сидели в классе компанией человек в двадцать — пели, играли во всякие игры с фантами, анекдоты рассказывали.

Я тогда приволок с собой гитару — думал порадовать однокашников своими песнями и всякой там «Нирваной» и «Металликой», которую я долго подбирал, но вроде бы не особенно удачно и подобрал.

Мы в те времена ещё только начинали репетировать, и поэтому играли не очень хорошо. Даже, прямо скажем, совсем плохо. Я тогда как раз выучил свои первые три или четыре аккорда, но перебирать пальцы на грифе гитары так быстро, как было нужно, у меня не получалось. Поэтому когда я играл, в паузах между этими аккордами слышались какие-то немелодичные звуки. Впрочем, Полойко, который считался у нас за главного, говорил, что ничего страшного в этом нету — мол, все великие рок-н-ролльщики были без ума от импровизации. Главное, чтобы с чувством всё исполнялось.

Так и я вслед за ним рассудил и поэтому приволок гитару. Мне казалось, что как только я возьму этот инструмент в руки, меня сразу же все�ауважают. Хотя бы за исполнение с чувством: этого ведь у меня никак было не отнять.

Сначала меня и в самом деле внимательно слушали, но длилось это совсем недолго — до конца первого куплета моей собственного сочинения песни «Любовь — это пистолет». А потом я краешком глаза заметил, что народ начал постепенно рассасываться. Все стали заниматься своими делами — разговаривать там или рожи друг другу строить. Тогда я запел и заиграл ещё громче... Результата никакого. Я заорал что было сил, и в конце концов Верочка Павлова, самая красивая девочка в нашем классе, вместо того, чтобы поблагодарить меня за моё творчество, просто подошла и шепнула на ухо:

— Слушай, а давай-ка потише! А то перепонки у нас могут лопнуть.

Этого я, конечно же, не мог стерпеть и поэтому сразу перестал играть. Раз моё творчество никому не надо, значит, не заслужили, подумал я. И обиделся.

Я тут же стал укладывать гитару в самодельный чехол. Оставаться на этом вечере мне больше не хотелось, и я решил двинуть домой. Но тут ко мне подошёл Васюта. До этого он о чём-то переговаривался с девчонками, среди которых была и эта самая Вера.

— Вася, подожди гитару упаковывать, а! Одолжи её минут на десять, я пару песен сыграю, ладно? — попросил он.

Ждать мне, конечно же, не хотелось, но всётаки я дал Васе гитару. И потом пожалел об этом. Но что уж тут было делать? Ведь попросил её он очень вежливо, да и вообще я никогда жадиной не был.

Вася взял гитару, провёл по ней рукой...

— Ой, да она же совсем расстроена! — возмутился он.

Пока Вася настраивал гитару, а длилось это довольно-таки долго, никак не меньше пятнадцати минут (я где-то слышал, что прежде чем играть на гитаре, её надо сначала настроить, но ни времени, ни терпения научиться этому у меня никогда не хватало), все с нетерпением ждали, когда он начнёт петь. А потом охотно слушали его и даже подпевали:

*Когда яблони цветут,
Всем девчонкам хочется,
Чтобы им цветы дарили,
Без этого не можется.*

Ну или что-то в этом духе. Я попсу никогда не слушаю, и толком не знаю, о чём всякие там киркоровы и апины поют. Но одноклассникам моим всё это нравится.

Вася играл не очень громко, а пел он каким-то мягким слащавым голосом, но, несмотря на это, он легко привлек к себе внимание публики. Его слушали с удовольствием, аплодировали ему даже.

Такой обиды я, конечно же, не мог стерпеть. И заявил, что хватит с меня слушать всю эту попсу, пошёл я, мол, домой. Но все ребята, а в особенности эта Верочка, просили меня подождать. Пришлось целый час ещё всю эту муть слушать.

...Вот так вот мы с этим Васютой поссорились. Хотя к тому, о чём я собираюсь рассказать, всё это никакого особенного отношения не имеет.

* * *

Подойдя к двери двадцать пятой квартиры, я перевёл дыхание — подниматься бегом на шестой этаж всё-таки не шуточка — и потом позвонил.

Звонить надо было особым способом: сначала короткий звонок, потом длинный, потом опять короткий и сразу два длинных. Это было условным сигналом. Когда по забывчивости я звонил иначе, Полойко всё равно открывал, но сильно обижался.

Прошло как минимум минуты две, прежде чем Витя наконец открыл. Его родителей не было дома, и он, пользуясь случаем, рубился на папином компьютере в игру под названием

«Хаф-лайф». Занятие это, как известно, занимательное, и оторваться от него не так-то просто.

— Ну привет, — выпалил я. — Так что, не будет сегодня репетиции?

— Здрасте, не будет! С чего это ты взял?

— Ну как с чего? Ты на часы посмотри. Мы же с тобой в три договаривались, а уже вот полчетвёртого.

— Да, извини. Но у меня причина есть. Я тут как раз песню новую писал. Никак оторваться не мог. Такое вдохновение на меня нашло.

— Знаю я, какую ты песню писал, — Витя так опаздывал уже не в первый раз, и я прекрасно знал истинную причину его опозданий. — Она «Хаф-лайф» называется, не так ли?

— Нет, не «Хаф-лайф», — возразил Витя, будто бы не понимая, что его подкалывают. — Эта песня называется... Называется...

Ничего путного на ум ему в эту секунду так и не пришло, поэтому и соврать не получилось.

Но, несмотря на все эти свои маленькие слабости, Витя Полойко всё равно оставался лидером нашей группы. То есть как Джон Леннон в «Битлз». Потому что на роль Пола Маккартни вполне мог претендовать и я: я ведь тоже писал свои песни.

Витя был старше Макса на целых полтора года, а меня — и того больше. Если бы он учился в той же школе, что и я, можно было бы гордиться такой дружбой со старшеклассником и расчитывать на его помощь.

— Я вот думаю, что неплохо было бы нам себе клавишника найти, — «грузил» меня Витя, пока мы спускались вниз. — С одной стороны, ни у «битлов» ранних, ни у «роллингов» клавишников не

было, потому что просто нужды в них никакой не испытывали, а с другой... И у «Дип папл» Джон Лорд на «клавишах» играл, и у «цеппелинов» Джон Пол Джонс, кроме баса, ещё и электроорган «дёргал». Про «Пинк Флойд» я и вовсе не говорю. Так может, и нам стоит?

Идей на сей счёт у меня было немного. Тем более, что те старые группы, по которым «тащился» Полойко, я как-то почти не слушал. Единственное что я смог вставить, так это то, что у «Чижика» тоже «клавиши» есть — и ничего слушается.

Услышав про «Чижика», то есть, про «Чижка и компанию», Витя только презрительно фыркнул. Он вообще не любил современной музыки, тем более русской. Считал, что всё это по сравнению с «легендами шестидесятых» — полнейшая муть и ерунда, что петь надо только по-английски. «А иначе как нас за границей поймут? — объяснял он свою позицию. — Мы же не только в России выступать собираемся, а и во всём мире. Как же нас за границей поймут, если мы по-русски будем петь?»

У меня на этот счёт было другое мнение. Во-первых, если Витя хоть немного знал английский и при помощи словаря мог писать тексты для своих песен, то, например, я не знал его совершенно. А во-вторых... Во-вторых, я решил, что когда мы действительно раскрутимся настолько, что нас начнут приглашать за рубеж, я сразу же выучу английский и быстренько переведу на него свои песни. А пока какой резон его учить?

У входа в подъезд нас ждал Макс. Ошиваться ему тут уже порядком надоело: как-никак ведь этим он занимался уже более получаса. И поэто-

му наше появление он воспринял очень даже радостно.

— Привет, Витя, опять ты опаздываешь! У нас сегодня времени не так много будет. В шесть мне предки сказали дома быть. Сегодня батя приезжает, так надо дома успеть прибраться.

— В шесть? Так ведь уже совсем ничего не осталось. Может, ты нам ключ оставишь?

Наши репетиции проходили в подвале под домом — небольшой комнатушке, которая принадлежала родителям Макса. Его папа хотел сделать там себе мастерскую, чтобы рисовать в этом подвале свои картины. Отец Макса был художником и именно этим всю свою жизнь занимался. Но сделать ремонт в этом гиблом месте у него пока руки не доходили, к тому же в подвале было сырвато и картины могли там запросто сгнить. И благодаря этому у нас было где собираться для репетиции. Делать это дома, в квартире, было рискованно: соседи услышат и сразу жаловаться прибегут.

Макс по своей природе был парнем добродушным, и ему не хотелось огорчать Витя. Он уже чуть было не согласился оставить нам ключ, чтобы мы продолжали репетицию без него, но тут, наверное, вспомнил, что отец строго запретил ему это делать. Хочешь не хочешь, а пришлось отказать:

— Нет, знаешь, Витюха, не могу. Меня батя убьёт. Давай лучше завтра соберёмся опять.

Если бы Витя всё-таки решил его уломать, в конце концов у него это бы получилось. Ведь добряку Максу было очень сложно кому-нибудь в чём-то отказывать, тем более — близким друзьям.

Говорят, что в группе люди такого склада непременно должны играть на бас-гитаре. Но у нас

случилось по-другому. На ней стал играть я: мне ведь иногда было надо ещё и петь, а делать это, когда сидишь за ударными, не так и просто. Ну а Максу автоматически вручили барабанные палочки: больше ведь никого не было. Он и не сопротивлялся особенно.

Железная дверь, ведущая в нашу комнатушку, со скрипом открылась. В нос ударила царивший внутри запах — затхлый и очень даже противный. Проветривай не проветривай, а всё равно от него не избавишься. Но начало у всех было трудным, а в особенности у звёзд первой величины.

Лампочка под потолком светила тускло, и поэтому лица с плакатов, что висели на стене, казались не благородными, как обычно, а какими-то злобными. Кого здесь только не было! Витя разукрасил половину стены своими любимыми группами — я уже говорил о том, что он слушал в основном всякое старье. Ну а я навыдирал из разных журналов фотографий Цоя, Шевчука, Кобэйна — тех, кто был помоложе и посовременнее. Единственное, в чём наши вкусы совпадали, так это по части «битлов».

Мы стали готовиться к репетиции — достали гитары, включили усилители. Недавно мы как раз начали играть на электроинструментах. Это случилось после того, как я насобирал денег на бас-гитару — очень старую, но всё же ещё работающую. Вите тоже удалось что-то купить, причём его гитара была старше меня лет на пятнадцать. Вместо ударной установки у нас по-прежнему гремели пионерские барабаны, но тут уж ничего пока поделать было нельзя.

— Так, ну что, поехали! — Витя взмахнул своими длинными кудрями и ударил по стру-

нам. — Начнём мы, наверное, с «All dogs are my friends»*.

Комнаташка тут же буквально утонула в диком шуме, принять который за песню могли разве что мы. Но мы-то знали, что музыка у нас хорошая, а всё дело только в плохой аппаратуре.

Первая песня кончилась, за ней была вторая, и потом микрофон наконец взял я. Петь про любовь и пистолет сегодня у меня получалось немного лучше, чем обычно, да и играть на бас-гитаре я уже более-менее научился.

Когда я допел последнюю фразу, а Витя на прощание проехался рукой по струнам, в комнатушке воцарилась тишина. Воцарилась она буквально на секунду, но этого вполне хватило для того, чтобы мы услышали, как кто-то изо всех сил колотил в дверь нашего убежища.

На пороге стоял сосед с первого этажа — тучный и неопрятный мужичок лет пятидесяти. Не знаю почему, но впечатление он на всех производил отвратное. Или, во всяком случае, неприятное. К тому же поговаривали, будто он работает мясником.

— Эй вы, сорванцы! — мужик говорил очень грубым и хриплым голосом, отчего сразу прямо не по себе как-то становилось. — Сколько ещё тут шуметь будете?! Я с работы пришёл, мне отдохнуть надо, а вы устроили тут громыхалово!

— Да нет, вы не понимаете, мы ведь играем! — Витя ответил ему интеллигентно, но всё-таки настойчиво. — Нам ведь надо где-нибудь репетировать. Музыка...

— Музыка? — прорычал мужик. — И это дерёмо собачье вы ещё музыкой называете! А ну пре-

* «Все собаки — мои друзья». Именно так называлась песня, сочинённая Витей.

кращайте, а не то худо будет! Если хоть писк один услышу — мало не покажется! Мзыкой они занимаются, понимаешь ли!

Мужик ещё ругнул нас разок-другой, а потом отчалил. Но от этого нам, увы, не стало легче.

Спорить с такими, как он, было занятием бесполезным: всё равно не переубедишь. Уже сколько раз мы наталкивались на непонимание нашего музыкального творчества со стороны окружающих! И в школе, и дома, и где угодно ещё... И когда же их отношение к нам наконец изменится?

— Да, видно, придётся сегодня сматываться отсюда, — с грустью в голосе произнёс Макс.

— А может, послать этого козла куда подальше, и давайте поиграем ещё? — неуверенно предложил Витя.

— Да я думаю, не стоит, — вставил я свои пять копеек. — Ведь этот урод тогда вернётся и скандалить будет так, что люди сбегутся. Ещё и от предков нам может влететь.

— Так ведь и времени у нас осталось совсем немножко, — добавил Макс.

И действительно, всё было сегодня против того, чтобы мы продолжали репетировать. С этим не мог не согласиться даже такой упрямый чувак, как Витя Полойко.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГЕРОИ КНИГИ УСПЕВАЮТ СДЕЛАТЬ ОДНУ МАЛЕНЬКУЮ ПАКОСТЬ

Когда мы выбрались из подвала, солнце уже садилось. Закат обещал быть очень красивым, и у нас с Витей даже появилась дурацкая идея залезть на крышу, чтобы на него как следует полюбоваться. Но по крышам лазить в нашем доме было запрещено, и в такое время суток вполне можно попасться кому-нибудь на глаза и получить потом хорошую вздрючку.

Макс пошёл домой, а перед нами возник закономерный вопрос: что делать? Расходиться не хотелось, а заняться вроде бы как было нечем.

Минуты две или три мы молча стояли у подъезда, думая каждый о своём. Несмотря на появление этого придурка с красным носом, настроение у нас по-прежнему было неплохим: весна всё-таки. В этом году она немного задержалась, ещё в марте был снег и минусовая температура, было холодно и неуютно. Но вот наконец и потеплело.

Малышня гоняла во дворе мячик, бабки судачили о чём-то своём на лавочках. Их голоса сливались со щебетом птиц.

Напротив нас притормозила машина. Это был почти новый джип «Чероки», измазанный грязью, но всё равно красивый. В нашем подъезде

никто такой машины не имел. Максимум, что было, — это «Лада» моего соседа по лестничной площадке Ивана Палыча и задрипанный старый «Мерс» отца Вити.

Из джипа выскочили двое парней — оба в котанках нараспашку и спортивных брюках. Третий, такой же как и первые двое, но совсем лысый (у других на голове были «ёжики»), не стал выходить, а просто высунулся в окошко.

— Привет, неформалы! — поздоровался с нами один из этих ребят. — Здесь у вас где-то магазин есть, «Лаки-краски». Знаете такой?

Мы немного обиделись за «неформалов», но все-таки поднапрягли память, пытаясь вспомнить, где тут такой магазин.

— Да, есть тут такой, — наконец ответил Витя. — Он во дворах, его найти сложно.

— Так, может, проедешь с нами и покажешь?

Не так часто нам приходилось кататься в дорогих машинах. Витя, конечно, парень гордый, но отказываться не стал. Только поломался для виду немного.

— Да, точно, мне как раз надо крем для обуви купить, — будто бы вспомнил он.

Мне, как я уже говорил, делать было нечего, и я поехал вместе с ними.

В магазине Витя купил свой гуталин и с гордым видом попрощался с ребятами, которые рассматривали флакон с какой-то химической гадостью. Те не обратили на него никакого внимания: они были слишком заняты изучением этикетки. «Да я же говорил, что это легко воспламеняется, — услышал я тихий голос одного из них. — Можно смело брать, ничего лучше не найдём». «Да, точно, времени уже мало осталось», — отозвался другой.

* * *

Не спеша прогуливаясь, мы вернулись в свой двор. Вопрос, который встал перед нами недавно, по-прежнему не был решён.

Уже постепенно начинало темнеть. То есть ещё только начинало — до полной темноты было как минимум полтора часа. Это ведь не зима, когда темнеет мгновенно.

— Эх, слушай, и чего этот старый козёл к нам прицепился! — зло прошёдил Витя. — Так бы поиграли ещё хоть немного.

— Ну, не говори, — согласился с ним я и тут же увидел «старого козла».

Мужчина сидел на лавочке в палисаднике около нашего дома с бутылкой пива в одной руке и газетой в другой. Его лицо совершенно ничего не выражало.

Сидел он почти неподвижно, как статуя. Мы смотрели на него фиг знает сколько времени, прежде чем он хоть немного пошевелился. Глотнул пива, достал сигареты из кармана своего белого плаща, вытащил одну из пачки, прикурил — и опять застыл.

Вдруг сзади послышался собачий лай. Чёрная маленькая псина недружелюбно приближалась к нам, не переставая гавкать, причём гавкала она так, что прямо перепонки лопались.

Собаку мы тотчас же узнали, да и как её было не узнать, если она не давала жить всему подъезду? Это был пёс того самого мужика — маленький, злобный и к тому же, похоже, блохастый. Едва завидев кого-нибудь, пусть даже издалека, он подбегал поближе и начинал что есть мочи лаять. А ещё и укусить норовил, если его вовремя не отгоняли.

И зачем люди держат таких собак, какая от них польза? Хотя, учитывая то, что принадлежала эта псина тому мужику, ничего в этом удивительного не было. Какой хозяин — такая и собака.

Витя уже поднял с земли камень, чтобы бросить в этого противного пса, когда мне в голову вдруг пришла замечательная идея.

* * *

Идея эта, конечно, была совсем не оригинальной, по крайней мере, такой трюк я уже видел где-то в кино. Но ведь не в оригинальности кайф. Точнее, не только в оригинальности.

Вот взять хотя бы эту невинную шутку с кнопками. Казалось бы, сколько ей лет уже! И отцы наши кнопки своим учителям подкладывали, и деды... Насчёт древнегреческой школы я, конечно, не знаю, может, в те времена ещё кнопок не было, но всё равно шутка эта стара как мир. И всё равно ведь приятно, когда строгая русица Алла Петровна степенно садится на свой стул, открывает журнал, и вдруг... «Ой, ойий, что это там!!!» И пока до неё наконец доходит, почему это ей не сидится, весь класс успевает со смеху ну перегореть просто.

Моя шутка тоже обещала быть удачной.

— Эй, Витя, подожди собаку отгонять, мне тут мысль одна пришла.

Витя опустил руку с камнем и вопросительно посмотрел на меня.

— Тебе ведь гуталина не жалко, правда? Мы совсем чуть-чуть возьмём.

Он по-прежнему не понимал, какой гуталин, зачем гуталин, при чём тут гуталин.

Пришлось объяснить популярно.

Поймать собаку большого труда не составило: она сама на нас бросилась в надежде хорошенько покусаться. Но тут же попала в мои цепкие объятия.

А вот удержать её было очень даже проблематично.

— Витя, держи её, держи за лапы! Вырвется... сволочь! — истошно вопил я, стараясь перекричать дикий лай.

— Сам держи, нашёл мне тут тоже...

— Ну подержи секунду, я её намажу сейчас. Да держи ты, ёлки палки! Вырываетя же. Ух, чертовка, укусила!

Проявленный собакой героизм не вернул ей свободы. Зато усилил её страдания.

— А вот тебе, злюка, а вот тебе! — приговаривал я, отвешивая бедному псу тумаки.

Собака выла пуще прежнего, но мы к этому уже привыкли.

— Так, сейчас, секундочку! Немножко на животик, немножко на спинку! На лапы побольше, — в сопровождении этих моих слов содержимое баночки с обувным кремом перекочёвывало на шерсть собаки.

Всё-таки много мы его израсходовали, гутали на смысле. Почти полбанки.

— Ух, поцарапала скотина! — наконец-то досталось и Вите.

— Терпи, солдат. Ещё немного осталось, — успокаивал его я. — Всё, сделано! Ну, пёсик, ты свободен. Иди к хозяину.

Выпущенное на волю собаке не надо было повторять этот приказ. Со всех ног она двинула в сторону лавочки, где сидел наш приятель.

— Так, всё, сматываемся! — крикнул Витя.

Пёс ещё не успел добежать до цели, как мы уже скрылись за углом дома. Наблюдательный пункт там был, прямо скажем, не ахти, но мы боялись засветиться.

— Ну сейчас этот гад пожалеет о том, что он нам сегодня так насолил, — мечтательно произнёс Витя. — Вот не лез бы он сегодня, ничего бы и не было. А так будет знать...

— Подожди, подожди, — прервал его я. — Ответственный момент! И-ииии... Ес! Ес, ес, ес, ес, ес!

— Ура! Сработало!

Нам прямо-таки плясать хотелось оттого, что наша шутка удалась. Отомстили мы ну просто замечательно.

Всё произошло именно так, как я предполагал. Разобидевшаяся на нас собака тотчас же полетела искать защиты у своего хозяина. Мужик отложил в сторону газету и взглянул на это вечно лающее существо, пулей приближающееся к нему.

— Гера, Гера, ну что такое? Охренел ты, что ли?

Но Геру уже было не унять. Пёс был так рад увидеть опять своего хозяина, что тут же бросился на него, вскочил к мужику на колени с намерением облизать его всего с головы до пят.

Когда наш друг понял, что произошло, было уже поздно. На его белом плаще появились огромные чёрные пятна. А обмазанная гуталином собака всё никак не унималась, пока не получила хороший пинок под зад.

Надо было только видеть, что случилось потом! Мужик как будто бы совсем рехнулся. Он вскочил со своей лавочки, отбросил недопитую бутылку и стал ругать всех и всё подряд.

Минуты три или, может, даже больше он бегал вокруг, оглашая окрестности отчаянными криками. Нам уже даже и страшно немного стало.

И всё-таки удивительный народ у нас, скажу я вам. Неужели к простой шутке можно относиться так серьёзно? Да если так злиться по любому поводу...

— Бежим отсюда, скорее! — крикнул Витя, хватая меня за рукав и оттаскивая в сторону.

Мы тут же дали дёру со всех ног. Но было уже поздно. Мужик заметил нас, о чём мы смогли судить хотя бы по тому, что он рванул в нашу сторону.

Удивительно, но он не бросился вдогонку за нами и даже не обругал нас как следует. Дойдя до угла дома, мужик бросил взгляд в нашу сторону, махнул рукой, развернулся и пошёл восвояси.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВАСЯ ЗАОЧНО ЗНАКОМИТСЯ СО СТРАШНЫМ «МАНЬЯКОМ»

— Ну где ты шлялся, в конце-то концов?! Уроки за тебя Пушкин будет делать, что ли? Опять на собрании придётся краснеть, — этими словами меня встретила мама, когда я наконец добрался домой.

И действительно, на часах было уже почти полвосьмого. Но об уроках я всё же решил пока не думать.

Раздевшись, я отправился на кухню, где с удовольствием проглотил сразу две холодные котлеты. Мать, влетевшая туда сразу за мной, стала меня пилить уже по другому поводу. Мол, такой большой вырос, а культуры не набрался. Да плевать мне на эту культуру! Так я ей прямо и сказал, за что она почему-то на меня разозлилась не очень сильно.

— Привет, папа! — с этими словами я ворвался в гостиную, где мой батя, развалившись в кресле, читал какую-то газету. — Ну, чего там пишут?

Надо сказать, что папа был большим любителем что-нибудь почитать. Особенно ему нравились всякие книжки документального толка — то есть не фантастика и не детективы, где всё от начала и до конца придумано, а такие, которые на

фактах основываются. Например, про сенсационные преступления века.

Он с неохотой оторвал взгляд от газетной страницы:

— Да вот тут одна статейка есть, которую и тебе полезно было бы прочесть. А то по улицам шляешься.

— А про что она?

— Про маньяка, которого вроде как должны были убить, но оказывается, что он живой.

— Ну а я тут при чём? Или ты меня подозреваешь?

Папа не понял иронии и продолжал в том же духе:

— Да кто тебя подозревает-то, глупый. Ладно, сейчас закончу читать, тебе дам.

В этот момент дверь с шумом отворилась. В комнату влетела мама и, судя по её движениям, влетела она далеко не с лучшими намерениями.

— Так, Петя, ты мне скажи, когда мы стирать пойдём? Или тебя это не касается; в конце концов?

— Ну... я не знаю... надо бы, — промямлил отец, которого уже во второй раз отрывали от чтения.

— Не знаешь? Не знаешь! А хоть что-нибудь ты знаешь вообще, а?

Папа сделал неловкую попытку утихомирить мать, но у него ровным счётом ничего не вышло.

— У других женщин мужья как мужья, — продолжала она. — Петровские вон уже вторую машину покупать собираются, на «Фольксваген» деньги собрали! А ты что? Рохля! Сколько тебе эта твоя торговля даёт? Копейки!

— Ну извини, на эти копейки мы все и живём, — смиренно отвечал ей отец.

— Живём? Да разве это жизнь? Разве можно это жизнью назвать? Да ты мне за все эти годы даже норковой шубы не смог купить. Как дура в итальянской дублёнке хожу. Да и потом. Ни полов ты не помоешь, ни обед не приготовишь. Всё время у тебя якобы работа отнимает, а как приходишь — так сразу в кресло и за газету. Мол, устал я, отстаньте от меня. Хотя от чего тебе, спрашивается, было уставать? Ну постойши ты часов десять каких-нибудь, книжками поторгуешь — от этого разве можно устать?

Я уже давным-давно понял, что все похожие скандалы, в том числе и этот, затевались мамой с одной простой целью: заставить отца помыть посуду или сделать ещё что-нибудь полезное для общества. Самой ей делать это не хотелось, от меня толку не добьёшься, а вот батю вполне можно было поднапрячь.

В этот раз у неё как всегда получилось. Папа надел тапочки и ворча отправился на кухню, а я занял его место в кресле и взял в руки газету.

Газета называлась «Море сенсаций» или что-то в этом духе. В таких изданьяцах печатают обычно всякие истории, которые сильно смахивают на небылицы. Например, про инопланетян, которые купили завод «ЛогоВАЗ», или про то, что Ельцин — это биологический робот, сделанный Жириновским. Короче, ерунду всякую.

Но статья, о которой говорил папа, казалась, в общем-то, правдивой. Называлась она «Возвращение убийцы». Вот примерно о чём там писалось:

«Многие россияне помнят цепь серийных убийств, буквально потрясших страну в начале девяностых годов. Жертвами маньяка становились в основном те, кто не мог оказать ему со-

противление, — женщины и дети. Преступник легко втирался к ним в доверие, а потом неожиданно наносил первый удар. Перед тем, как убить, этот неизвестный тогда монстр получал неописуемое удовольствие от издевательств над своими жертвами. Некоторые тела даже невозможно было опознать — настолько они были изуродованы.

В своё время мы уже подробно описывали все преступления этого страшного маньяка, но всё-таки припомним здесь одно из них, пожалуй, самое ужасное. Схема действий преступника, описываемая ниже, была восстановлена в ходе следствия. Она как нельзя лучше свидетельствует о его жестокости и коварстве.

Со своей будущей жертвой, четырнадцатилетним пареньком Вадимом К., маньяк свёл знакомство прямо на улице. Пообщавшись с мальчиком некоторое время, убийца узнал, что тот является страстным коллекционером марок. И тогда этот добродушный на вид мужчина сказал, что у него дома лежит альбом с очень редкими марками из стран Латинской Америки. Причём альбом этот ему сейчас уже совсем не нужен. Мол, раньше увлекался, собирая, а теперь могу подарить, если хочешь.

Неискушённый паренёк, конечно же, клюнул на эту уловку и с удовольствием принял приглашение зайти в гости. Не смущило его даже то, что его «благодетель» якобы жил в тёмном подвале под полузаброшенным домом.

Улучив момент, маньяк подошёл к своей жертве сзади и оглушил её молотком. О том, что сначала он планировал просто задушить мальчика, свидетельствовала найденная на месте преступления удавка. Но потом убийце пришла другая

идея. Он связал свою жертву по рукам и ногам, облил селитрой и поджёг. Маньяку доставляло удовольствие наблюдать за тем, как ни в чём не повинный человек сгорал заживо.

Для поимки таинственного маньяка, совершающего свои преступления в разных городах страны, была поставлена на ноги вся милиция России. И вскоре поиски дали свой результат. Человек, виновный во многих страшных убийствах, наконец-то оказался за решёткой. Им был рабочий Ивановского мясокомбината Иван Павлович Ключков.

Медицинская комиссия признала подозреваемого вполне вменяемым, а следствию не без труда удалось доказать его виновность во многих тягчайших преступлениях. Поэтому нет ничего удивительного в том, что суд приговорил Ключкова Ивана Павловича к высшей мере наказания. Приговор вступил в силу и должен был быть исполнен 24 ноября 1991 года.

Мы написали «должен был» не случайно. Дело в том, что возникают определённые сомнения насчёт того, был ли он исполнен на самом деле.

Все официальные органы, в которые наш корреспондент обращался за разъяснением этого вопроса, убеждали его в том, что никаких сомнений на сей счёт быть не может. Но сомнения всё же появились...»

Дальше шли какие-то доводы в пользу того, что маньяк всё-таки остался жив. Они были настолько путанными, что я их совершенно не запомнил. А дальше, почти в конце статьи, прочёл следующее:

«Фотография Ключкова в своё время часто появлялась на страницах газет, поэтому нет ничего удивительного в том, что многие её запомнили.

Так вот, пенсионерка Варвара Л. (своей полной фамилии она просила не называть) позвонила в редакцию для того, чтобы рассказать нам о том, как мужчина, очень похожий на Ключкова, встретился ей в самом центре Москвы.

Поэтому мы сочли своим долгом предупредить наших читателей и всех россиян о том, что страшный преступник скорее всего остался в живых. И более того, есть веские доводы в пользу того, что он разгуливает сейчас на свободе, угрожая безопасности всех и каждого.

Для того, чтобы максимально обезопасить себя, надо соблюдать меры предосторожности. Ни под каким предлогом не вступать в контакт с незнакомыми людьми. Особенно в том случае, если они соответствуют тому описанию преступника, которое мы публикуем ниже.

Вот приметы этого маньяка. На вид ему 50—55 лет, волосы чёрные с проседью, глаза карие. Рост 176 сантиметров. Обладает характерным оттенком голоса — хрипловатым и глубоким. Вполне естественно, что скорее всего преступник живёт под другим именем.

«Если вы заметили что-либо подозрительное, немедленно сообщайте в органы охраны правопорядка. Только совместными усилиями мы можем обезопасить себя».

* * *

Как раз когда я дочитал статью до конца, в комнату вернулся отец. За прошедшие полчаса он успел не только вымыть посуду, но и простира-
нуть мамин свитер.

— Ну и как тебе эта статейка? — спросил он меня. — Ты ведь её прочитал, да?

— Да, прочитал. Только вот не знаю, стоит ли этому верить.

— А что же тут такого, чему можно не верить, а? Там же и факты какие-то есть.

— В том-то и дело, что какие-то. Если у нас кого-то уж решат расстрелять, так ему от этого никак не отвертеться. Из камеры смертников не сбежишь.

— А с чего это ты взял, что маньяк сбежал из камеры смертников? Может, его расстреляли.

— Ну тогда и проблемы нет. Расстреляли — и дело с концом.

— Э-э, не совсем так. Может быть, это у него другая реинкарнация пошла. То есть чакра открылась и поток отрицательной энергии хлынул такой, что новое ментальное тело образовалось. А вслед за ним и такое тело, материальное*.

Эти его не совсем понятные мне рассуждения были прерваны появлением мамы. Она, как водится, немного покричала на отца, а потом всучила ему в руки авоську и отправила в магазин за хлебом.

Вообще, папа иногда просто поражал меня своей кротостью. Казалось, будто у него совсем не было силы воли. Всё, что приказывала ему мать, он беспрекословно исполнял. Да и характер у него был какой-то уж очень тихий. Сидит себе в кресле, газету читает или книгу или футбол по телевизору смотрит. И так целый день, конечно, когда не работает.

* Отец Васи в данном случае несёт нечто очень бредовое, что явно было почерпнуто им из книг о «духовных знаниях». Перевести это его высказывание на общепонятный язык совершенно невозможно.

Мой отец тогда продавал книги с лотка в подземном переходе. Занимался он этим уже давно, лет этак девять. Каждое утро в восемь он отправлялся на работу, каждый вечер приходил домой тоже в восемь. А в промежутке стоял целый день на одном месте, разве что на несколько минут отлучиться мог. Я бы сдох за месяц от такой тоски, а он ничего, привык.

Хотя раньше он наверняка был не таким. У него в альбоме я видел пару фотографий. На одной там такой военный корабль изображён — грозный и сверкающий, а на другой — мой родитель в морской форме. Лет ему на том снимке, конечно, не пятьдесят, как сейчас, а как минимум вдвое меньше. И выглядит там он так, что прямо и не узнаешь. Молодецкий взгляд, лихие кудри... Красавец прямо-таки.

Я знал, что мой отец раньше служил во флоте: кончил мореходку, а потом два или три года отплывал мичманом на военном эсминце. Но о том, что заставило его бросить это занятие и устроиться простым рабочим, а потом торговцем книг, я мог только догадываться.

Зато отцовскую линию наверняка продолжит мой старший брат. Он тоже где-то учился военному делу, а потом, видно, бросил и решил по-пробовать свои силы на практике. За последние три года брат был дома только один раз, да и то отпустили его на двухдневную побывку. Всё остальное время о нём не было ни слуху ни духу. Мы даже и не знали, жив ли он.

Мама никогда не говорила мне о том, где сейчас мой брат. Но судя по тому, что она никогда не пропускала репортажей о боевых действиях в Чечне, эта война не обошла стороной и его.

Такие мои рассуждения прервала сама мама, ввалившись в комнату с криком насчёт того, что уже полдесятого и пора бы наконец-то взяться за уроки. Ещё она у меня спрашивала, не знаю ли я, куда мог запропаститься Колян: его мать звонила моей и сказала, что она обеспокоена его отсутствием.

Я об этом, конечно, мог только догадываться. Ведь вместо того, чтобы пойти играть с Коляном в футбол, я репетировал с Витей и Максом.

Делать уроки мне, как всегда, не хотелось. Тем более, что на завтра надо было решить пару сложных задач по алгебре. Но что уж тут попишешь, если жизнь наша такая подневольная?

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КОЛЯНА

На следующий день в школе я появился, как всегда, с опозданием. Но биологица, получившая в наших рядах вполне заслуженное прозвище Жаба, почему-то не стала меня за это бранить. Я промямлил своё обычное «извините-жалста» и без всяких приключений добрался до последней парты.

Учительница продолжала свою речь так, будто бы я здесь и не появлялся. По этому случаю я даже немножко насторожился, настолько такой поворот был неожиданным.

— Ну что ж, — говорила она, — времени прошло не так и много, всего одна ночь. А может быть, всё и образуется. Может, ничего страшного и не произошло. Мало ли что могло случиться с таким невоспитанным и несобранным мальчиком, как он.

Выдержав небольшую паузу, Жаба сказала:

— А теперь мы перейдём непосредственно к теме наших занятий...

По настроению, которое царило в классе, я сразу понял: что-то стряслось. Но только вот что?

Спросить об этом было некого: за партой я сидел один, а дотянуться до соседей и не услышать после этого о себе пару нелестных слов бы-

ло совершенно невозможно. Ладно, решил я.
На перемене разберёмся.

Слушать всю эту биологическую трескотню было до ужаса неинтересно. Вызывали сегодня только по желанию, и мне абсолютно ничего не грозило. Поэтому я прилёг на парту и от нечего делать стал рассматривать своих товарищей по несчастью.

Вот Петя играет с Ирой в крестики-нолики, вот Васюта внимательно слушает и при любом удобном случае пытается вставить свои пять копеек. Вот Маша и Катя... Надо будет спросить у Коляна, как они вчера поиграли. Открытие сезона ведь всё-таки.

А Коляна, между прочим, в классе не было. Нужели они вчера настолько разыгрались, что этот мой приятель слёг с температурой?

Когда наконец прозвенел долгожданный звонок, я понял, что Колян отсутствует вовсе не по причине болезни. О том, что он пропал, говорила сегодня чуть ли не вся школа. С самого утра сюда пришла его заплаканная мама. Вчера вечером её сын не вернулся домой, и она прямо места себе не находила. Задержаться он нигде не мог, со всеми своими друзьями по футболу Коля распрощался и пошёл домой, по крайней мере, так они все говорили. Но до дома он не дошёл.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВАСЯ ИДЕТ ИЗВИНИТЬСЯ

Когда я пришёл домой, мама меня встретила удивительно неласково — и это несмотря даже на то, что в этот день я получил такую редкую для себя отметку, как пять, по русской литературе.

— Мам, ты слышала, Колян куда-то пропал, — сказал я, — открывая холодильник.

— Не знаю я ничего насчёт твоих Колянов, — строго ответила мне она. — Небось, такой же негодяй, как и ты.

— Негодяй? Почему? Вполне нормальный парень.

— Вот-вот, такой же нормальный, как и ты. Наделают всяких гадостей, а родителям потом стыда не обобраться.

— И каких же это гадостей мы наделали? О чём ты?

— Каких?! — голос матери сорвался на крик. — По-моему, тебе лучше должно быть известно.

Я всё ещё не понимал, о чём она говорит. Но мама не стала дальше играть в загадки.

— Прихожу это я сегодня на рынок, там Максим Тихонович работает с первого этажа. Попросила его кусочек грудинки мне подыскать получше. Он мне всегда такое отличное мясо даёт, что

похожего на всём базаре не найти. Цена та же, но мясо лучше в сто раз, чем всё остальное. Соседи ведь, говорит. Ну и в этот раз то же самое. Приносит он грудинку, значит, и заявляет: какого вы, мол, сына растите? Вчера мне такую пакость сделал, что прямо ужас сказать. Намазали собаку гуталином, и она его перепачкала всего. Я со стыда готова была сквозь землю провалиться.

— Да не мы это сделали. Наверно, старик просто рехнулся, — сознаваться в похожих поступках сразу было не в моих привычках.

— Что? Что?! — мама разозлилась уже не на шутку. — Ещё и врёшь, мерзавец! Думаешь, он тебя не узнал вчера? Думаешь, не узнал? А ещё про других говорит — с ума, мол, сошёл! Совсем стыд и совесть потерял!

— Да я... Да это не я, это всё...

— И слушать ничего не желаю! — резко перебила она меня. — Короче. Идёшь сейчас к Максиму Тихоновичу, просишь прощения, а потом возвращаешься сюда и обедаешь. Понял? Иначе никак.

Являться с визитом к этому очень даже странному человеку совершенно не входило в мои планы. Надо сказать, что Максима Тихоновича все мы немного побаивались, непонятно даже почему.

— Ты всё ещё здесь? — поторопливалась меня мать. — А ну быстренько...

— А тебе вообще не кажется, что этот Максим... как его там — до ужаса мрачный тип? — выпалил я.

Мне сразу же вспомнилась вчерашняя статья. Что-то внутри у меня подсказывало: от таких, как он, следует держаться подальше. Тем более, что и приметы маньяка очень даже под-

ходили к этому мужику. Конечно, Москва большая и пятидесятилетних мужчин среднего роста тут много, но...

— Да ты на себя посмотри, «мрачный тип». Что он о нас соседям расскажет? — прокричала мне в ответ мама. — Что Спиридовы — хамы, которые и ребёнка таким вырастили? А мы ведь не хамы, это только ты один такой у нас. Вот твой старший брат, например...

Про моего братца мама всегда говорила исключительно хорошее. Ну что ж, шансов выкрутиться не было — значит, надо идти.

* * *

Минуты две, а то, может, и больше, я молчаостоял у чёрной двери с несчастливым номером «13». Очень мне не хотелось нажимать на кнопку звонка, который еле держался, вися на нескольких проводках. Сначала, чтобы оттянуть этот неприятный момент, я стал придумывать себе всякие оправдания, которые надо было потом говорить этому мужику. Но ничего путного в голову не приходило и близко. Тогда я просто решил подумать о чём-нибудь приятном, чтобы настроить себя на нужный лад и набраться смелости.

Однако где уж там...

Ладно, решил я. Авось, пронесёт? Не убьёт же он меня прямо сейчас.

При этой мысли рука как бы сама собой потянулась к злосчастному звонку. Звук у него был самый что ни на есть противный — такой утробно-могильный.

Сначала на звонок никто не отозвался; только собака его услышала и стала приветствовать гостя

своим ужасным лаем. «А может, его дома нет?» — уже успел подумать я, радуясь такой отсрочке своего приговора.

Да, как же, нету... За дверью послышалось шарканье ног, а потом чьи-то руки стали открывать старый замок.

Я уже приготовился увидеть этого ужасного на вид мужика, и поэтому немало удивился, когда вместо него дверь мне открыла молоденькая девушка, ничего такая на вид, красивая, но, как мне сразу показалось, странноватая немного.

— Здравствуйте, м... мне ннннужжен... Максим Иванович, — я никогда в жизни не заикался, разве только в такие дурацкие моменты.

Когда девушка открыла рот, чтобы мне ответить, я сразу понял, почему мне она показалась странной.

— Макстихнович одихать, счаас зову.

Как будто бы у неё во рту рулон туалетной бумаги лежал — так она говорила.

Когда я на бумаге попытался написать, как она говорила, то это может даже прикольным показаться, но в жизни... Всё прозвучало настолько ужасно, что я уже было решил плонуть на всё и сделать ноги.

Но тут дверь в одну из комнат открылась и на пороге появился сам Максим Тихонович (теперь-то я только вспомнил, что он вовсе никакой не Иваныч).

— А, это ты, хулиганьё. Ну заходи, заходи, чего пожаловал?

Девушка посмотрела на меня как-то странно. Буквально как удав на кролика.

— Да вот я... Я... это самое... Ну, в общем, извиниться пришёл... Не хотел я того, что вчера...

Теперь я говорил ещё путаннее, чем она.

— Ах, извиняться пришёл! — мужик, наверное, лёг соснуть после работы и моё появление его разбудило. И теперь он изо всех сил протирал свои глаза кулаком.

— Да, так ты заходи, не стесняйся, — продолжал он. — Только обувь сними. Ната, дай этому сорвиголове тапки какие-нибудь.

— Это моя племянница, — объяснил он, когда девушка скрылась за дверью одной из комнат. — Она ко мне из города Бийска приехала, хочет в Москве на работу устроиться. С детства инвалид — слабослышащая.

— Тапк не, эти кеды одет. Кеды чисты, немаза в пол, — отрапортовала Ната, заходя в прихожую и протягивая мне пару рваных кедов фиг знает какого размера.

Ух, ёлки-моталки, ещё этого мне не хватало. Естли раньше, когда мужик был один, впечатление он производил жутчайшее, то теперь, на пару с этой подругой и её «тапк не» и «счаас зовать»...

Я снял куртку, надел на ноги эти кеды и пошёл вслед за мужиком в его комнату.

Судя по всему, этот Максим Тихонович не отличался особенной аккуратностью. Все его шмотки, к тому же ещё и грязные, валялись на кресле или диване, а то и на полу. Одно из стёкол в секции было разбито, а пыль с остальных не вытиралась, наверное, со времён моего рождения. В комнате стоял какой-то препротивнейший запах, то ли от винища, то ли просто от грязи.

— Ну что, ковбой, садись где-нибудь, — мужик говорил мне это всё совсем не так дружелюбно, как обычно такое говорят, а как-то, даже немного злобно. — Ну что ты мне хотел сказать, а, сорванец?

— Да вот... Я прощения попросить хотел за вчерашнее. Это мы плохо сделали, что собаку ванту намазали гуталином. Больше не будем. Но мы так пошутить хотели... Думали повеселиться немного. Извините нас.

Нёс я, естественно, полнейшую чушь. Если уж просить прощения, то делать это надо, конечно, не так. Но ничего другого в эту минуту просто в голову не приходило.

Максим Тихонович посмотрел на меня неодобрительно, покачал головой и начал своё:

— Эх ты, пошутить он решил, понимаешь ли! Ничего себе у вас шуточки! Вместо того, чтобы в школе учиться, как следует, старшим помогать, животных любить... Ведь мне-то даже не плаща своего жалко, плащ-то ладно, его и так давно уже выкинуть пора было. Но сколько мы сегодня бедного Гера от вашего гуталина отмывали! Это же просто ужас какой-то! Ната с утра приехала, и мы сразу этим делом заниматься стали. Полдня его мыть пришлось. И не стыдно вам так с животными обращаться? Они ведь живые тоже. Тебе вот приятно было бы, если б гуталином обмазали всего?

— Нет, — изо всех сил я попытался изобразить на лице полнейшее раскаяние. — Да и вообще, мне стыдно очень.

— Стыдно! Хорошо хоть стыдно ему. Ну и молодёжь сейчас пошла — никакого толку от неё нет. Вот мы-то в ваши годы...

Но тут тон, которым говорил мужик, вдруг резко изменился. Он присел на краешек кресла, призадумался немного, как будто что-то вспоминал, и зарядил:

— Хотя мы-то в ваши годы ещё большими сволочами были. Тут с собакой это вы нормаль-

но, конечно, придумали, но как мы умели над людьми издеваться! Возьмём, например, лягуху, надуём её, как следует — так, чтоб она прямо как шарик стала, и бросим на мостовую, прямо под каблучки какой-нибудь дамочки нарядной. Она на лягуху на эту, ясное дело, наступит, а потом как начнёт визжать! А все туфельки-то в красном, да ещё и чулочкам иногда доставалось. Вот это потеха была. Настоящая потеха.

В ответ я только как-то совершенно неуклюже кивнул. Разговаривать с этим мужиком мне не очень-то хотелось, тем более на такую тему.

Да он и не ждал от меня, чтобы я ему в ответ что-то сказал. Говорил он как будто бы сам с собой:

— Эх, времена тогда были, когда война только кончилась! Голодные времена, страшные. Воровать приходилось, чтобы пожрать чего-нибудь. Я, помню, школу кончил, девять классов то есть, и сразу надо было на работу идти. Хотя я таким же, как ты, был сорванцом. Ну и отправила меня мама к деду Ивану — это родственник её какой-то — на мясника учиться. А я ведь крови тогда вообще не мог переносить. Как ударю по туще мясной, как оттуда кровища полётятся, так меня чуть кондрашка тогда не хватала. Но ничего, выучился со временем как-то.

Потом Максим Тихонович говорил ещё что-то про послевоенные годы, про то, как он мясо умеет рубить, про свою семью немного рассказывал.

— Это же представляешь, — когда он стал говорить про жену, лицо его сразу прямо исказилось, — мы с ней двадцать семь лет прожили, душа в душу, что называется. Детей вырастили, дети

такие толковые пошли, у них уже свои семьи есть. Все работают, бизнесом занимаются. А тут в прошлом году... Она меня бросила! Уехала в Германию, и потом я весточку получаю: вышла, мол, замуж за какого-то гера Ульштульцера. Сволочь! Да разве так можно?!

Всё это мужик говорил своим страшным хриплым голосом, иногда переходя на крик. Ничего похожего раньше слышать мне никогда не приходилось, и поэтому я даже затрясся со страху.

Но тут, к большому моему облегчению, дверь неожиданно открылась. На пороге стояла эта самая девушка, глухая которая, или почти глухая. Она беспокойно окинула взглядом комнату Максима Тихоновича и спросила:

— Чего дядь шуметь? Стрялось что шумем так?

— Да нет, дочка, нет, ничего не стрялось. Так просто, молодость вспоминаю, — Максим Тихонович постепенно пришёл в себя.

Но этого времени мне хватило для того, чтобы придумать план побега.

— Вы знаете, Максим Тихонович... очень приятно с вами побеседовать, но меня... это самое... мама ждёт, нам с ней в прачечную срочно идти. Так что извините...

Ещё не успел мужик открыть рот, чтобы мне на это что-то ответить, как я уже был в прихожей. Быстро набросил на себя куртку и стал судорожно зашнуровывать ботинки. Но руки меня не слушались, и это дело могло растянуться надолго. Ладно, решил я, выберусь отсюда — зашнурую. Главное выбраться.

— Да, ну счастливо тебе, маме своей привет передай, — Максим Тихонович, который вышел меня проводить в прихожую, говорил уже сво-

им обычным голосом. — Беги скорей, если мама ждёт.

Мне не надо было повторять это дважды. Из его квартиры я выскочил просто пулей. Так, будто меня в одно место кольнули чем-то.

— Ну, по-мужски, давай краба! — Максим Тихонович подошёл ко мне вплотную и протянул руку. Вместо того, чтобы пожать её и нормально попрощаться, я сделал резкий рывок к двери, выскочил на лестничную площадку и был тёков.

Последнее, что я увидел в этой страшной квартире, — это были окровавленные резиновые перчатки, лежавшие на стульчике в прихожей.

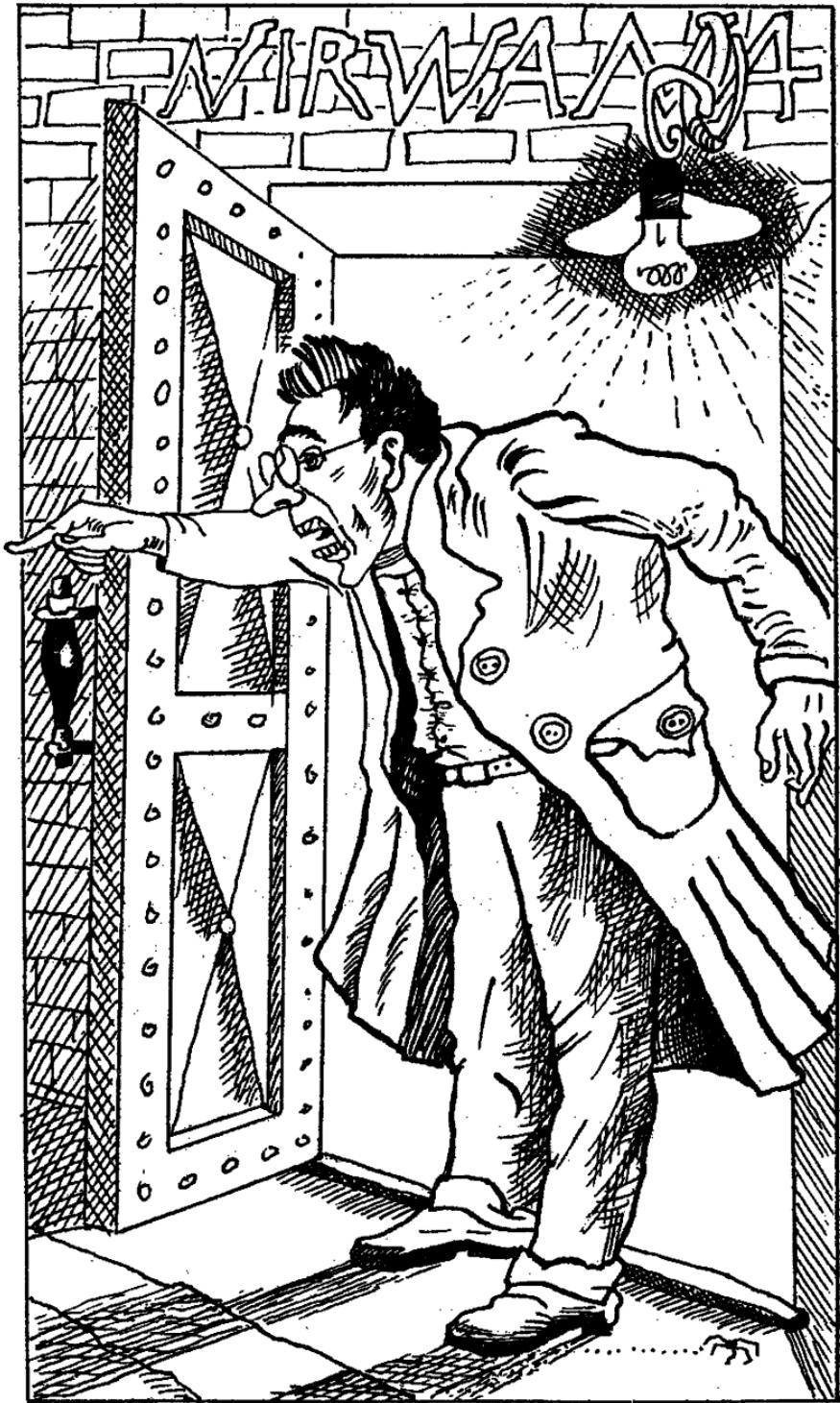
ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВАСЯ УЗНАЁТ О СУДЬБЕ ДРУГА

На следующий день в школе все были обеспокоены уже не на шутку: Коля так и не появился. Его родители буквально с ног сбились, обегали и обзвонили все те места, куда он мог попасть, начиная от родственников и кончая всякими там милициями и мортгами.

Наверно, целый день мы с друзьями только и делали, что обсуждали, куда же это Колян мог запропаститься. Мысли на этот счёт у всех были разные. Кто-то говорил, что с парнем произошёл несчастный случай, другие возражали, что тогда Колю бы всё равно нашли, живого или мёртвого, и тут же появлялась новая версия: Колян сбежал из дома и отправился... Куда — на этот счёт, конечно, были разные мнения, начиная от Чечни и кончая Рио-де-Жанейро. Про Рио Коля читал в какой-то книжке, а потом ещё в «Золотом телёнке», и ему, так же как Остапу Бендеру, хотелось бы там побывать.

Думать о том, что с нашим другом произошло нечто ужасное, было попросту страшно, и поэтому версию с несчастным случаем или чем-то похожим мы старались отбросить. Уж лучше было бы, если б Колян добрался до Рио-де-Жанейро.

Хотя ведь надо быть полнейшим дураком, чтобы даже подумать об этом.

Увы, так оно всё и оказалось. Ни до какого Рио Коля, конечно же, не добрался. Да и не собирался он этого делать.

То, что с ним произошло, было в пятьсот восемьдесят девять раз страшнее, чем мы даже могли предположить. Когда я узнал об этом, две ночи подряд моей маме пришлось давать мне успокоительное, чтобы я наконец мог заснуть.

До сих пор не могу забыть то, что я почувствовал тогда. То есть в ту минуту, когда узнал о судьбе Коляна.

Это произошло через пару дней после моего посещения квартиры Максима Тихоновича, помоему, в четверг, ближе к вечеру.

В этот день у нас была репетиция. Макс опять куда-то спешил, и поэтому играли мы где-то до полнчестого, а потом уже собирались расходиться по домам, когда у входа в подъезд нам встретилась Дарья Викторовна, соседка с пятого этажа.

Обычно эта тётка всегда была весёлой и добродушной, что вообще свойственно толстым людям (а она весила, наверное, как минимум полтонны). Но сегодня её как будто подменили. Ковыляет такая вся в слезах, прямо лица на ней не было.

— Здравствуйте, Дарья Викторовна, может, вам сумочку поднести? — поздоровались мы с ней.

— Ой, мальчики, горе-то, горе-то какое! Это страшное дело, поди что делается-то сейчас, а!

— А что случилось? — мы разом обеспокоенно переглянулись.

Дарья Викторовна поставила свои сумки на асфальт и расплакалась уже во всю ивановскую:

— Это мальчик такой хороший был, лет ему сколько вам, видно, в том конце дома жил. Хороший такой мальчик, красивый. Сколько ни иду, бывало, раньше, а он с мячиком любил играть тут вот на поле. Приносят его сегодня — а лицо всё сгорело...

Если бы Дарья Викторовна не говорила так путано, что до нас доходило примерно одно её слово из десяти, я бы наверняка в обморок упал, услышав эту новость. А так всё дошло до меня постепенно, потихонечку.

Витя близко не знал Коляна, но услышав о том, что с ним стряслось, вместе со мной бросился к первому подъезду — туда, где жил Коля.

* * *

В квартире Коляна народу было — не пройтись. Наверное, полдома стеклось, да ещё и милиции человек восемь. Когда мы поднялись на этаж, то сначала хотели позвонить, но тут я сообразил, что дверь должна быть открытой, так оно и оказалось. Никто на нас особого внимания не обратил, когда мы зашли.

Его мать нельзя узнать было. Вся заплаканная, взъерошенная, аж говорить не могла. Ещё бы, такое горе.

О том, что произошло с Колей, мы, как и все остальные, могли только догадываться. Единственное, что нам удалось узнать — сегодня утром Колю нашли где-то на окраине города, на каком-то заброшенном пустыре. Нашли строители, которые приехали, чтобы осмотреть это место, они строить там что-то собирались.

Какие-то сволочи сначала убили Коляна, проломив ему череп, а потом подожгли его тело. Бедняга

так обгорел, что его было очень трудно опознать. Как говорил один милиционер другому, а мы это слышали, видимо, его облили какой-то химической жидкостью и уже потом подожгли.

Как только я услышал это, что-то у меня внутри перевернулось. Я вспомнил эту статью, ведь там описывался примерно такой же случай. Этот маньяк тоже обливал своих жертв какой-то гадостью, а потом поджигал их, чтобы опознать было невозможно. Всё сходилось ну прямо тютерлька в тютерльку.

Я так переволновался, что даже говорить не мог. Всё стоял, опустив глаза, как пришибленный.

— Ладно, слушай, пойдём отсюда, — зашептал Витя, дёрнув меня за рукав. — Не могу я больше здесь.

— Да, ты прав, пошли.

Напоследок я подошёл поближе к небольшому гробику, стоявшему посреди комнаты. В нём находилась какая-то страшная масса синеватого цвета, которая ещё недавно была моим одноклассником.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

КОШМАР ПРОДОЛЖАЕТСЯ ВО СНЕ

Наступившая ночь у меня была неспокойной. Как только я закрывал глаза, обязательно грезилось что-то ужасное.

Я видел лицо Коляна — счастливое, веснушчатое, такое, как у него было при жизни. Коля весело ухмылялся и приглашал поиграть в футбол. Я отказывался, мол, мне надо репетировать, я не хочу и так далее, но Колька всё-таки настаивал.

Мы как раз выходили на Красную площадь, и я заметил, что неподалёку от мавзолея возвышались гигантские футбольные ворота, такие огромные — выше Спасской башни. Меня это, конечно, удивило, но не так чтобы очень.

Напротив этих, само собой разумеется, были другие ворота. Колька сбросил с плеча сумку, и она тут же улетела куда-то ввысь, будто подхваченная воздушным потоком.

— Нууу, давааай, я нааа воооороооотах, ты бееееей! — его голос подхватывало эхо, и казалось, он раздавался со всех сторон.

Тут же у меня под ногами появился мяч — обычный футбольный пузырь, которым мы всегда играли, даже наклейка на нём та же самая была. Я ударил его ногой, и мячик полетел прямо в ворота.

Колька был хорошим вратарём, и я знал, что мою «пушку» он запросто отобьёт. Натренировался уже на такие удары. Но когда Колян подпрыгнул, чтобы схватить мячик, тот вдруг резко сам упал на землю и покатился в сторону ворот, да так, что проехал у Коли как раз между ног.

— Молодец, мальчик! — услышал я откуда-то сзади сразу же после судейского свистка. — Так ты ему хорошо заколбасил...

Я обернулся и увидел у себя за спиной Максима Тихоновича. Он был одет в испачканный гуталином белый плащ и огромные красные сапоги — такие я видел разве что на какой-то картине типа «Утро стрелецкой казни». В одной руке он держал свисток, а в другой у него был огромный топор — что-то мне подсказало, что он был очень острым и стариным, века так семнадцатого. К поясу Максима Тихоновича была непонятно каким образом прикреплена его бедная собачонка.

— Ты проиграл! — произнёс страшным голосом этот мужик и медленно направился в сторону Кольки тяжёлой походкой — аж земля тряслась от его шагов.

— Подождите, подождите, я больше не буду! Сам вымою вашу собаку, наконец, я куплю вам новый плащ, только не надо, не надо! Мы скопили денег, и я куплю вам плащ, не надо, не надо... — истощенно всхлипал Коля.

— Не-ет, ты проиграл! — лицо Максима Тихоновича искривилось в страшной нечеловеческой ухмылке. — Ты проиграл!

— Не надо, не надо! — по-прежнему хныкал Колька. Мужик медленно приближался к нему.

Колян, весь трясущийся от испуга, попытался убежать, но у него ничего не получилось. Как будто он прирос к земле:

А мужик подходил всё ближе и ближе. Вот он уже почти поровнялся с Коляном. Его правая рука — именно та, в которой был топор палача, — стала медленно подниматься вверх.

— Нет, не надо, не надо! — как зацикленный повторял Коля.

— Да-а-а! Ты проиграл! — голос палача громыхал так, что у меня буквально уши закладывало. — Ты проиграл!

В ту минуту, когда топор медленно опускался на голову Коли, мне тоже стало не по себе. Я вспомнил, что, хотя нам с Коляном и приходилось иногда ссориться и он мне до сих пор должен десять рублей и всё никак не хочет отдавать, мы всё-таки были друзьями и ладили, в общем-то, очень неплохо.

Топор опускался медленно и плавно, это продолжалось целую вечность. Я тоже заорал «не надо, не надо», но мужик меня не послушал.

Голова моего друга упала на мостовую и тут же отскочила от неё, как резиновый мячик.

Потом невесть откуда появилась мама. То есть это была даже не мама, а та глухая девушка, но говорила она маминым голосом:

— Сынок, ты всю ночь кричишь! На, выпей вот отвар, может, успокоишься.

И я наконец-то проснулся.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СПОРЫ, ЗАГАДКИ И НИКАКОЙ ЯСНОСТИ

— Слушай, ну неужели ты ещё не понял, что этот мужик с красным носом совсем не такой простой, как нам кажется?

— В смысле, не такой простой? Да он проще пареной репы, я тебе говорю!

Уже минимум полчаса мы сидели с Витей на лавочке в маленьком скверике и оживлённо спорили. Сегодняшнюю репетицию мы решили отменить: ни у кого не было желания заниматься музыкой, когда в доме творились такие дела.

Конечно, я не мог утверждать со всей уверенностью, что этот Максим Тихонович, которому мы в своё время сделали отменную пакость и к которому я совсем недавно ходил извиняться, был виновен в смерти Коли. Но догадки какие-то на сей счёт приходили на ум.

Во-первых, он был очень похож на того маньяка, которого описали в газете. Все приметы сходились, даже то, что оба они мясниками работали.

Во-вторых, нормальные люди мясниками не работают вообще. Все, кто занимается этим страшным делом, запросто могут изрубить не только туши свиньи, но и человека.

В-третьих, слишком уж странной была эта его якобы племянница. И откуда она появилась? Нежели действительно из Сибири и неужели действительно для того, чтобы устроиться здесь на работу?

Ну и в-четвёртых... Слишком уж странным был и сам этот мужчина. Странным и страшным. Странно он себя вёл, странные вещи говорил, когда я был у него в гостях.

— Всё это ты, может быть, и верно подметил, — перебил меня Витя. — Но ведь есть и одно «но».

— Ну-ну, интересно. Какое ещё «но»?

— Смотри. Коляна убили в тот день, когда мы репетировали, помнишь? Максу ещё надо было куда-то там идти.

— С чего ты так решил?

— Как это с чего?! Ведь он в тот день пропал. Всё остальное время, пока его искали, бедняга просто пролежал в грязи. Это ж и дураку ясно.

— Ну, может быть, — согласился я, потому что, честно говоря, плевать мне было, когда Коле череп проломили. Для меня было куда важнее знать, кто это сделал.

— А теперь слушай дальше. В тот день Колька играл в футбол примерно до полседьмого. А потом все разошлись по домам, и он тоже. А ведь примерно в это время мы как раз с пёсиком ту штуку устроили. Ты забыл, что ли?

— Это не в полседьмого было, я тебе говорю. Уже часов семь так точно стукнуло.

— Ну и что из того? Это ведь не важно. Разве успел бы этот мужик «замочить» Колю, а потом сесть себе на лавочке и газету читать?

Тут я немножко призадумался.

— Да ерунда это всё, — наконец выдал я. — За полчаса можно горы свернуть. Тем более, что все умные убийцы всегда обеспечивают себе подходящее алиби. Вот и он тоже мог тихонечко убить Колю, а потом спрятать его, а ночью вывезти и сжечь. Разве сложно?

— И действительно... — Витя был большим любителем поспорить, но на этот раз он быстро со мной согласился. — Как это было в той песне «Роллинг стоунз»? Или это у «Пинк Флойд» такая песня есть?..

— Да ты не про песни-то думай, а про то, как нам этого маньяка на чистую воду вывести!

Витя, наверное, со мной так быстро согласился только потому, что усиленно вспоминал эту песню. И теперь он снова взялся спорить.

— Нет, ну ты мне скажи, а какой резон этому мужику было убивать Коляна? Ему ж от этого ни холодно ни жарко. Если бы ради денег, тогда другое дело.

— Да как ты не понимаешь, в конце концов? А почему, по-твоему, все маньяки убивают кого-нибудь? Вот именно, что за просто так. Есть люди, которыми движут светлые силы, они от Бога, а есть те, кто подвержен дьявольскому влиянию.

— Дьявольское, Божье... Чушь это всё, ты ведь сам понимаешь прекрасно. Сказки детские, в которые взрослые верят.

— И вовсе даже не чушь. И никакие не сказки.

— Нет, чушь!

— Нет, не чушь! Всё это правда.

— Да чушь это всё, кому я говорю. Ты живёшь только на земле, а потом, когда умираешь, тебе конец сразу же наступает. Всё, амба.

— Ничего подобного. Со смертью только всё начинается.

— Начинается? Ты думаешь, что для Кольки всё как раз началось? Да ни фига подобного! Лежит он себе в гробу, весь обгоревший.

— Ну, в гробу-то он, может, и лежит, а вот душа его в это время уже не здесь.

— И где же она, по-твоему, может быть?

— Ну ясно где — на небесах. Может, Коля и плохие поступки совершил, но Бог ему простит, думаю. Смерть — это ещё далеко не конец, я прямо нутром чую. Иначе просто и быть не может.

— Ну и дурак!

Никто из нас не был в состоянии переубедить другого, и поэтому мы могли в эту минуту просто поссориться.

Но делать этого сейчас не хотелось. Столько всего произошло, что было не до ссор.

— Ладно, насчёт того, где сейчас Колян, мы потом подумаем, — примирительным тоном произнёс я. — Тем более, что тот, кто его туда отправил, наверняка ещё на этой земле.

— Точно, — согласился со мной Витя. — Но если честно, сыщик из меня никакой. Я только музыке выучен, а больше ни к чему меня не тянет.

— Не тянет, говоришь! А как ты относишься к перспективе оказаться на месте Коляна? Ведь этот маньяк на одной жертве, ясное дело, не остановится. Ему этих жертв надо хотя бы раз в месяц по одной.

— Да, это дело, конечно, нешуточное, — согласился со мной Витя.

— Вот поэтому давай тогда действовать. На милицию нам рассчитывать не приходится: сам зна-

ешь, какая она у нас... Так что если не поймаем маньяка сами, не обезвредим его, никто этого за нас не сделает.

— Ну надо бы сначала найти, а потом уже обезвреживать.

Я уже собирался что-то ответить ему, когда вдруг услышал шум приближающихся шагов. Это было настолько неожиданно, что у меня аж сердце в пятки ушло.

— Эх, неформалы, привет, у вас огоньку не найдётся?

Это был один из тех ребят, которых мы видели пару дней назад в джипе «Чероки». И почему это они называют нас неформалами? Неужели только потому, что у Вити волосы длиннее обычного да ещё у меня на куртке написано «Металлика»?

— Нет, не будет, — ответил я. — Некурящие.

Но Витя, недолго пошарив по карманам, вытащил оттуда спички и протянул их парню, попросив у него взамен сигарету. «При таком разговоре без курева не обойдёшься», — объяснил потом он.

— Ну так вот, — продолжал я, когда парень наконец отошёл. — Давай-ка мы начнём с того, что проверим этого самого Максима... Как там его?.. Устроим обыск у него на квартире. Ведь наверняка у такого, как он, должно остаться что-то, что позволило бы нам выйти на след.

— Обыск? — неохотно отозвался Витя. — Ну идея, в общем, неплохая. Но как ты осуществляешь её?

— Да элементарно. Подождём, пока у него дома никого не останется, и проникнем внутрь — вот и всё. С утра этот мужик куда-то уходит, на работу, наверное, а той девки, что у него живёт, то-

же нет. Фортину они всегда открытой оставляют. Ещё есть вопросы?

— Есть. Ты у нас Тарзаном родился, чтобы по карнисам лазать?

— Ну ты и дурак вообще! — мне приятно было наградить таким «комплиментом» приятеля. — Да они ведь на первом этаже живут! Забыл, что ли?

Короче, на том и порешили. К послезавтрашнему дню я должен был «заболеть», чтобы не пойти в школу, а Витя сказал, что сам уладит свои проблемы.

Следующей ночью мне спалось немногим лучше, чем предыдущей, и поэтому когда на утро я заявил маме, что плохо себя чувствую, она мне сразу поверила. В школу теперь можно было не ходить.

* * *

В школе у нас творился такой хаос, что моего отсутствия там, видно, никто и не заметил. Весть об убийстве Коли донеслась туда уже на следующий день после того, как нашли его останки. И на всех уроках учителя только о том и говорили, что об ужасном преступлении.

Мы тоже не отставали от них. Всем хотелось узнать, кто же так жестоко поступил с этим ни в чём не повинным парнем.

Домой в тот день мы возвращались уже вдвоём — то есть Васюта и я. Ясное дело, что в голову никаких других мыслей и близко не приходило, кроме мыслей об убийстве.

Я рассказал Васе о том, как вчера к нам с Витей подошла бабушка и сообщила об этом несчастье, как потом мы побежали в кварти-

ру Коли, рассказал я и о том, во что его превратили.

Вася реагировал на всё это как-то уж слишком спокойно — спокойнее не придумаешь. Мол, маньяки — они всегда есть и везде, даже в Америке невинные люди гибнут, не то что у нас. А чтобы не попасться к ним в лапы, просто надо соблюдать осторожность.

— Где уж тут будешь осторожничать, — ответил ему я. — Ведь никогда не знаешь, кто перед тобой — убийца или просто добрый дядечка, которому поговорить с тобой вздумалось.

— Ну так надо знать, — ответил мне он.

О своём страшном соседе я ему, конечно же, ничего не сказал. Не надо на этот счёт особенно трепаться, решил я. А то мало ли что.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*ВАСЯ УЗНАЁТ КОЕ-ЧТО НОВОЕ О СВОЁМ
ОЧЕНЬ БЛИЗКОМ РОДСТВЕННИКЕ*

Это было вчера, а на следующий день я немного приболел. Ничего страшного у меня как бы не было — немножечко температура подскочила, а потом снова нормализовалась, но благодаря этой своей болезни я мог хотя бы пару деньков не ходить в школу. А из дома выходить я стал уже на следующий день после того, как заболел.

То есть так болеть мне даже нравилось. Можно было, по крайней мере, хоть немного отдохнуть от всех этих событий.

Но с отдыхом у меня ничего не получилось. А виной тому те двое дядей, которые однажды вечером ни с того ни с сего завалили к нам в гости.

* * *

Дверь открыла мама, но я тоже вышел в прихожую, чтобы посмотреть, кто зашёл.

На пороге стояли два человека: один уже пожилой, весь в морщинах, а второй помоложе. Даже вернее будет сказать, совсем молодой.

— Здравствуйте, мы из милиции, — сказал тот, что помоложе. — Мы хотели бы поговорить с вами. Можно войти?

Насчёт того, откуда они, могли бы и не говорить: оба ведь были в форме. Да и о чём они с нами говорить будут, мне тоже сразу стало понятно.

— Добрый вечер, проходите, пожалуйста, — мама немного оробела, увидев таких нежданых гостей. И тут же спохватилась: — А документы у вас есть при себе?

— Да, пожалуйста, — ответил молодой, протягивая своё удостоверение. — Я старший лейтенант Василишин, а это капитан Виктор Павлович Дурдик. Мы расследуем одно дело, которое... Ну, в общем, нам надо с вами поговорить.

— Раздевайтесь, проходите...

— А ваш муж дома? — вдруг задал вопрос старший. До этого он не вымолвил ни слова, мне тогда показалось, что этот мент вообще неразговорчивый.

— Дома, дома, — ответила ему мать. — Сейчас и с ним сможете побеседовать.

Как минимум час, а то и больше нас расспрашивали о том, что мы видели в тот день, когда пропал Коля, чем занимались, кто по двору слонялся подозрительный, и так далее. Ничего пугнного мы им, ясное дело, не сказали.

Я со всеми подробностями рассказал о том, как мы с Колей возвращались домой, как ели мороженое, как он меня пригласил поиграть в футбол и как я отказался, потому что в этот день мне надо было идти на репетицию. Потом ещё долго пришлось рассказывать, что это у нас за репетиции, где мы играем, с кем, почему и так далее.

От моей матери и тем более отца даже этого нельзя было добиться. Папа вообще видел Колю не больше трёх раз в жизни, а мама его знала более-менее хорошо, но в тот раз она весь день сидела дома и парня, понятное дело, не видела.

— И это всё? — спросил старший милиционер и пристально, как-то нехорошо посмотрел на отца.

Тот даже сразу растерялся:

— Ну всё вроде бы.

— Точно всё? А мне казалось, вам есть ещё кое-что сказать, мичман Спиридов. Не узнаёте меня, а? А то ведь я когда-то был вашим подчинённым.

Папа взглянул на этого усатого капитана одновременно и растерянно, и боязливо.

— Кстати, а Василия Иванишкина вы тоже не знаете? — продолжал его допрашивать милиционер. — Вот, можете на снимочек взглянуть, если хотите.

Капитан достал из своего портмоне снимок Васюты.

— А вот и ещё один снимочек.

Не знаю, что там было на этом снимке, но когда папа с мамой его увидели, им сразу стало явно не по себе. И очень скоро я понял почему.

— Васю нашли вчера, — металлическим голосом продолжал капитан. — У вас во дворе, в мусорном контейнере. Один пенсионер выбрасывал мусор и обратил внимание, что из контейнера торчит детская нога. Впрочем, кому это я рассказываю?

Второе такое потрясение за последние дни — это было уже слишком. Значит, они добрались и до Васюты. Никакая осторожность не помогла.

— Так, сынок, сходи-ка ты на кухню и поставь чайник, — спохватилась мама. — Да, и ещё тебя бабушка просила позвонить.

Я прекрасно знал, что от меня хотят избавиться, но понимал я и то, что артачиться не имеет смысла, иначе просто выставят за дверь и все дела. Поэтому я как будто бы согласился выйти из комнаты, но как только оказался в коридоре, сразу же припал к замочной скважине.

Оттуда мне было кое-что видно, ну а слышно было просто замечательно.

— Ну так что же вы, дорогой, всё в Незнайку играть будете? — капитан не отставал от моего отца. — Может, расскажете нам кое-что интересное? Чистосердечное признание, как-никак...

И что это за чушь он молол? Какое, к чёрту, чистосердечное признание? Да мой батя и муhi бы не обидел, не говоря уже о том, чтобы двоих пачанов со светувести.

— Да не в чём мне признаваться, в общем... — тихо промямлил отец.

— Ну разве он виноват? — вступилась за него мама. — Да неужто он на убийцу похож?

— Не знаю, на кого он похож, — отрезал капитан. — А вот только подозревать его у нас есть основания в первую очередь. В тихом омуте, как известно...

— Это почему же ёщё? — оробела мама.

— Почему? Рассказать вам, почему? Да потому что горбатого могила исправит.

Я уж было совсем решил, что этот капитан последний дебил, да и мама, видно, придерживалась о нём такого же мнения. Но тот продолжал говорить. Он встал с кресла и стал расхаживать по комнате: взад-вперёд, взад-вперёд...

— Да, сейчас Пётр Спиридов действительно уж не тот. И куда это девался тот молоденький мичман. Сейчас Спиридов даже сына по попе не шлёпнет, а ведь тогда... Тогда нам от него доставалось по первое число. Ух как нам от него доставалось, тем, над кем он начальником числился. Самым крутым мичманом на всём флоте считался как-никак.

На это папа ему ничего не ответил.

— Ну что, Спиридов, помните эсминец «Отважный»? Да как же вам его забыть-то, а? А матроса Сергеева помните? Помните? Я кого спрашиваю?!

Капитан вдруг сорвался на крик. Ни о каком Сергееве мне никогда в жизни и слышать не приходилось, но вскоре я кое-что узнал о том, почему это отец его должен помнить.

— Нормальный был парень, этот Сергеев, ничего плохого лично я о нём бы не сказал. Да вот только одна беда была: повздорил он как-то с этим самым мичманом. Из-за девчонки, говорят, повздорил. Ну и тут начались у Сергеева не приятности.

Однажды среди ночи к нему подлетел этот самый мичман и ещё парочка его дружков. Они устроили переполох, зажгли свет, подняли Сергеева на ноги. И тут у него под матрацем находят портсигар мичмана, который Сергеев якобы украл. Позолоченный такой портсигар, очень красивый.

Ну, на флоте законы сами знаете какие. Украдёшь что-нибудь — пеняй на себя. Но этот мичман Спиридов превзошёл абсолютно всех. До утра он избивал бедного морячка, который ни в чём не был виноват, а когда тот сознание терял, его водой ледяной поливали — и снова по новой.

Да если б его только били... Мичман Спиридов ему такие пытки придумал, что фашисты бы по-завидовали. И иголки под ногти вгонял, и чего только не было.

— Да не может быть! — вскричала мама. — Чтоб этот мой рохля так над кем-то издевался...

— Может, ещё как может, — невозмутимо продолжал капитан. — Короче, к утру бедного парня еле откачали. Переусердствовал Спиридов немножко. Ну а потом, ясное дело, трибунал был. Так мичману этому повезло несказанно. Вместо тюрьмы попал он в психушку, а потом и на свободу выбрался.

Ошарашенная мама смотрела на отца глазами по рублю. Тот же, наоборот, опустил взгляд в землю.

* * *

Капитан, который всё это нам рассказал, был следователем по делу об убийстве Васюты, и почему-то ему казалось, что без моего отца тут никак не могло обойтись. Хотя при чём тут он?

Впрочем, я даже знал при чём. Ведь наверняка у этого следователя с моим папой были свои счёты. А ещё совсем недавно я считал, что у такого человека, как отец, врагов ну просто не может быть.

Обо всём этом я думал чуть ли не всю ночь.

Раньше мне мой папа казался совсем не таким. Я, как и мама, иногда обвинял его в безволии, в том, что он ни на что такое особенное не способен, а тут ведь вон оно как оказалось. Способен, да ещё как!

Сначала никаких хороших мыслей поступок отца у меня не вызывал. Да и как же иначе — уст-

роить самосуд над ни в чём не виноватым парнем, избить его, издеваться так над ним. Поэтому и уважение к отцу у меня сразу же пропало. Но потом я подумал, что...

Короче, думал я очень долго, и обо всём этом не буду писать. Только чуть-чуть.

Любой человек ведь по-разному поступает: бывает, хорошо, а бывает, что и не очень. Или, прямо скажем, из рук вон плохо. Со мной вот, например, тоже такое было: однажды я украл из башкинского кошелька её последние деньги. Но это ведь не значит, что я такой уж отпетый негодяй. Я ведь потом признал, что совершил зло, и сожалел об этом.

Отец тоже наверняка жалел о том, что он совершил в молодости. Как говорится, раскаивался. Значит, мы с мамой его тоже должны были простить. Тем более, что столько времени прошло, да и сам он так изменился... Бог ведь всё прощает.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Вася и Витя делают обыск

Я ждал этого телефонного звонка целое утро, и вот наконец он раздался.

— Алло, Вася! Ну всё, этот красноносый мужик свалил. Можно начинать.

Вчера мы договорились с Витей насчёт того, что он будет с утра смотреть в окно, чтобы проследить, когда этот старый хрыч выйдет. Обычно он это делал примерно минут в пятнадцать первого, но сегодня что-то задерживался. Когда Витя наконец позвонил, было уже почти половина первого.

Глухой девчонки тоже не было дома, поэтому мы могли совершенно спокойно осуществить задуманное.

Окна и балкон этой квартиры выходили в маленький палисадник, где по утрам и вечерам всегда было много собачников, но днём, когда все люди на работе, обычно было пусто. Все форточки в окнах были открыты, а когда открыта форточка, запросто можно открыть и балконную дверь. Поэтому пробраться в квартиру, в общем-то, было несложно. Тем более, что мне уже однажды приходилось проникать в чужой дом таким же путём. Не воровать мы тута, конечно же, лазили, а просто какой-то му-

жик попросил нас это сделать за червонец: он ключ потерял.

Витя стоял на шухере и следил за тем, чтобы в палисаднике не было ни души, а я тем временем занимался акробатикой. Если бы какому-нибудь прохожему вздумалось здесь появиться, Витёк должен был его отвлечь своими разговорами.

Не прошло и минуты, как я уже был на балконе. Ржавая защёлка не хотела открываться, и в сердцах я её обругал как своего злейшего врага.

И вот я наконец в квартире. Прямо даже страшно стало.

На улице был день и даже солнышко немножко светило, пробиваясь сквозь облака. Но в доме у этого типа царил, как всегда, зловещий полумрак. Я оказался в той комнате, где мне раньше не приходилось бывать, — в гостиной. Грязные шмотки тут были разбросаны в не меньшем количестве, чем в соседней комнате.

И откуда в квартире этого мясника берётся такой запах? Вроде, проветривают они всегда помещение, иначе как бы мы туда забрались? Но всё равно воняет так, что хоть ты вешайся.

* * *

Я сразу же вышел в прихожую, где после минуты-другой сражения с замком мне наконец удалось открыть дверь, чтобы впустить внутрь Витю. И тогда мы двинулись на обследование этой квартиры.

— Так, только тише, — прошептал я. — Постарайся не оставлять отпечатков, не дотрагивайся ни до чего. Я в перчатках, и мне не страшно.

К этому визиту я подготовился очень тщательно, буквально всё до мелочей продумал. А перчатки я взял мамины: других в нужную минуту не нашлось. Хотя мне они, в общем, по размеру подходили.

Я аккуратненько приоткрыл скрипучую дверь одного из шкафов, и оттуда сразу же послышался звон пивных бутылок. Тут ничего интересного не было, но в другом шкафу, в том, который стоял в комнате мясника, мы смогли найти то, что показалось нам очень даже любопытным. Это был огромный нож странной, причудливой конструкции: с зазубринами на одном конце и большим углублением для стока крови на лезвии. Нож был плохо вымыт, и это свидетельствовало о том, что совсем ещё недавно его использовали по назначению.

Но самое большое впечатление на нас произвела надпись, сделанная на рукоятке. Там было написано: «Подарок от Венечки. В твоём деле пригодится».

У нас аж кровь остановилась в жилах, когда мы прочитали такое. Интересно, в каком это деле могла пригодиться такая штучка? Понятно в каком. Ни в каком другом, кроме...

— Ладно, я думаю, с нас хватит, — не выдержал Витя. — Давай заберём эту штуку и мотаем отсюда.

Копаться в вещах этого странного типа мне тоже не казалось весёлым и увлекательным занятием, и поэтому я сразу согласился с приятелем.

Когда я закрывал дверцу того шкафа, где мы нашли нож, с верхней полки вдруг посыпался ворох фотографий. Я ведь не профессиональный медвежатник, и поэтому, наверное, задел что-то

не то. Со старых фото на нас смотрели какие-то старики, старушки, детки-карапузы и совсем молодые ребята.

«Наверное, собирает фотки своих жертв, — подумалось тогда мне. — На память».

И в эту секунду моё сердце чуть было не выпрыгнуло из груди.

Кто-то вставил ключ в замочную скважину.

— Бежим отсюда! Скорее! Скорее! — чуть было не закричал Витя.

Мы не стали наводить в квартире порядок. Утешало только то, что эта глухая не увидела нас: мы повыпрыгивали с балкона и смылись с такой быстротой, как будто за нами гналось человек восемь красноносых мясников с ножами покруче того, который достался нам в качестве трофея.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Новые потрясения

Когда я через пару дней появился в школе, там всё ещё бушевали страсти. Да и неудивительно — два таких ужасных убийства подряд.

По коридорам и классам родной школы носились целые толпы милиционеров, родителей учеников и каких-то совершенно странных дядек — из ФСБ, что ли. Появлялся и бывший сослуживец моего отца.

Каждого ученика нашего класса долго допрашивали милицейские в штатском. Особенно это касалось друзей Васи и Коли — то есть в первую очередь меня, потому что именно я вместе с ними каждый день возвращался из школы домой. Причём я был, наверное, последним из класса, кто видел Васю живым.

Но не мог я им сказать ничего нового, кроме того, что уже говорил. Хотя допрашивали они меня просто ужас как. Словно думали, что я в этом деле замешан.

Мне и самому было интересно узнать, что же случилось с Васей. Ведь он, в отличие от таких ребят, как мы с Коляном, не шлялся целыми днями по улице. Да ещё эта его осторожность, рассудительность...

Я кое-что пытался выпытать у милиционеров, что им на сей счёт известно, но занятие это было

бесполезное. Никто мне ничего не сказал. Хотя от своих одноклассников мне всё-таки удалось узнать, что в тот роковой день Вася пошёл в магазин. Мама дала ему сумку и попросила хлеба купить. До магазина было минут пять ходьбы — не больше, но сын её даже через полчаса не вернулся.

Родители Васи, как ни странно, даже не огорчились по этому поводу. Хотя его дома целую ночь не было. Мои бы, наверное, места себе не находили. И только когда нашли труп Васи, его мама наконец поняла, что произошло самое страшное.

Домой в этот день я возвращался из школы один: моих товарищ уж не было в живых. Поэтому всю дорогу меня одолевали, сами понимаете, какие мысли. Как ни старался я успокоиться, всё никак не получалось.

Да и дома меня ждал не очень приятный сюрприз.

* * *

Около двери своей квартиры я простоял, по крайней мере, две минуты, прежде чем понял, что никого внутри нет. Это показалось мне очень странным, ведь мама редко куда-то надолго уходила, да и отец уже должен был вернуться.

Своего ключа у меня не было, но ключ от нашей квартиры должен был быть у соседки Веры Павловны. Она-то уж точно была дома, но пришлось бог знает сколько звонить, прежде чем эта бабушка смогла оторваться от просмотра какой-то там мыльной оперы и подошла к двери.

Удивительно, но сегодня Вера Павловна была немногословной, и мне удалось отвязаться от неё всего через каких-то полчаса. Дело в том, что она очень любила, по её словам, «пообщаться с молодёжью».

Сначала порасспрашивает о школе, уроках, планах на будущее и т. д., а потом зарядит хорошенькую нотацию на этот счёт. Причём нотация эта была всегда одинаковой — ну буквально слово в слово.

Но сегодня, как я уже говорил, мне повезло. По телевидению в это время суток показывают массу всяческой дребедени, и Вера Павловна не могла долго отвлекаться. Какое счастье!

Думая обо всём этом, я стал открывать двери моей квартиры, рассчитывая сейчас спокойненько поесть себе в одиночестве, а потом отправиться куда-нибудь. Но тут, буквально на пороге моего жилища, у меня вдруг появилось смутное предчувствие. Будто что-то произошло. Будто где-то в ванной или, в крайнем случае, на балконе, меня дожидается расчленённый труп в луже крови.

Трупа не было, но кое-что мне всё-таки удалось найти. Тоже страшное, хотя это и был всего лишь листок бумаги.

Это была записка от отца. В ней он писал, что ему очень стыдно, что больше он не может с нами находиться, что уезжает, и чтобы мы его не искали. Ещё там было несколько слов про деньги и ещё про что-то неважное.

Когда я вечером показал эту записку своей матери, она тут же разрыдалась, судорожно всхлипывая. И почему папа всё так воспринял? Да, никто бы его не погладил по головке за то, что он натворил в молодости, но и убивать бы тоже не стали.

Надо было с ним поговорить на этот счёт. Но теперь уже было поздно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВАСИН БРАТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Впрочем, события не кончились даже на этом. Хотя, казалось бы, куда уж тут больше. Ведь за какую-то одну неделю я пережил чуть ли не больше, чем за всю прежнюю жизнь.

Правда, на этот раз событие было совсем другого характера. В смысле не грустным, а наоборот. Дело в том, что мой брат вернулся.

Его я не видел уже бог знает сколько времени. Так давно, что даже как бы забыл о нём. То есть не то чтобы забыл, а скорее просто не вспоминал.

И вот он вернулся. Откуда — сам не знаю, потому что ни мать, ни он сам мне этого до сих пор не сказали, мол, военная тайна. Хотя кажется мне, что без Чечни тут не обошлось.

Ну да ладно. Главное, что наконец вернулся.

Я как раз в тот день ненадолго задержался после школы. Мы встретились с Витюхой, чтобы проследить за маньяком. Ведь одного этого ножа было мало, нужны были и другие улики.

С мужиком у нас ничего не получилось толкового: он, наверное, ушёл из дома раньше нас или вообще не приходил ещё с работы. А когда я пришёл домой, то опять сразу почувствовал — что-то

произошло. Тем более что в прихожей была чья-то сумка и обувь.

Мой брат почти не изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Только лицо, как мне показалось, стало каким-то бледным. И глаза странно бегали.

Когда я спросил у него, надолго ли он на этот раз пожаловал, брат ответил, что теперь уже навсегда. Что не будет он больше воевать — с него хватит.

Мама, конечно, радовалась тому, что Ваня вернулся. Да и как тут было не радоваться? Мне всегда казалось, будто его она любит больше, чем меня. Но вид у матери был такой... одновременно как бы и радостный, но, с другой стороны, и тревожный. Чуть позже я узнал, что там, где он воевал, брата отравили каким-то веществом, вероятнее всего, химическим. Поэтому-то он и вернулся домой.

Весь этот вечер Ваня просидел дома, мама стол по этому поводу хороший приготовила. Я вышел часа на два, чтобы с Витеем опять встретиться, но потом вернулся. Несмотря на все гости, настроение у нас было в этот день приподнятым.

Приехав в Москву, Ваня решил устроиться на работу. Стать таксистом и мирно зарабатывать себе на жизнь, сидя за баракой. Он признался, что у него уже давно была мечта пожить спокойной нормальной жизнью, но армия — это не то место, откуда в любой момент можно уйти. Туда как попадёшь, так уже с концами.

Кто-то из друзей дал Ване адрес, где его должны были взять на работу. Машину водить он хорошо умел, поэтому насчёт того, что так-

сист из него заправский выйдет, никто и не сомневался..

О том, что произошло с моими друзьями, Коляй и Васей, я рассказал Ване только на следующий день. Его это сильно удивило: он-то, небось, думал, что только на войне люди будто мухи гибнут, а тут, как оказалось, мирная московская жизнь тоже таит опасности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Статья в газете

Про то, что случилось с Колей и Васей, в школе по-прежнему только и судачили. Я сам тоже очень переживал по этому поводу. Да то что переживал — это ладно. Но теперь ведь всем нам впервые в жизни по-настоящему стало страшно.

Одно время занятий почти не было. Все учителя вместо того, чтобы уроки вести, только об этих убийствах и говорили. И ребята погибшие, по их словам, вообще замечательными получались. И учились лучше всех, и добрею всех были, и самые вежливые, и всё такое. Насчёт Васи так ладно, но кому как не мне помнить, сколько раз Коляну от учителей доставалось? Его ведь чуть ли не каждый день песочили. И к завучу вызывали за опоздания, и двойку по русскому языку за четверть ставили, и чего только не делали. А умер — лучше всех оказался.

С ребятами мы тоже судачили на переменах про эти убийства. Теперь все соглашались в одном: оба они — дело рук маньяка. Но в отличие от всех, я знал какого. Я даже знал, как его зовут.

Какой-то из номеров той газеты, где я впервые прочитал о том, что известный маньяк жив, попал ко мне совершенно случайно. По-моему, мама в него рыбу завернула или брат обувь из ма-

стерской принёс. И теперь я уже знал, что всё там написанное — это не выдумки пустые и не сказки, а самая что ни на есть чистая правда.

* * *

А написано там было вот что:

«В нашей газете уже сообщалось о том, что страшный маньяк Иван Клочков скорее всего избежал своей участи. Несмотря на решение суда и на заверения официальных лиц относительно того, что приговор был приведён в исполнение, редакция получила сведения о том, что преступник остался жив. Более того, сейчас он скорее всего разгуливает на свободе.

Увы, правоохранительные органы это по-прежнему отрицают. Но сами события позволяют утверждать, что они не правы.

В существовании ужасного маньяка на своём, как говорится, опыте смог убедиться 13-летний мальчуган Коля П. И если бы он смог рассказать о том, что с ним произошло, то, наверное, милицейские чиновники уже не были бы столь категоричны.

В один прекрасный апрельский вечер этот парень занимался своим любимым делом. Он играл в футбол с друзьями на стадионе. А когда стемнело, рас прощался с ними и пошёл домой, где его ждали нежно любящие родители.

Но дома он не появился. Ни в тот день, ни на следующий.

По дороге к дому мальчика встретил незнакомый мужчина. Он был одет в чёрное пальто и шляпу.

— Привет, приятель, — обратился к Коле незнакомец. — Я видел, ты сегодня хорошо играл

в футбол. У тебя отлично получается, и я думаю, что под моим руководством ты добьешься ещё больших успехов.

— Да нет, что вы... — робко ответил ему паренёк.

Они разговорились, и через пару минут выяснилось, что мужчина был тренером детской сборной России по футболу. И предложил ходить к ним на тренировки в Лужники.

Для мальчика такое предложение было, конечно же, очень лестным. Ведь сколько ребят его возраста в Москве увлекаются футболом! А попасть в команду (кстати, что это за сборная такая, нам до сих пор не удалось выяснить) удаётся очень и очень немногим.

И тогда мужчина спросил его, в какой стороне станция метро. Коля не только показал ему, но даже согласился провести.

Их путь проходил через уже безлюдный стадион. Мальчик чувствовал себя просто замечательно. Ведь не каждый день поступают такие предложения. Он был готов прямо прыгать от радости.

А вот лицо его «благодетеля» наоборот вдруг стало меняться. И если бы Коля взгляделся в это лицо, освещённое тусклым светом фонарей, то увидел бы уже не лицо добрейшего дядечки, все свои силы отдающего молодёжному спорту. Это было загадочное и страшное лицо с хищным взглядом волка, вышедшего на охоту.

— Скажите, а правда, что всем в сборной выдают одинаковую форму? — спросил у мужчины ещё ничего не подозревающий мальчик.

— Да, правда, — прохрипел тот в ответ, — будет тебе форма!

— Скажите, а бывают заграничные поездки?

Ответа не последовало. Мальчик подумал, что мужчина его не расслышал, и повторил вопрос:

— Скажите, а...

И вдруг перед его глазами появилось страшное лицо маньяка. Лицо, обезображенное совсем не человеческим оскалом, оскалом лютой ненависти ко всему живому.

Мальчик чуть всхлипнул и попятился назад. Но было уже поздно. Маньяк схватил его и повалил на землю. Он душил его, бил головой об асфальт, рвал на нём одежду.

— Да что вы делаете? За что? — плакал обессиленный от страха и боли Коля. — Ну хорошо, не надо мне никакой формы. Только отпустите.

Но мужчина от этих криков ещё больше приходил в ярость. При виде первой крови он совсем обезумел.

Потерявшего сознание мальчика маньяк отвёз за город. Там он ещё долго глумился над живым пока телом, а потом, когда Коля был уже почти мёртв, поджёг бедного мальчика, получая неописуемое удовольствие от того, как в огне угасают последние его крики...»

Ну и прочие ужасы в этой статье были описаны. Она была большой, там и про Васю потом писалось. А назывался этот материал «Оскол нечеловека».

Конечно, никакого сомнения быть не могло в том, что этот маньяк и тот, кто убил Васю и Коля, — один и тот же человек. Но мне показалось очень странным, что журналист, который статью писал — Тимофей Синий, оказывается, всё это знает. Мы с ребятами только думать да гадать могли, что с нашими друзьями произошло, да и милиции тоже ничего узнать не удалось, а этот... Даже

о чём они разговаривали написал. Словно сам за кустом прятался и всё записывал.

Странным это мне показалось, очень странным. И подумалось мне, а может, он всё и сочинил? Не такой ведь Коля был дурачок, чтобы клюнуть на удочку насчёт футбольной сборной.

Эту газету я не стал никому особенно давать читать, только Вите. Он, правда, сказал, что всё это чушь: журналисту, который так любит привирать, ни в чём нельзя верить. А может, они и маньяка этого точно так же придумали?

Ага, придумали! Ведь написали они о нём ещё тогда, когда и Коля и Вася были живы. Это я имею в виду ту статью, что мне папа показывал.

Эх, как бы хотелось, чтобы мои друзья были по-прежнему живы! Как было приятно разговаривать с ними, играть, даже спорить!

Похороны Васи были такими страшными, что, наверное, я их никогда не забуду.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Кошмар на похоронах

Хоронили Васю всей школой. Тут и директор был, и учителя, и у нас уроки отменили. Народу собралось столько, что весь двор был людьми забит. Все говорили о том, какой Вася был хороший, многие плакали.

Я стоял в тупом оцепенении около Васиного подъезда и бессмысленно смотрел перед собой. Мне было даже не грустно. Если бы мне просто стало грустно, если бы, как ещё совсем недавно, мне просто хотелось плакать: упасть головой в подушку и рыдать себе целый день и ночь напролёт, всё было бы даже лучше. Но я себя чувствовал как-то не так, а совсем по-другому: будто я уже давно мертвец, лежу себе в гробу на дне могилы да поглядываю на людей, что здесь копошатся. Будто не Васю с перерезанным горлом нашли, а другого Васю. То есть меня.

Вот идёт Вера Павловна. Идёт и плачет. Ахах-ах, а какой хороший мальчик этот Вася Спиридов был! И за что это я его ругала столько времени?!

Моя тётя, конечно же, очень жалеет, что так и не купила джинсовый костюм, о котором я столько мечтал. Теперь она держит его в руках, новенький, упакованный в полиэтиленовый ме-

шок с надписью «Найк». Но на что он мне сдался, теперь-то? Не надеть мне его уже.

А вот наш директор Николай Петрович. Тот самый, который однажды меня вызывал к себе в кабинет и устроил страшный разнос за опоздания. Такого мне наговорил, что я там чуть не плакал от обиды. Он тоже, конечно, раскаивается.

Вот мои родители идут, друзья, девчонки из нашего класса, которые совсем недавно издевались надо мною. И Вера тут же, конечно. Они мимо проходят, и я слышу, как Верочка говорит своей подружке Наде:

— А всё-таки творческий был этот Спиридов человек. Такие песни пел.

Потом ёщё идут родственники, и ёщё....

И вдруг мне становится страшно. Несмотря на то, что я уже мёртвый якобы. Но всё равно страшно становится.

Я знаю, кого нет среди тех, что собрались меня провести в последний путь. Точнее, он есть, но я его просто не назвал. Хотя он ведь совсем не последний человек на этой церемонии.

Я всё ёщё стоял возле подъезда и как заворожённый слушал музыкантов, игравших похоронный марш — невероятно грустную мелодию. И вдруг откуда ни возьмись появился он! Этот страшный мужик с красным носом. Он медленно повернул голову, чтобы оглядеть всех, кто находился во дворе. Как будто бы искал кого-то. Или действительно искал? И потом прямиком направился ко мне.

Надо было бежать, спасаться, пока не поздно. Но ноги меня не слушались, они как будто вросли в землю, стали неподвижными. А мясник всё приближался и приближался.

— Послушай, сорванец, ты не скажешь мне, кого это здесь хоронят? — хриплый голос раз-

дался у меня прямо над ухом, и мне казалось, что у меня вот-вот лопнут перепонки, настолько он был оглушающе громким.

Я словно лишился дара речи и по-прежнему стоял на своём месте, тупо глядя перед собой.

— Так не знаешь ты, кого хоронят? — повторил свой вопрос обладатель жуткого голоса. — Это из нашего дома или нет?

«Надо бежать, — пронеслось у меня в голове. — Будто он сам не знает, кого тут хоронят!»

Мне захотелось крикнуть:

— Держите его! Это он! Это всё он! Он убийца!

Но на такое я был сейчас не способен.

Не ответив на вопрос мужчины, я развернулся и бросился в свой подъезд. Открыл дверь квартиры своим ключом и тут же, даже не снимая ботинок, рухнул на кровать.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ВРЕМЕННОЕ ЗАТИШЬЕ

Однако жизнь постепенно налаживалась.

Где-то через пару недель после всего этого мы с Витей и Максом снова стали репетировать. Конечно, маньяк — это дело ненужное, но ведь музыку тоже нельзя забрасывать, а иначе упущенное потом не наверстаешь. Если не порепетируешь месяц-другой, потом уже сложно будет опять во всё это дело вникать.

Как оказалось, всё то время, пока мы не репетировали, Витя не сидел сложа руки и написал аж две новые песни. Одна из них в переводе на русский называлась примерно так: «Про страшного человека с огромным кухонным ножом, пробирающегося тёмными улицами по городу, чтобы зарезать тебя, распотрошить твой труп и выкинуть через форточку»; а вторая была под стать первой: «Они выслеживают тебя, стоят у твоей двери, чтобы напасть на тебя и убить».

Всё это было очень странным: Витя обычно писал весёлые песни про любовь, про то, что жизнь в кайф, и так далее, но теперь что-то переключился на всякие тёмные дела.

Играли мы, ясное дело, на прежнем месте. Как ни странно, этот мясник больше не выступал насчёт того, чтобы мы не шумели и всё такое. Да и вообще я

заметил, что к нам с Витей он стал как-то странно относиться. Как будто заметил, что за ним следят. Нам это всё, конечно же, не нравилось.

А слежка никаких особых результатов не давала, сколько мы ни пыжились. Ни в какие интересные места этот мясник не ходил — на работу, потом с работы, потом пива возьмёт да засядет на лавочке на целый вечер. Его мнимая племянница и вовсе редко из дома выходила.

Хотя, в принципе, ничего особо удивительного в этом не было. Ведь не бывает так, чтобы ма́ньяк совершил одно убийство за другим. Он сам понимать должен, что всегда надо подождать немного. Подождать, пока всё успокоится, и тогда можно снова браться за старое.

Но нам-то ждать не хотелось. Поэтому и поднадоела нам эта слежка. Особенно после того, как мы репетициями опять занялись.

А репетировали мы сейчас чуть ли не каждый день. Причём выходило это, ну в смысле музыки, у нас с каждым разом всё лучше и лучше. Учились ведь всё-таки.

— Я думаю, для «Карнеги-холл» мастерства у нас пока ещё маловато будет, но тут, в Москве, мы уже вполне можем выступать, — говорил на этот счёт Витя.

«Карнеги-холл» — это один очень известный концертный зал то ли в Нью-Йорке, то ли где-то ещё. Про него Витя в какой-то статье читал. Мы знали, что там только суперзвёзды выступают. И деньги за свои эти выступления получают немаленькие.

Мы все тоже очень хотели когда-нибудь поехать в Нью-Йорк, там выступить, поставить всех на уши и заработать на этом деле кучу денег. Сегодня это казалось пустыми мечтаниями, но ведь многие такие мечты сбываются. Вон «битлы» тоже мечтали

О чём-то похожем — и что же? Всё у них получилось прекрасно. Не сразу получилось, конечно. Сначала они так же, как и мы, по всяким подвалам играли, и никто их музыки и слушать не хотел.

— Меньше чем на «Карнеги-холл» мы не согласны! — гордо заявлял Витя, когда Макс говорил ему, что если мы в концертном зале «Россия» хоть раз выступим, его мама от гордости лопнет.

Но для того, чтобы добиться успеха и почестей, надо было, конечно же, в первую очередь трудиться. Репетировать, репетировать, репетировать не жалея сил.

Тем более, как я уже говорил, у нас кое-что определённо получалось. Конечно, иногда не хватало слаженности или, если можно так сказать, профессионализма, но мы все считали, что для рок-музыки это как бы не самое важное.

Мне очень бы хотелось, чтобы брат попал хоть на одну нашу репетицию, но тот что-то не горел особым желанием нас услышать. Хотя, припоминаю, когда-то он и сам неплохо играл на гитаре. Не рок, конечно, играл, но всё равно песни хорошие: Окуджавы, Визбора, Высоцкого. Я такие песни тоже люблю иногда послушать, особенно если у костра в лесу или просто в хорошей компании.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ОДНА НЕНУЖНАЯ ВСТРЕЧА

Мой брат всё ещё не устроился на работу: решил, что до начала следующего месяца можно подождать. Но несмотря на это, с ним мы общались совсем мало. То он уходил куда-то, со своими старыми друзьями встречался, а тё целый вечер молча сидел дома, смотрел телевизор или же книжку читал.

Мама сказала, чтобы Ваню я без особой нужды не беспокоил. Мол, не до тебя ему, своих дел хватает. Но я думаю, что всё это из-за болезни. Не хотела мама, чтобы я брата донимал. Да я и не собирался.

У нас с братом была такая разница в возрасте, что мы никогда не были особо близкими друзьями. Но всё равно интересно мне было бы с ним пообщаться.

И вот однажды такой повод вроде бы представился. Мы договорились вместе с Ваней пойти по магазинам: ему надо было кое-что купить, как он сам выразился, для гражданской жизни. В смысле одежды там всякой, ну и так далее. Ведь когда он в армии служил, у него ничего этого не было. Да и мне тоже уже пора было кое-что приобрести из шмоток. Ване ведь деньги за службу заплатили.

По магазинам мы пошли в субботу, но ничего подходящего там для меня не нашлось. Только одним свитером стало больше, чёрным, с эмблемой «Лаки страйл». Но дело не в этом.

Дело в том, что брат как раз в этот день кое с кем познакомился.

* * *

В субботу я, как и все нормальные люди, люблю поспать подольше. Но у братца моего уже, наверное, пружина армейская в одном месте сидит. Поэтому он меня разбудил чуть свет — ещё восьми даже не было. Я ему сказал, что всё ещё закрыто и что вообще магазины в Москве работают до позднего вечера, но он меня слушать не стал. Короче, в девять или даже раньше мы были уже на ногах.

Когда я наконец прорвал глаза и двинул в кухню, чтобы чего-нибудь там на скорую руку перекусить, брат уже был в полной боевой готовности.

— Эй, ну сколько можно копошиться, а? — постоянно торопил он меня.

Его удивляла моя медлительность. Но я-то ведь в армии не служил пока ещё.

Когда я наконец-то сел за стол, терпение Вани лопнуло. Он обулся и, надев куртку, ждал меня в прихожей. А когда я стал одеваться, он, обсыпав меня градом «комplиментов» и предложив устроиться на работу тормозом для турбодизеля, рванул на улицу. Мол, спускайся быстрее.

Когда я спустился, то стал свидетелем ужасной сцены. То есть ничего такого уж ужасного брат не делал — просто разговаривал, но зато с кем! Это была та полунемая девчонка, что поселилась не так давно у нашего старого знакомого.

— Я, честно говоря, не очень люблю гулять по вечерам, — разглагольствовал мой брат. — Но, может быть, в Москве всё действительно по-другому. Я ведь давно уже тут не был.

— Москва — большое много людьи жив, — ответила ему эта подруга. — Но слонце садить квасиво. Люби слонце садить?

Мне ничего не оставалось, как поздороваться с этой чувихой. Она мне даже улыбнулась в ответ, странно как-то улыбнулась.

— Солнце? Эх, а какое в горах солнце замечательное! Это же просто загляденье! Только вот времени у меня, увы, не было, чтобы полюбоваться им как следует. Всё не до этого было.

— Нет время на жить. Много делай, работай, а смотреть соце лупфе.

— Да, это точно, — согласился Ваня.

Я попробовал как-то намекнуть брату на то, что, мол, пора уже идти, но тот просто отмахнулся и продолжал разговор.

— А вы сами москвичка? — спросил он у этой глухой. — Что-то я вас не помню...

— Не, не в Москва. Я с Алтая. Очень квасив на Алтай. Очень горы квасив, и озёра есть. Красивый гоные озёва.

— С Алтая? Очень интересно. Всю жизнь мечтал там побывать.

— Плохо говорова, и не могу рассказывать. Фотографии люблю. Могу показать.

Она достала из сумочки какое-то фото. Я даже и не разглядел толком, что там было. Да и мысли меня посещали совсем другие. Меня очень пугало то, что Ваня разболтался с этой чувихой. А ведь она явно втиралась к нему в доверие.

— Ой, замечательная фотография! Просто гениально сделано! Нет, ну действительно...

Судя по всему, брату действительно понравилось это фото.

— Есть ещё фотографии. Пвиходи повидеть в гости.

После этих слов меня аж передёрнуло. Я тут же вспомнил, каким способом заманивал своих жертв тот страшный маньяк, про которого писали в газете. А теперь вот он, видно, подельницу себе нашёл.

А брат-то всю эту лапшу воспринимал как лож последний:

— Да, вы приглашаете? Хорошо, зайду как-нибудь. Вы на первом этаже живёте?

Ну и всё такое, короче.

И в тот день, и потом я тщетно пытался заговорить с братом о том, что в ту квартиру не стоит ходить, потому что там живёт этот страшный тип, который, скорее всего, двоих парней на тот свет отправил, и так далее. Но он только от меня отмахивался.

И не прошло двух дней, как он стал в этой квартире ну буквально своим человеком. И с мужиком не только за руку здоровался, но даже вместе пиво пил.

Ваня всё никак не мог понять, в какой опасности он находится каждую минуту. Это сейчас его пока не трогают, втираются в доверие. Но потом, в один прекрасный момент...

У меня не было решительно никаких идей насчёт того, как бы так сделать, чтобы этот прекрасный момент никогда не наступил.

* * *

Об отце по-прежнему не было никаких вестей. Брат сказал, что надо его отыскать, и он этим

займётся, поспрашивает у родственников или, на худой конец, обратиться в милицию. Ведь не может же так случится, чтобы человек пропал без вести. Это же не война.

Потом, когда следы отца и его самого удастся обнаружить, Ваня поговорит с ним и убедит его в том, что в побеге не было никакого смысла.

А найти отца надо было ещё и по другой причине. Дело в том, что весть об его исчезновении очень быстро разнеслась по всяким углам и теперь все сплетницы из нашего подъезда наперебой судачили, какое же это имеет отношение к страшным убийствам.

Постарался тут, конечно, и этот капитан милиции. Это ведь наверняка он разнёс всякие домыслы насчёт того, что это дело рук именно моего отца.

Хотя лично я был на все сто процентов уверен, что батя мой тут ни при чём. И не только потому я был убеждён в этом, что уже знал, кто же настоящий убийца, ну или почти знал, в смысле предполагал. Просто не верилось мне, что он способен на такое. Раньше, когда был молодым, может быть, но сейчас нет.

Но кое у кого было совсем другое мнение.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ВАСЯ ПОПАДАЕТ В МИЛИЦИЮ

Однажды я, как обычно, возвращался из школы. В это время я всегда вспоминал своих погибших друзей. То есть я их никогда не забывал, хотя и понимал, что вспоминай тут — не вспоминай, а мёртвых не вернёшь. Но когда я топал от школы к дому, вспоминал их, как бы это сказать... больше, что ли, отчётилее.

Вот и в тот день так было. Теперь ни о каком мороженом не могло даже речи идти, да и вообще весь знакомый мне до мелочей путь я старался проходить как можно скорее.

Только что прошёл первый весенний дождь, тёплый майский дождик, от которого не тоска на душу ложится, а, наоборот, жить хочется. Малыши во дворе играли в жмурки, а ребята постарше протирали тряпкой теннисный стол.

И вдруг как раз напротив меня остановилась милицейская машина. Я не придал этому никакого значения: ну мало ли какие дела у них могут быть. Но тех, кто сидел в ней, судя по всему, интересовал именно я, а не кто-то ещё.

— Лейтенант Воронин, добрый день, — дежурным голосом поздоровался со мной усатый мужчина в форме, перегородивший мне дорогу. — Будьте добры, ваши документы.

В такую переделку я попал первый раз, и поэтому даже не знал, что на этот счёт думать. Поэтому и казался я таким до жути испуганным.

— Да нету у меня никаких документов, — прохныкал я. — Я Вася Спиридов, я живу вон за тем домом.

— Давайте проедем в участок для выяснения личности, — милиционер говорил всё тем же дежурным тоном.

После этого он взял меня под руку и потащил к машине.

Я ещё больше захныкал:

— Да что я сделал? Да я ведь ещё маленький, да отпустите меня!

И в таком духе. Неприятно было чувствовать себя в роли преступника.

Но милиционеру все эти мои слёзы были просто по барабану. К такому он привык, наверное.

— Так, мальчик, будешь сопротивляться — понесёшь ответственность по статье за неподчинение требованиям сотрудника милиции, — строго произнёс этот дядька.

— Нет, так я ведь ничего не сделал! За что вы меня забираете? — истощенно вопил я.

На меня уже смотрели несколько старушек, проходивших мимо. Когда я уже был в машине, но дверца ещё не захлопнулась, я услышал, как одна из них сказала:

— И до чего молодёжь дошла? Такой маленький, а уже научился воровать.

Сначала мне показалось, что это действительно из-за нашего «визита», так сказать, в квартиру к мяснику. Ведь вполне же могли узнать, кто это был. У них свои методы, а теперь будешь тут объяснять, что не воровать туда полез, а доказательства искать и улики.

Пока мы ехали, я чувствовал себя как на иголках. Мне казалось, что за просто так никого бы забирать не стали для выяснения личности.

Мы прибыли, и меня повели в отделение.

— Так, мальчик, садись сюда, — один из милиционеров указал мне на скамейку, стоявшую за решёткой. — И смотри мне, без фокусов!

При этих словах он пригрозил мне резиновой дубинкой, но я и так был настолько испуган, что мысли о побеге у меня и близко не было. Да и бесполезно это всё, дело ясное.

Рядом со мной сидел какой-то мужик в грязной одежде. Когда я тихонько присел на лавочку, он сразу же весело причмокнул языком:

— Эх какой молодой! А ты, пацан, на чём погорел? Тоже то, что плохо лежало, поднял?

От разговора с этим типом мне и вовсе стало не по себе. Он в этом отделении уже, видимо, был частым гостем. Да и вообще, именно от таких, как он, мама меня всегда умоляла быть по дальше.

— Ну, дай краба, меня Геной зовут. Такого кадра, как я, любой в районе знает.

Мне, в отличие от моего нового знакомого, ещё ни разу не приходилось бывать в милицейском отделении, и поэтому чувствовал я себя здесь очень даже неуютно. К тому же я мог только догадываться, что меня здесь ждёт. А вдруг меня прямо сегодня, прямо отсюда отправят в тюрьму?

Короче, я настолько испугался, что аж трясся. Даже не мог говорить.

— Ну не боись, не боись, — утешал меня Гена. — Сразу видно, что молодой. Когда на десятую ходку пойдёшь, будешь в тюряге себя как дома чувствовать...

Так мы просидели, наверное, час, а то и больше. За это время к нам добавилось ещё трое пьяных парней, которые так же, как и Гена, чувствовали себя здесь вполне уютно.

— Вот, блин, ёлы-палы! — весело ругнулся один из них. — Опять штраф платить придётся!

— Ну и фиг с ним, зато оттянулись сегодня классно, — подхватил второй.

— Да, покирили что надо, — согласился с ним его приятель. — Да и повод хороший. Удалось партию джинсов продать. Так чувака лоханули!

— Ну, дерымовые джинсы китайские за фирменные пошли. Лоханули круто!

Третий был пьян настолько, что даже говорил с трудом. И всё нёс какую-то околесицу:

— Эх, а как мы ножичком джих-джих, я держал, а Вован третий был, так джих-джих. Ну и молодёжь пошла, стрелять всех надо. По горлу, по глотке их. Я бы кого-нибудь порнул бы.

— Ты смотри, Вован, так это ж неформал наш знакомый!

Я сначала даже и не понял, что их разговор зашёл обо мне.

— Да, точно, он! И каким же это ветром занесло его сюда?

Я поднял глаза и осторожно посмотрел на них. Не было ничего удивительного в том, что только сейчас эти парни показались мне знакомыми. Очень быстро я вспомнил, где же мне приходилось их видеть. Это были те ребята, которые когда-то подвозили нас на своём джипе.

— Ну что, неформал, а ты как здесь оказался? Маму не слушался? — пьяным голосом спросил один из них.

Я уже открыл рот, чтобы промямлить в ответ какую-нибудь чушь, но тут вошёл милиционер с дубинкой — тот самый лейтенант Воронин, или как его там, который привёз меня сюда.

— Так, ты, молодой который, на выход! — скомандовал он. — С тобой начальник поговорить хочет.

Он показал мне рукой на дверь кабинета. Мне стало ещё страшнее, и я остановился в коридоре.

— Ну давай, смелее, смелее! — лейтенант легонько подтолкнул меня.

* * *

Я ничуть не удивился, когда оказалось, что этим начальником, который хочет со мной поговорить, был тот самый бывший сослуживец моего папы. Он сидел у себя за столом и внимательно читал какие-то бумажки, не обращая на меня никакого внимания. Будто бы меня и не было.

Так яостоял у него в кабинете бог знает сколько времени. То есть прошла, наверно, всего лишь какая-то минута, но мне показалось, будто я там уже как минимум полчаса.

Наконец капитан оторвал взгляд от своих бумаг и посмотрел на меня. Посмотрел так внимательно, настороженно. В общем, нехорошо очень посмотрел.

— А, это ты, Спиридов-младший! — при этих словах он даже улыбнулся. Но улыбнулся совсем не доброжелательно, а как-то тоже нехорошо. — Ну заходи, заходи, чего на пороге стоишь?

Я нерешительно шагнул вперёд.

— Бери стул, присаживайся. Сейчас говорить с тобой будем. Вот только одно дело закончу. Тут па-

ренька вроде тебя вчера поймали. Ограбление квартиры. Сейчас сажать будем в спецколонию.

После этого у меня душа, понятное дело, сразу ушла в пятки, но я решил тут же, как говорится, взять себя в руки. Нельзя было показывать этому милиционеру, что я очень волнуюсь. От этого может быть только хуже.

Поэтому я удобно расположился на стуле и даже закинул ногу за ногу. Меня всегда учили, что так нельзя сидеть, когда разговариваешь со взрослыми, но тут... Мне надо было показать, что я очень смелый и что меня просто так не испугаешь.

Потом я сделал вид, будто то, о чём со мной сейчас будут разговаривать, мне ну абсолютно по барабану. И стал внимательно и сосредоточенно смотреть в окно, где, впрочем, ничего интересного не было.

Капитан вскоре отложил свои дела и приступил к разговору. Ещё какое-то время он занимался только тем, что страшал меня, мол, знаешь, что бывает, когда не признаёшься в преступлениях, какие порядки в спецшколе, маму будешь видеть только по выходным да и то недолго и всё такое прочее. Я уже настроил себя как следует, и поэтому у меня очень хорошо получалось делать вид, словно ничего мне не страшно.

Но вот он наконец перешёл к делу. Оказывается, меня сюда притащили совсем не из-за той квартиры, а потому что капитан был убеждён, будто я знаю, где прячется отец.

— Ну ты сам подумай, если есть чем, — убеждал он меня сознаться. — Вот ты говоришь, что твой отец ни при чём. Хорошо. Так почему, спрашивается, он сразу же смотался? В бега ударился? Ты можешь мне объяснить, а?

— Да, могу, — ответил я.

И честно рассказал о той записке, которую он оставил. О том, что папа больше не мог с нами жить в одной квартире, поэтому он и уехал. Любому другому я бы не стал об этом рассказывать, но тут надо было.

Говорил я и о том, что даже приблизительно не знаю, где он сейчас может быть, что мы с братом это тоже очень хотим узнать.

Капитан в ответ немного порасспрашивал о брате и опять взялся за своё. Мол, дудки это всё — вас он испугался и уехал. На самом деле всё совсем по-другому. Просто почувствовал он, что за ним теперь особый присмотр. А если бы душа у него была чистой, не стал бы он никуда уезжать.

Короче, не поверил мне капитан.

Я его убеждал как только мог: мол, батя — это такой человек, что воробья не тронет, что ему мама только скажет — то он сразу же и делает, его обидеть легко, ну и всё такое. Да без толку. Капитан мне в ответ своё:

— Ага, знаю я, какой он обидчивый! Особенно на Сергеева обиделся хорошо. Так парня изуродовал, что тот едва живым остался.

Ещё этому типу хотелось, чтобы я что-нибудь интересное про моего отца рассказал. Ну в смысле о том, какое отношение он к этим убийствам имеет. Я ему честно говорил, что рассказывать мне нечего, но...

В конце концов мне надоело убеждать его, и говорю я ему, что коль не верит, то пусть не верит — ничего я с этим не могу поделать. Я говорю правду, а верит он в неё или нет — мне всё равно.

А он:

— Э нет, дружище, не всё равно тебе, ох как не всё равно. Ишь какой принципиальный попался!

А я-то знаю, что яблочко от яблони недалеко падает. Сам небось своему бате помогал. Это ведь твои друзья были, и первый, и второй!

У меня от такого бреда аж кулаки сжались, но я, конечно же, сдержал себя и ответил ему как можно спокойнее:

— Всё правильно, они моими друзьями были. И за своих друзей я готов... ну прямо не знаю куда. Так что не надо по себе судить.

Этот капитан, конечно, сразу разобиделся. Но, может, и к лучшему. Наконец-то он меня заслуживал.

— Так, ладно, молокосос, не буду я больше на тебя время тратить. Но ты учти у меня. Батю твоего мы рано или поздно всё равно найдём, и тогда... Помни, что я тебе про колонию говорил. Ну а сейчас вали отсюда куда подальше.

Мне не надо было это дважды повторять. Но когда я уже открыл дверь и собирался выйти, он меня остановил на пороге.

— Да, кстати, скажи спасибо своим соседям с первого этажа, что они не стали писать заявление о краже. Это ведь вы, я уверен в этом, через форточку к нему залезли. Без тебя там точно не обошлось. Хорошо ещё, этот мужик добрым человеком оказался, а не то мы бы вас за одно место в первое касание взяли.

Ни фига себе, добрый, подумал я, когда выходил на улицу. Но всё равно это меня немного озадачило.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

РАЗГОВОР С БРАТОМ

Я не стал рассказывать маме о том, что меня забирали в милицию, — зачем её зря беспокоить? И когда она меня спросила, где я задержался после школы, сказал, что сегодня матч был с «Б»-классом и что мы в нём победили. Она меня поругала за то, что я футболом всяким занимаюсь вместо того, чтобы уроки делать, и на том дело успокоилось.

Но вот брату я решил всё-таки рассказать. И вообще поговорить с ним как следует на этот счёт. Однажды даже и повод подходящий появился.

Мы сидели с Ваней после ужина и болтали о разной ерунде. То ли о компьютерах, то ли о машинах, то ли и о том и о другом. И вот тут-то я как бы невзначай спросил его о Ната.

Как я ни старался отвадить брата от этой глухой чувихи, он проводил с ней всё больше и больше времени. И меня не слушал совсем, хотя я чуть ли не прямым текстом говорил ему, что этот мужик, который живёт с ней в одной квартире, угобил обоих моих друзей. Да и она сама на-верняка ему подельницей приходится.

Но брат всё равно гнул своё:

— Да чего это ты в голову взял? Очень хорошие люди. Особенно эта Ната.

На улице уже темнело. Мы разговаривали с Ваней, сидя за кухонным столом. Мама уехала в гости к своей племяннице, и ужин нам пришлось готовить самим.

— Вот ты только посмотри, — продолжал брат. — Как ведь бывает. Человек здоров как бык, даже с виду красивый, а внутри... Полное дермо. А эта девушка как раз наоборот. Ведь она разговаривает еле-еле, с детства у неё такое. Но в душе очень добрая.

— Эх, а откуда ты знаешь, какая она в душе? Может, она притворяется?

— Да ну, что ты такое говоришь? Людям верить надо. Да и я же не такой пацан, как ты, меня так просто не обманешь. Я людей насквозь вижу — как рентген. Не попрятворяешься.

— Ну-ну, от скромности ты, я вижу, точно не умрешь. Но можешь умереть от чего-нибудь другого.

В ответ мне брат только улыбнулся:

— Спасибо за предупреждение, конечно. Но, я думаю, как-нибудь справлюсь. Тут такое дело, что мне помочь не нужна. «Обойдусь без вас, если дело касается серых глаз», как это в песне поётся.

Я уже давно предполагал, что между братом и этой девицей постепенно шуры-муры начинаются, что они не просто друзья. И поэтому, когда Ваня это почти открытым текстом признал, у меня на душе, ясное дело, не полегчало.

— Ну ты смотри, осторожнее. Мой приятель, Вася который и которого больше нет, он тоже всегда так говорил. Мол, меня это не касается, меня ни один маньяк вокруг пальца не обведёт. А получилось-то ведь как...

— Ладно тебе, маньяк. Без тебя разберёмся, — это мне брат сказал довольно-таки резко. — Не

лезь не в свои дела. Лучше в школу ходи да домашние задания делай.

Мне даже обидно стало после этого. Я замолчал и чуть было не расплакался.

Брат увидел, что это меня сильно тронуло, и сразу же стал меня утешать:

— Ну ладно, ты не дуйся, я ведь понимаю, как тебе твоих друзей жалко. Я знаю, что такое друга потерять, — сколько раз со мной на войне такое происходило. Бывало, что пойдём мы в бой всемером, а вернёмся втроём. И какие ребята... Дима Галкин, Петя... Блеск, а не ребята.

Теперь уже он чуть было не расплакался.

— А насчёт Наты ты не беспокойся. Она хороший человек, ты уж мне поверь. Просто ты её совсем не знаешь, поэтому и говоришь так.

На улице тем временем уже почти стемнело. Значит, уже было часов девять. Крики детьворы становились всё тише и тише, а по улице, на которую выходили наши окна, проносилось всё меньше и меньше машин. Майская ночь постепенно опускалась на Москву, приходя на смену жаркому дню.

Я хотел уже было рассказать брату о том, что мы с Витей давно следим за этим мужиком и что кое до чего нам удалось докопаться. Но решил пока этого не делать. Ведь никаких улик, кроме ножа с углублением для крови на лезвии, у нас пока не было. Да и это не улика тоже, надо полагать. Вот когда что-нибудь появится, тогда я брату первому скажу. Не идти же в милицию к этому мымре-капитану. А мой брат, я думаю, и сам этого маньяка в рог бараний скрутит. Без помощи всякой милиции.

Но об этом мы с ним поговорим потом. Пока же я решил ему рассказать о том, что этот капитан подозревает нашего папу. И что он со мной об этом разговаривал.

Об отце нам так и не удалось ничего узнать, и поэтому покоя в нашей жизни по-прежнему не было. Брат уже обзвонил почти всех наших родственников в разных концах страны и даже за рубежом или написал им письма. Но ответы пришли ещё не отовсюду. Да и немудрено: у меня было пятеро дядей, две тёти, бабушка, два двоюродных брата и куча ещё бог знает кого. Этот народ жил кто в Перми, кто во Владивостоке, а кто и вообще в Бухаресте. И поэту му, ясное дело, со всеми ими списаться и созвониться было делом нелёгким.

Узнав о том, что нашего папу подозревают, мой брат очень удивился. Сам он раньше тоже считал отца безвольным человеком и тоже был ошеломлён, когда о нём открылось такое. А когда я ему сказал, что этот капитан и до меня добрался, то и вовсе вышел из себя.

— Слушай, но так же нельзя всё это оставлять! Надо прийти к этому, как там его... и сказать, что наш отец невиновен.

— Ага, так он тебе и поверит!

Ваня сейчас казался мне до слёз наивным.

— Этот тип и меня в чём-то подозревает, наверно. Да и тебя тоже. Ещё подумает, что ты сообщник.

— Ну а что же тогда делать?

— Надо как можно скорее разыскать отца. Когда он появится здесь, меньше будет подозрений. Кроме того, скорее всего у него есть... Как оно там называется?

— Алиби?

— Ну да. И он как дважды два сможет доказать, что никого не убивал, потому что как раз в это время... например, ходил в прачечную.

— Тоже верно.

На каких-то пару минут мы приумолкли. Уже давно было пора включить свет, потому что в кухне

стояла кромешная тьма. Вместо голосов детьворы, доносившихся со двора, стали слышны голоса людей, гулявших по улице. Со стороны Белорусского вокзала раздавался стук колёс прибывавшего поезда: «Ды-дык-ды-дык-ды-дык-ды-дык..»

— Ладно, всё это хорошо, но... не пора ли тебе делать уроки? Как мне мама говорила, в последнее время у тебя в школе одни неприятности.

* * *

Таким вот образом брат окончил наш приятный задушевный разговор. Тяжело вздохнув, я отправился в свою комнату, где меня ждал запылившийся письменный стол.

Я сел за него, открыл учебник и достал тетрадку, чтобы решить задачку по алгебре, но как только я стал о всяком таком думать, сразу... мне вспомнился Васюта. Ещё в начале года он самостоятельно прошёл всю программу. Так что отставать он будет только на следующий.

Фу, ну и бред! Какой ужас! Я аж головой мотнул, чтобы отогнать от себя такие мысли.

Все подряд мне говорили, что друзей уже не вернёшь и что теперь надо успокоиться и заняться своим делом. В общем, я и сам это как бы понимал. Но от этого было не легче.

С решением задачи у меня сегодня так ничего и не получилось.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сплошные неприятности

Насчёт школы это он не соврал: в последнее время учёба у меня действительно шла не ахти как. Да и неудивительно: столько было всяких происшествий и потрясений.

В принципе я особой успеваемостью не отличался никогда. Но кое-как дело ладилось, пусть себе не на пять, так на четыре, по крайней мере. Пятерки у меня были только по двум или трём предметам: истории, географии...

Историю я вообще очень люблю. Особенно древнюю. Ведь читать про Куликовскую битву намного приятнее, чем про распад социалистического лагеря или какой-нибудь другой бред.

Но хуже всего у меня дела обстояли с математикой. Если раньше хоть времени хватало, чтобы какую-нибудь задачу решить или теорему выучить, то теперь не до этого было: голова совсем другимечно занята.

И на следующий день меня ждало сюрпризов. Таких, что «приятнее» не бывает.

Первый из них был на первом уроке. Нам раздали контрольные по геометрии. Они были сравнительно лёгкими, но это не спасло меня от очередной тройки.

— Ну, Спиридов, я тебя поздравляю, — весело заявила об этом учительница. — Теперь у тебя оценки просто блестящие: два, два и три. Это уже прогресс. Может быть, и до четырёх дойдёшь. Годам так к сорока, если жив будешь.

Я, конечно, обиделся. Да и вообще, в который уже раз задумался: ну почему все учили такие ядовитые? Особенно мне «понравилось» то, что она сказала: «если жив будешь». Знает ведь, зараза, что у нас творится. Нет чтобы успокоить — она ещё больше масла в огонь подливает.

Сразу же после геометрии была алгебра. Как минимум половина класса не решила сложной задачи, которую нам задавали на дом. Все затаились от страха, когда учительница заглянула в журнал, раздумывая, кого бы вызвать. Хотя ведь знают, кто у нас теперь козёл отпущения.

— Итак, что у вас получилось... (математичка ненадолго приумолкла), Спиридов?

Ну я так и знал! Иначе и быть не могло.

— Знаете, Мария Васильевна, у меня ничего не вышло. Я пытался решать, но не получилось.

— Не получилось? Хорошо. Тогда выйди-ка к доске и попробуй её решить сейчас. Ты ведь уже пробовал.

Короче, поиздевалась она надо мной прилично, пока отпустила на волю. Очередной двойке я уже и не удивился.

Хотелось бы объяснить этой Maxe, почему у меня нет времени на задачи и формулы. Рассказать про друзей, про отца, про брата, про мужика этого красноносого. Да только вот слов я нужных подобрать бы не смог, наверное. Не поняла бы она меня всё равно.

Я не из тех, кто гордится репутацией круглого двоечника, хотя и расстраиваться по этому пово-

ду особенно тоже не стал. Мне даже показалось, что мои однокашники всё это как бы более близко к сердцу воспринимают, чем я. Кто-то предлагал помочь мне, а кто-то, наоборот, издеваться начал надо мной, над двоичником. Но мне на всё это было, честно говоря, наплевать по большому счёту. И так хватало всяких забот.

* * *

Настоящим удовольствием в этот день для меня стала физкультура. Можно было наконец-то размять конечности, побегать, поиграть в футбол, ни о чём не думая.

Заниматься мы отправились на школьный стадион, как всегда это бывает весной. Физрук Павел Викторович слыл у нас мужиком крутым, и обычно никому не нравилось, когда «физру» проводил он, а не его напарница Ядвига Семёновна. Не нравилось потому, что пахать он заставлял раза в три больше, чем она. Особенно, конечно, перепадало девчонкам. При Ядвиге Семёновне они могли вообще ничего не делать, а тут... Сначала пять кругов бега — для разминки чисто, потом ещё всякие упражнения, потом ещё что-нибудь Викторович придумает. У него в этом направлении фантазия хорошо развита.

Но сегодня мне даже хотелось как следует поднапрячься. Ведь правду говорят, что здоровый пот из головы всю дурь вышибает, всю грусть, плохое настроение без остатка.

Поэтому и бегал я, и прыгал быстрее других. А потом, когда Павел Викторович наконец нас в футбол отпустил играть, мне и вообще цены не было.

Первый гол я забил головой. Ваня Щедрин из нашей команды влучил по воротам, но промазал,

и вратарь противника уже чуть было не схватил мяч руками. Но тут я подскочил, очень вовремя, как оказалось. Удар был такой красивый, что все только ахнули.

Другая команда по своему составу была вроде как сильнее — за неё играл самый крутой футболист Петя Павлов, да и другие тоже были не лыком шиты. Но мы, благодаря мне, конечно же (это я без ложной скромности говорю), им класс показали всё-таки.

Счёт был 2:2, когда до конца урока оставалось всего пару минут. Всем хотелось его продвинуть в свою пользу, чтобы выиграть матч.

И вот наши противники разработали неплохую такую комбинацию и рванули к воротам всем скопом. Сначала мяч был у Пети Павлова, потом он достался кому-то ещё, потом снова Пете, который уже подбежал близко к нашим воротам, а довершить всё дело должен был Лёня Рябцев. Этот парень не то чтобы очень хорошо играл в футбол — скорее выпендривался больше. Считал себя самым умным и самым крутым, говорил про всякие там футбольные штучки и приёмчики и знал чуть ли не всех футболистов Высшей лиги поимённо.

Так вот, когда Лёня уже занёс ногу, чтобы ударить по мячу, рядом оказался я. Я налетел на него как дикий зверь и резко выбил мяч прямо у него из-под ног. Лёня вмазал ногой изо всей силы по воздуху, но вместо эффектного удара получилось эффективное падение. Лёня свалился на землю, как мешок, сами знаете, с чем, а ребята из нашей команды уже гнали мяч к воротам противника.

Счёт был 3:2 в нашу пользу, но из-за этого в раздевалке возникла одна очень неприятная разборка.

Наши противники, конечно же, были раздосадованы своим поражением. Особенно этот Лёня. Он вообще ругал нас на чём свет стоит, говорил, что у нас и чувства мяча нету, и умения планировать поле. И мне, да и остальным тоже чувство мяча и планирование поля было решительно ничего не известно, поэтому мы не очень-то его и слушали.

А он всё выступал и выступал:

— Да они же как дети играют, грубо, неграмотно. Особенно этот Спиридов. Вообще дурак дураком. Вот если бы Колян жив был, он бы со мной согласился.

Лёня был всегда прилизан, хорошо и чисто одет и страшно — как это сказать? — манерничал. Он всегда носил с собой дезодорант. Вот и сейчас он себя им обрызгивал, стоя у зеркала.

— Эй ты, про Коляна-то не очень! — мне было обидно, что этот козёл вспоминает моего друга по такому дурацкому поводу.

— Что не очень, что не очень?! Колян нормальным чуваком был, и в футболе, и по жизни. А ты...

В другой момент я бы и не обиделся совсем — чего тут на таких обижаться? Но сейчас что-то взяло меня за живое, может, потому, что нервы были на пределе.

Поэтому я как следует обложил Лёню разными нелицеприятными выражениями. И про то, какой он неженка вспомнил, и про то, что в футбол играет никудышно. Его от этого аж передёрнуло:

— Да от кого я слышу, а? Это мне говорит тот, чей отец наших друзей убил? Это он мне говорит?

— Что? — от злости я чуть было не покраснел. Даже дышать перестал на какое-то мгновение. — Что ты сказал? А ну, повтори!

Я подошёл к Лёне с самым грозным видом, на какой только был способен.

— Подожди, Вася, успокойся! — нашим разговором заинтересовались сразу несколько чёловек.

— Что сказал — то сказал, повторять не буду. А ты сам будто не знаешь?

— А ну повтори! — опять прохрипел я.

— Слушай ты, сын убийцы, уйди отсюда! — Лёне, видно, и самому стало страшно.

В следующую секунду мой кулак уже основательно коснулся его лица. А ещё через мгновение мы катились по полу, осыпая друг друга ударами.

Лёня тоже был парень не промах, да ещё к тому же и рост у него был повыше моего. Но в этот раз, сильно разгневавшись, победителем вышел я.

Кончилось тем, что я повалил Лёню на пол и как следует саданул его пару раз по щёкам. Хотел ударить ещё и ещё, но вовремя успокоился.

Тут нас разняли. А потом в раздевалку пришёл Павел Викторович. Он увидел Лёню, размазывавшего по лицу слёзы, смешанные с кровью, что текла у него с нижней губы.

Обычно физрук на наши драки было глубоко наплевать, мол, пусть каждый сам за себя постоит. И когда меня однажды тот же Павлов как следует отдал, физрук за меня не заступился. Но сегодня Павел Викторович меня чуть было не убил. Так уже ругал, что дальше некуда.

А потом ещё был долгий разговор с классной, и она мне сказала в конце концов, чтобы в школу я без родителей не являлся.

Ребята из нашего класса потом долго укоряли меня, чёго, мол, полез, не знал, с кем дело имеешь? Все ведь были в курсе, что этот Лёня — страшный подхалим и что если его чуть тронешь — на следующий день мамаша Лёнина в школу заявится отношения выяснить.

— Мы ведь знаем, что твой батя никого не убивал, — угешали они меня. — А этот козёл... Да что про него вообще говорить?

Хорошо ешё, что друзья меня в школе поддерживали, а не то вообще было бы страшно. А так меня очень радовало, что я не один.

Я пришёл домой, рассказал брату о том, что случилось, и получил от него лёгкую взбучку, которая кончилась тем, что он сказал: мол, честь семьи надо защищать, но не такими способами.

А потом я пошёл на репетицию, где мы до самого вечера играли в своё удовольствие. В этот раз всё у нас выходило намного лучше, чем обычно.

Про школьные неприятности сегодня я уже не вспоминал.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ВЫМАНИТЬ ЗВЕРЯ ИЗ БЕРЛОГИ

Однако надо было нам как-то продолжать расследование этих убийств (ну или не расследование, а что-то в этом духе). Ведь сколько музыкой ни занимайся, от этого дело ни на шаг не продвинется.

Об этом я сказал на следующий день Вите. Макса мы особо в это дело не впутывали, да и надобности пока, в общем, не было.

Витя со мной, как ни странно, согласился. Раз взялись за это дело, так надо его кончать, решил он.

Это точно.

Тогда мы стали думать, что бы это такое можно было теперь предпринять. И очень долго ничего придумать не могли. Всё, что в голову приходило, нам самим не очень нравилось, да и результата не принесло бы. Ведь сколько мы за этим Максимом следили — и всё без толку.

Наконец меня осенило. Я сказал, что неплохо было бы выманить зверя из берлоги.

Витя сначала, ясное дело, ничего не понял. Такую фразу он уже слышал в каком-то фильме про советских разведчиков, но к чему она тут, всё никак не мог скумекать. И тогда я объяснил, что если этот убийца очень осторожен, если следов он никаких не оставляет, а выследить его никак не удается, то надо застать-

вить его самого проявить себя. В смысле так подстроить, чтобы он сам пошёл к нам в руки.

Витя послушал меня, послушал и спросил:

— Хорошо, ну а как ты это делать собираешься? Ясно, что неплохо было бы, если б этот мужик сам к нам в руки пошёл. Так он ведь не пойдёт, сволочь.

— Ничего, мы так всё устроим, что пойдёт как миленький.

— Ага, устроим! Интересно послушать, как именно?

— Ну так слушай. Мы будем ловить на живца. Сыпал когда-нибудь про такое?

— Сыпал, по-моёму.

— Так вот. Кто-нибудь из нас при встрече с маньяком как бы невзначай так скажет, что против него кое-что имеет... ну, например, Вера Павловна. Что ей якобы удалось узнать о нём... Можно даже не говорить, что именно, а то испугается. И что в милицию она собирается идти на него заявлять.

— Ну ладно. И что потом?

— А потом... Потом мы будем следить за Верой Павловной, и когда её захочет этот мужик прихлопнуть, мы его быстренько и накроем.

Витя вроде бы понял мой план, но у него всё равно появилось множество сомнений.

— Ну хорошо, — сказал он. — А почему ты думаешь, что мужик её прихлопнуть захочет?

— Ну ты и дурак вообще! Ведь если она на него в милицию заявит, ему всё — крышка. И потом смотри. У этого Максима Тихоновича даже и представления не будет о том, что же такого про него знает Вера Павловна. А незнание — самое худшее в этом деле, я такое где-то в книжке читал. И будет он думать, что ему вообще конец. Поэтому и сорвётся, честное слово, сорвётся.

— А как мы его тогда будем... Ну в смысле увидим мы, что он на Веру Павловну набросился, и что тогда?

— А тогда что? Тогда мы его сзади — ррррр-раз! И все дела.

— Мы — его?! Да не смеши ты людей! Таких, как мы, он два десятка запросто уложит.

— Не уложит. Я мог бы брата попросить, конечно, но у того пока с этим Максимом дружба. Всё никак не может понять, что тот за фрукт на самом деле. Ну ладно, кого-нибудь ещё возьмём, например, Макса. И вооружимся как следует. Палками всячими, арматурой.

Витя ещё долго думал, пока наконец не согласился. Он сказал, что, мол, хуже от этого всё равно не будет, а попробовать, в принципе, можно. Вдруг что-нибудь и получится.

На том и порешили.

* * *

У меня к этому мужику было особо «трепетное» чувство, и поэтому сказать ему о том, что Вера Павловна что-то против него имеет, поручили Вите. Тот ломался-ломался, ломался-ломался, но наконец согласился. Ведь он, как-никак, был старше.

И вот денька так через два, а может даже и на следующий день, Витя якобы случайно встретил Максима Тихоновича у входа в подъезд, поздоровался с ним вежливо и выдал ему всё то, что должен был:

— Тут вчера Вера Павловна за что-то ругала вас крепко, — сказал он. — Мол, я про этого Максима Тихоновича такое знаю, что аж волосы дыбом встают. Пойду в милицию на этой неделе заявлю...

Мужик якобы даже и не понял.

— Что это она про меня может знать? Чего эта баба взбесилась?

— Что именно — не говорила, но сказала только, что очень что-то жуткое. Сама, говорит, видела, как маль...

Я потом хорошенъко отругал Витюху за то, что он почти уже проговорился. Хорошо ещё, его самого вовремя осенило. А не то выдал бы нашу военную тайну.

— Ну и что ж она видела там, эта дура старая? — лениво спросил Максим Тихонович.

— А что видела, не говорила. Сказала только, что очень ужасное что-то. И что в милицию завтра с самого утра пойдёт.

Мужик постоял минутку, подумал:

— Да фиг его знает, чего она. Может, выпил лишнего на той неделе, так и что ж с того? Что я не человек, что ли? Выпить не могу? Я же не боялся, не ругался громко. Спокойно выпил с получки и спать пошёл.

Витя в ответ только плечами пожал, не знает, мол, ничего, пусть сами разбираются.

— Ну ладно, думаю, на эту бабу я управу уж какнибудь найду. А тебе спасибо, что сказал. А то ведь нехорошо получается, когда из-за спины.

На том и разошлись. То есть не разошлись даже, потому что... Витя потом сразу за мужиком пошёл и довёл его до остановки. А вдруг он прямо сейчас захочет действовать?

* * *

Короче, стали мы следить и за маньяком, и за Верой Павловной. Целый день глаз с них не спускали. Куда Вера Павловна пойдёт, туда и я за ней.

Куда этот тип двинет, и Витя туда же. Хорошо ещё суббота была, не пришлось уроков пропускать ни мне, ни приятелю моему.

Но так ничего мы и не добились за целый день. Только вымотались зря. Ведь этот Максим Тихонович куда только в течение дня не ходил: и в обувной магазин, и на рынок, и на вокзал даже зачем-то. И Вера Павловна тоже. Она в принципе каждый день за покупками бегает, но сегодня что-то особенно в ударе была. Все магазины в округе обскакала. Я чертовски устал от этой прогулки, а ей ведь уже было лет шестьдесят как минимум.

Мы встретились с Витей в шесть вечера, чтобы рассказать друг другу о результатах. Рассказывать, как очень быстро выяснилось, было просто не о чём, и мы угрюмо ругали один другого.

— Ну и дурацкую ты идею придумал! — раз в двадцать девятый возмущался Витя. — Целый день выходной угробили. Это ж чем только можно было заняться сегодня! Да я, если б знал, поехал бы дедушку навестить.

— Терпи, казак, атаманом будешь, — как всегда отвечал я. — А что, ты хочешь, чтоб с первого раза получилось всё? Да так ведь даже в фильмах не бывает. Сначала надо помучиться, помучиться как следует, а потом уже всё покатит.

— Ну в фильмах всё намного весёлее. Там если кто-то следит за кем-то, так обязательно он или идёт куда-то, куда не надо, или убивает кого-нибудь. Неважно что, но что-то происходит. Не то что у нас. Ничего весёлого.

— На то они и фильмы. В жизни, сам понимаешь...

— Да, кстати, — вдруг вспомнил я. — А что ты сегодня вечером делаешь?

— Сегодня? Можно было бы порепетировать, но Макс, видно, против будет. Или, знаешь, приходи ко мне, на компьютере постреляем.

— Да какой тут компьютер! Тут жизнь покруче всяких «думов» будет с «квэйками». Сегодня вечером Вера Павловна к своей приятельнице в гости пойдёт. Она ведь тётка болтливая, так про это уже весь подъезд знает. В том числе, видно, и наш «кореш».

— Ты что, серьёзно?

— Ну да, не шучу, во всяком случае.

— Тогда понятно. Ладно, если сегодня ничего не выгорит, я на тебя уж точно обижусь. По гроб жизни.

— Обижайся, не обижайся — мне, знаешь, всё равно. Это ж не от меня зависит, а от этого... Может, у него сегодня настроения не будет свои чёрные дела вершить?

— Да ну, когда уж как не сегодня? Ведь завтра на него могут уже и в милицию заявить. А настроение... У таких, как он, настроение всегда должно быть.

Сегодняшний вечер обещал быть не по-майски холодным и ветрёным. Деревья прямо-таки гнулись под порывами ветра, из птиц в небе остались только вороны, и каркали они, надо сказать, очень зловеще. Да и луна в последнее время казалась какой-то... необычной.

Только придя домой, я вспомнил, что сегодня было ещё и тринадцатое число.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВЕЧЕР ПРЕСЛЕДОВАНИЙ

Мы встретились в восемь на лавочке неподалёку от нашего подъезда. Вера Павловна ещё не выходила из дома, и это казалось очень странным, учитывая то, что ей надо было ехать восемь остановок на метро.

— «Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро», — вспомнил Витя фразу из песенки. Мы чуток посмеялись и тут же приумолкли.

Самым дурацким делом во время всяких слежек было, конечно же, ожидание, пока тот, за кем тебе надо следить, наконец появится. Это вам, наверное, любой сыщик скажет. А если он по-другому думает, то я с ним уж точно не соглашусь.

Хотя ждать в таких случаях, конечно, приходится. Причём ждать иногда очень долго. Где-то я читал, что когда расследовали одно преступление, милиционеры почти месяц просидели в засаде у квартиры убийцы. И только через месяц он появился. Наверное, с ума там посходили, пока дождались.

Интересно, это одни и те же были милиционеры или же их иногда всё-таки сменяли? Сменяли, наверное, кто же на одном месте целый месяц просидит?

А бывает ведь, что ждёшь ты зря. Сидишь себе в засаде, сидишь, а потом оказывается, что тот,

кого ты выслеживаешь там, уже давно на Канарах греется. Или, к примеру, нет его в живых уже. А ты его ждёшь, целыми месяцами начеку. Так ведь тоже бывает.

Вера Павловна ещё, видно, была живой, во всяком случае, у неё в квартире горел свет. Но ведь вполне могло так случиться, что сегодня она решила из дома не выходить. Нездоровится ей, или ещё что-нибудь приключилось, и поэтому она позвонила своей приятельнице и сказала, что в гости к ней придёт не сегодня, а в следующие выходные.

Об этом думать не хотелось, но когда минуло уже полдевятого, мы с Витей были почти убеждены, что именно так всё оно и будет.

— Слушай, а свет у неё только в кухне горит. Может, она давно уже вышла, нас с тобой не подождав? Что ты на это скажешь?

— Ну я не думаю, — ответил я неуверенно. — У неё ведь там, кроме неё самой, только дочка живёт. Так что вряд ли. Хотя, конечно, может быть.

Но тут появилась сама Вера Павловна и в мгновение доказала нам, что Витя был неправ. Она наконец вышла из дома и медленной вальяжной походкой двинулась в сторону остановки.

В квартире Максима Тихоновича света не было. Значит, вполне возможно, дома там тоже никого нет. А где они могут быть? Понятное дело где.

Макс сегодня не смог составить нам компанию, а на его помощь мы очень рассчитывали. Ведь справиться с маньяком — это дело нешуточное. Мы хотели прихватить с собой то, с помощью чего можно было его одолеть, — что-нибудь вроде холодного оружия, но нашли только кухонный топорик и тот нож, который не так давно был взят нами в квартире предполагаемого убийцы.

Нож лежал в Витином подвале, надёжно спрятанный от глаз людских. Подумав как следует, мы решили всё-таки его не брать. Потому что вещь как бы краденой считается, и за это можно было получить как следует. Да и страшно, честно говоря, было. По крайней мере, мне. Ведь столько этим ножом, наверно, было людей убито.

Но мы решили, что в случае чего можно будет позвать на помощь. Или даже просто крик поднять. Маньяки — они ведь пугливые. Как только услышат, что кричат, сразу сматываются.

А когда этот тип смоется, тогда можно и в милицию идти о нём рассказывать, хотя бы даже на следующий день, ничего что воскресенье. Я очень живо представил, как маленькие глазки этого глуповатого капитана милиции вылезут на его широкий лоснящийся лоб, когда мы придём и выложим ему всё, что знаем про маньяка и его преступления.

* * *

Короче, двинули мы сразу за этой тёткой. Она идёт по улице — и мы за ней, метрах так в десяти. Она свернула, мы тоже, ясное дело, туда.

Сначала нам показалось, что так следить за человеком очень даже интересно. И раньше, когда мы ходили таким вот образом за красноносым мужиком, это дело было для нас этаким развлечением своеобразным. Но потом ведь надоедает всё-таки.

Когда Вера Павловна вошла в метро, самым главным было её не потерять. Хорошо ещё — на станции было народу не много.

Мы ехали в соседнем вагоне и очень внимательно смотрели, не выходит ли она. Ведь ни я, ни Витя и примерно даже не знали, куда нам надо

ехать. Знали мы только то, про что тётя Вера болтала во всеуслышание, — что к приятельнице едет и что до неё восемь остановок ехать.

В конце концов всё вышло вполне благополучно. Тётя Вера зашла к своей подруге, а мы остались караулить её на улице.

Там нам пришлось проторчать часа два. Чем только мы ни пытались занять это время — всё было без толку. И анекдоты рассказывали, и о музыке спорили — всё равно текло оно, то есть время, на редкость медленно. Как студень.

Уже стемнело. Мы сидели на лавочке неподалёку от подъезда и старались ни в коем случае не упустить тётию Веру, когда она будет выходить. Но была и другая опасность — попасться ей на глаза. Ведь тогда моментально возникал один дурацкий вопрос: а что это мы здесь делаем?

Вопрос-то, конечно, дурацкий, но что нам было бы на него отвечать? Ловим преступника? Да за такое нас на Канатчикову Дачу моментально отправили бы, в психушку.

Хотя, в общем, именно этим мы и занимались. И я, и Витя отлично понимали, что именно сейчас, когда уже стемнело, наступило самое время для маньяка. Раньше бы он не вылез из своей берлоги.

Тётя Вера даже и подозревать не могла о том, какая опасность ей угрожала. Даже и неудобно как-то было использовать её как приманку.

* * *

Было уже часов десять вечера. За то, что мы так поздно придём домой, родители нам, конечно же, намылят шею. Но сейчас нам было не до этого.

Тёте Вере пора было бы уже выходить, но её всё не было. Наверное, заболтала там, она ведь это любит.

...И вдруг неведомо откуда послышался свист. Это был даже не свист, а... Нет, свист всё-таки, но только такой необычный. Очень длинный и... жуткий какой-то.

После этого около подъезда замаячил какой-то человек. Очень маленького роста, в здоровенном соломенном сомбреро, или как такие шляпы называются, и тёмной куртке. Он пробежал к двери, потом развернулся, побежал назад, огляделся по сторонам и ни с того ни с сего рванул в нашу сторону.

— Эй, Джо, тут какие-то два козла сидят.

Только сейчас мы заметили, что это был парень примерно нашего возраста.

— Гони прочь этих чужаков с нашей территории. Перед операцией всё должно быть спокойно.

Нам не надо было дважды повторять приказ убираться. Сначала мы встали со скамейки и попятались, но потом рванули что было сил.

Потом мы даже немного поругались с Витей из-за этого. Пораскинув мозгами как следует, я решил, что, вполне возможно, эти двое просто играли в каких-нибудь ковбоев, поэтому и прогнали они нас с такими криками. Но Витя стоял на своём. Какие могут быть ковбои в такую минуту? Тут всё не случайно, всё очень даже продумано.

Может быть, я бы и дальше с ним спорил, если бы не одно «но». Когда мы давали оттуда дёру, я оглянулся, чтобы посмотреть, не гонится ли за нами кто-нибудь.

За нами никто не гнался, но среди тёмных глазниц старой пятиэтажки, куда зашла Вера Павловна, я увидел один освещённый балкон.

И мне показалось, что лицо человека, который стоял на этом балконе, мне было очень даже хорошо знакомо.

Не знаю, может, я и ошибался, но в ту минуту я бы свою голову на отсечение мог отдать, что это был именно тот мужик с красным носом.

* * *

— Стой! Не спеши! — окликнул я Витю, когда мы уже почти добежали до станции метро. — Помоему, нам ещё рано возвращаться.

Витя покуражился немного и всё-таки согласился, что возвращаться нам пока ещё рано и что действительно надо закончить начатое дело. Не хотелось ведь ему казаться трусом.

Мы вернулись во дворик, стараясь держаться подальше от этого подъезда. Как раз напротив его росло несколько деревьев, и мы притаились под ними. Там никакие ковбои, или кто это был, нас уже не могли побеспокоить.

Но тут-то и началось самое интересное.

В конце концов показалась тётя Вера. Было уже половина одиннадцатого — самое время домой возвращаться.

Она прошла мимо нас и двинулась в сторону метро. Надо было идти за нею.

И тут... Сначала я действительно подумал, что мне померещилось, но...

Из соседнего подъезда, освещённого тусклым фонарём, вышла наша старая знакомая.

Я думаю, вы уже догадались, о ком идёт речь. Это была именно та полунемая девица, которая жила в квартире Максима Тихоновича. У нас с Витей аж сердце в пятки ушло, когда мы её увидели в таком неожиданном месте.

Ясно, решили мы, всё самое интересное как раз начинается. И осторожно пошли вслед за девушки, стараясь не терять из виду и Веру Павловну.

* * *

Конечно, эта Ната ходила куда быстрее, чем старушка Вера Павловна. Поэтому она быстренько догнала её. Остановила, стала разговаривать о чём-то. Дальше они пошли вместе.

Ничего удивительного в этом не было. Ведь мы давно уже знали, по какой схеме действует этот маньяк. Сначала он задуриивает голову жертве, а потом уже делает своё кровавое дело.

Такая собеседница, как Ната, для Веры Павловны была настоящей находкой. Ведь говорит эта девушка плохо и поэтому совсем немного. Значит, можно как следует поговорить самой.

Чуть ли не всю дорогу тётя Вера не закрывала рта. Говорила она громко — так, что даже мы могли расслышать, хотя, конечно, старались соблюдать дистанцию.

Ко всему прочему, Ната была в нашем подъезде человеком новым, и поэтому тётя Вера могла пересказать ей всё то, о чём все остальные соседи уже давно знали и чем она доставала других ещё пару лет назад.

— Эх, милая моя Наташечка! — причитала во всю Вера Павловна. — Ну и жизнь пошла, дорогу-лечка ты моя. Раньше вот всё спокойно было, тихо, а теперь...

С этого она обычно начинала, а потом шли всякие байки про её родственников.

— А знаешь ли ты, милая моя, что мой зять инопланетянам продался? Да ты на меня так не

смотри удивлённо, я это точно знаю. Захожу я как-то раз на кухню... из магазина пришла. Тогда ещё на углу свиные рёбрышки давали, знаешь. Если холодец из них сделать, то ничего, есть можно. Даже лучше, чем копытца. Я эти копытца не люблю, а вот рёбрышки-то ничего, нормально. Кушать можно, если очень проголодалась. А то, помню, давно уже, когда ещё только война кончилась, так мы эти рёбрышки за милую душу жевали. А то теперь все разбалованные стали, им деликатесы, знаешь ли, подавай...

Ну и в таком духе. Ерунду всякую говорила, короче, даже и не догадываясь, что Ната слушает её не потому, что ей очень интересно, а для того, чтобы втереться в доверие.

Таким вот образом они до метро дошли. Ничего подозрительного пока вроде бы не было. Значит, ещё будет, решили мы. Самое удачное место для нападения — это наш район, там где стадион школьный и вообще те края. Людей там сейчас почти никого нет, темно, тихо, особенно как для центра Москвы. Значит, полная свобода действий для маньяка.

* * *

Конечно, эта чувиха совсем в наши планы не вписывалась. Ведь она тоже, видно, сопротивляться будет. А двое — это уже не один, пусть себе вторая и девушки.

В метро мы решили зайти с другого входа, чтобы не увидели нас. Но тут чуть было не прогололись. В электричку, которая шла в нашу сторону, мы вскочили уже в самый последний момент. А если бы не вскочили, тогда бы всё рухнуло.

И вот мы идём по родным нашим тёмным улочкам. Идём и трясёмся от страха. Ведь маньяк может напасть на свою жертву в любой момент. И тогда всё будет зависеть от нас.

Страшно ещё и потому, что он нас с Витей тоже заметить может. И сыграть над нами какую-то злую шутку. Да и вообще... Когда мы чувствуем, что вот сейчас, буквально через секунду какую-то всё и должно произойти, прямо мороз по коже подирает. Раньше мне Витя всегда казался смелым парнем, а сейчас... Да и я, если честно, трусил не по мелочи.

Мы проходили мимо детского садика. Никаких детей там, ясное дело, уже не было и в помине, но в одном из окон горел свет. Это показалось нам странным. Хотя, если честно, при таком нашем настроении странным казалось нам буквально всё, что мы только ни видели.

Вера Павловна с этой чвихой по-прежнему болтали о ерунде всякой. То есть, как я уже говорил, болтала в основном эта тётя Вера, Ната просто слушала её.

Вот они пошли вдоль стадиона. Это было самое безлюдное место во всей округе. По крайней мере, сейчас, вечером. Никого тут, как обычно, не было, только случайные прохожие иногда мимо пробегали, домой спешили.

— Слушай, давай шагу прибавим, — предложил Витя. — А то сейчас всё без нас случится. Мы только хвост увидим. И будем потом тётя Вера жалеть.

Я согласился, но сказал только, что осторожнее надо быть.

Мы на цыпочках побежали наискосок с тем, чтобы обогнать Веру Павловну и её спутницу. Потом мы спрятались за спортивными сооруже-

ниями — за лестницами там всякими и турниками. В темноте нас было почти не видно, тем более издалека.

Тётя Вера и Ната шли медленно: очень много времени отнимал у них разговор. И вот наконец послышались их голоса:

— Я тоже есть... двуродый брат, живе в Алтае, — говорила Ната. А тётя Вера ей в ответ на полчаса втирила про своих каких-то родственников: про то, сколько им лет, где они работают и что едят. А потом ещё про то, что лучше есть на самом деле, что полезнее.

— Слушай, милочка, а у тебя в том районе родственники, да? — спросила тётя Вера у Наты. Она была до ужаса любопытной, и ей, конечно, хотелось узнать, отчего эта девушка встретилась ей чуть ли не во дворе того дома, где жила её приятельница.

Чувиха эта, как показалось нам, немного растерялась, прежде чем ответить. Хотя судить об этом наверняка было очень сложно, ведь она так говорит, что никогда не понятно, что у неё на душе.

— Да, дядя жи там.

— Ах дядя! — обрадовалась Вера Павловна. И сразу же про дядей пошёл разговор, ещё на добрых полчаса.

Ночь была лунной, и мы могли даже видеть лица говоривших. Они были вполне спокойными, без всяких злых предчувствий и намерений.

— Слушай, Вася, смотри! — Витя так зашипел мне на ухо, что его почти заложило. — Кто-то идёт!

И действительно, на том конце стадиона мы увидели одинокую фигуру. Она направлялась в нашу сторону, то есть по тому же пути, по которому шли Ната и тётя Вера.

— Так, внимание! — прошипел уже я. — Бое-
вая готовность номер один.

Мы пока ещё не могли видеть, кто это был.
Но был это явно мужчина. Ладно, сейчас по-
смотрим.

Человек этот постепенно приближался. Он
шёл быстро и почти бесшумно.

— По-моему, он! — чуть не вскрикнул Витя. —
Точно тебе говорю. Я нутром чую.

— Подожди ты со своим нутром! Сейчас бли-
же подойдёт, тогда увидим.

Фигура уже почти поровнялась с Натой и тё-
тей Верой. Он! Точно! Этот красноносый маньяк!

Значит, всё правильно. Значит, мы не ошиб-
лись, когда сегодняшний вечер решили потра-
тить на расследование этого дела.

А мне уже казалось, будто всё обойдётся. Будто
не появится этот тип. Так нет ведь, ёлки-палки!

Так, ну и что мы будем делать, лихорадочно
думал я.

Витя наверняка думал о том же.

— Слушай, а давай мы ему просто сегодня это
дело сорвём. Вылезем сейчас, подойдём к ним.
При нас он убивать не осмелится: слишком мно-
го свидетелей.

Я понял, почему он это предложил. Ведь и мне,
с одной стороны, страсть как хотелось этого мань-
яка поймать, а с другой... страшно было, это я вам
честно признаюсь. Я не трус, но я боялся.

Секунд пару я колебался, но в конце концов
страх мне удалось в себе побороть.

— Ни фига! — решительно ответил ему я. —
Испугался, да, признайся (сам я испугался не
меньше, но об этом, конечно, молчал). Не будем
мы вылезать отсюда. Мы подождём, пока маньяк
начнёт действовать, и тогда...

— А может, лучше на него первыми напасть? Как раз тогда, когда они с нами поравняются. Для неожиданности... — предложил Витя.

— Ага, лучше! А потом долго ты будешь всем объяснять, с чего это на честного человека набросился.

Тем временем Максим Тихонович подошёл к Нате и тёте Вере. Поздоровался. На плече у него сумка висела спортивная. Мы могли только догадываться о том, что лежало в ней.

— Слушай, Ната, ну зачем так поздно ходить, а? — своим грубым голосом произнёс он. — Я ведь волнуюсь. Тебя вот встречать вышел.

— Так получи ходила извинить, — якобы оправдывалась Ната.

А хорошо они, однако, придумали! Встречать он её, видите ли, вышел. Боится он!

— Ты не ходи больше так поздно, ладно? — мужик немного смягчился. — Ты ведь и Москвы совершенно не знаешь, совсем недавно сюда приехала, и вообще... Сама понимаёшь, люди здесь тоже разные бывают. Вон двоих пачанов из нашего дома какой-то ублюдок укошил.

Вот сволочь! И что это, интересно, за ублюдок их укошил?

— Да, не буду ходи. Я просто задевзалась.

— Точно, Наточка, не надо так поздно ходить, — тут уже вставила свои пять копеек тётя Вера. И понесла дальше про бандитов, про маньяков, про инопланетян, про масонов, про тех, кто чужими почками торгует... Эту тему она очень любила и поэтому говорить на неё могла хоть двое суток без перерыва.

Мужик ей вроде бы поддакивал. Как будто бы её лучшим другом был.

Они прошли уже почти весь стадион, совсем немного осталось. Дальше начнутся дома, дворы, улицы. Не те места, короче, где можно убить кого-нибудь.

Значит, развязка близится.

— Итак, приготовились! — скомандовал я. — Как только он начнёт, сразу выбегаем.

На какое-то мгновение нам показалось, что такой момент как раз наступил. Витя уже выскочил почти из своего укрытия, но я вовремя схватил его за рукав и затащил назад. Этот мужик просто в разговоре поднял руку и махнул ею, а нам уж показалось, что он наконец решился.

Стадион уже почти прошли. Ну когда же, когда?

...И вот они наконец-то вышли во дворы. До нашего дома отсюда было рукой подать.

Мы осторожно двинулись за ними, но могли бы особо не прятаться.

Ната, Максим Тихонович и Вера Павловна вошли в наш подъезд и разошлись по своим квартирам. Никто в этот день не пострадал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Статуэтка ангела

Назавтра нам, конечно, досталось по первое число.

Досталось нам и в тот день, но не так сильно. Родители были так рады, что мы вернулись домой живыми и здоровыми, что даже как следует нас не отругали. Всё-таки волновались они очень сильно — что моя мама с братом, что домочадцы Вити. Думали уже, наверное, будто нас тоже этот маньяк порешил.

И когда мы появились, нас приняли чуть ли не с распростёртыми объятиями.

А вот на следующий день получили мы по полной программе.

И я и Витя придумали себе отговорки — не рассказывать же родителям, что в этот бездарно, как оказалось, потраченный вечер мы занимались поимкой маньяка. Поэтому придумали какой-то день рождения у некого нашего клавишника, которого в природе не существовало.

А Вите досталось ещё и по другому поводу. То есть с утра пораньше его отругали за то, что он домой в двенадцатом часу появился (мне за это тоже досталось неслабо), а потом, уже ближе к вечеру, получил он и за другое.

Оказалось, вчера тётя Вера и этот мужик переговорили между собой. И когда мужик спросил у неё, чего, она мол, зуб на него точит, та только плечами пожала. Ничего, дескать, против вас я не имею, откуда это вы взяли.

Ну он и рассказал тогда откуда. И тётя Вера припёрлась к родителям Вити разбираться.

Так что некрасивая история получилась с этим со всем, а сколько шума было! Ведь если Вера Павловна кого-нибудь поругать захочет, она не ограничится тем, что назовёт его каким-нибудь словом плохим, и всё. Она будет ругать его долго, чуть ли не целый час.

Так что Вите я бы вообще не позавидовал. Хорошо ещё, что он меня не выдал, настоящим другом оказался. А то и меня бы пропесочили тоже.

Хотя и мне, как я уже говорил, досталось как следует от мамы и брата. За то, что я так поздно пришёл домой, меня даже хотели не брать с собой в парк Сокольники. Туда в воскресенье, то есть на следующий день, собирались ехать мой брат с этой Натой.

Компания такая мне, конечно, не очень нравилась, но в парке я очень редко бывал. Поэтому возможности упускать не хотелось. Тем более, что братец, видно, денег на это дело много припас, чтобы Нату всячими вкусными вещами угощать. А в этом случае и мне кое-что могло перепасть.

Мама советовала Ване не брать меня с собой, пусть, мол, будет это мне как наказание. Но тот все-таки не согласился с ней. И пожалел, взял меня.

* * *

Погода в воскресенье выдалась намного лучше, чем в субботу. Никакого дождя и ветра

уже не было и в помине, на улице потеплело и иногда из-за туч появлялось яркое солнышко.

Народу в парке было тьма-тьмущая. Но от этого не было чувства неуютности, наоборот, душа даже радовалась, когда я смотрел на маленьких девочек в голубых нарядных платьицах и шляпках, с воздушными шариками в руках, на мамаш их, тоже красиво одетых, на пони и на всё такое прочее.

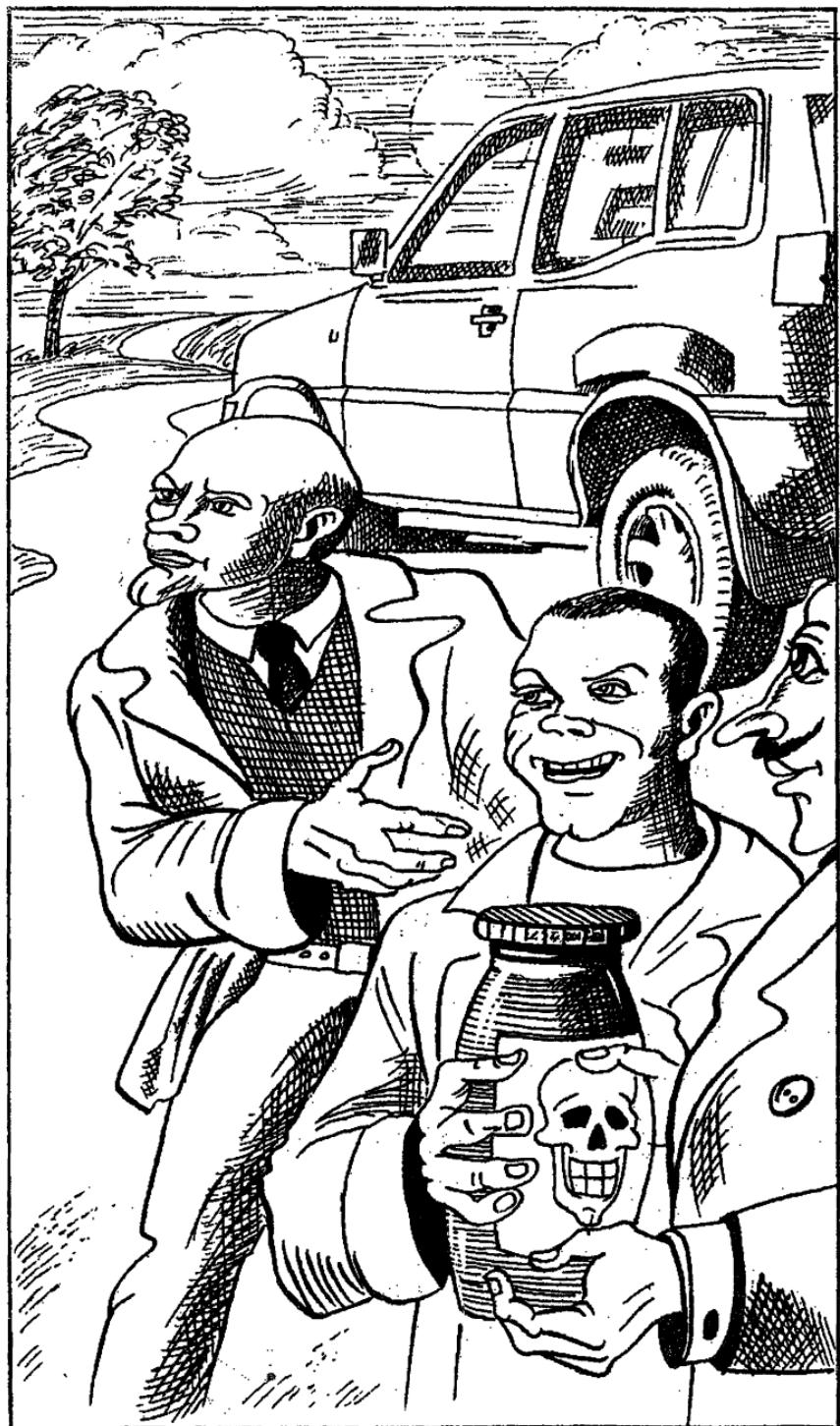
Я бы, конечно, больше покатался на всяких аттракционах, но Ваня и Ната это было совсем неинтересно. Они на колесе обозрения разок прокатились — и всё. И потом ещё Ваня мне денег дал, чтобы я прокатился пару раз на машинках.

О том, что с нами вчера произошло, я почти не думал. Не хотелось мне в этот день о плохом размышлять — душа радовалась. Решил я, что время обмозговать это всё у меня ещё появится.

Мы втроём сели на террасе летнего кафе, взяли мороженого и стали его с удовольствием поглощать. Брат с Натой много говорили о всяких разных вещах: о жизни на Алтае, о том, что там горы будто бы мистической силой обладают, о мистике вообще. Мне тоже интересно стало.

Брат в мистику не сильно-то верил, а Ната говорила, что не всё тут так просто. Надо как следует в этих вещах разбираться, а потом уже лезть туда.

А ещё она говорила, что ходит в церковь, а в церкви считают, что астрология всякая, гадания — это чушь собачья, которой вредно себе голову забивать.

Может, она и права была, кто его знает. Я-то сам в гороскопы не верил. Всё это мне ерундой какой-то казалось. Тем более, что если по моему гороскопу судить, у меня должен быть покладистый характер и стремление к самосовершенствованию. Ага, как бы не так! Характер у меня покладистый!

Брат как раз отошёл, чтобы взять ещё по порции эскимо, когда я спросил у Наты, верит ли она в ангелов.

Она мне в ответ улыбнулась:

— Да, вевю в ангела. Помогают в шизни когда пвоси... А ты?

Это она у меня спросила.

— Я? Да как тебе сказать? Я тут думал недавно на эту тему. Мой друг Витя говорит, что всё это чушь, но мне кажется, что он не совсем прав. Особенно в отношении ангелов. Я их не видел, конечно, но думаю, что всё-таки они есть.

Ната снова улыбнулась:

— Да, ангел есть. Они охвани нас.

Потом она достала из своей сумочки что-то совсем маленькое, коричневатого цвета, и протянула эту штуку мне.

Это была статуэтка ангела — маленькая, глиняная, немножко неровная, но всё-таки красивая. Размером она была где-то с мою ладонь и поэтому легко помещалась даже в карман. Только я очень боялся её разбить, поэтому в руках держал всё время.

— Мой папа делай, — сказала Ната. — Он умеет делать квасивы вещи. Такие ивзашные вещи дела.

Потом вернулся мой брат, и мы сразу стали говорить о чём-то другом, то есть о всякой ерунде. Ваня рассказывал армейские приколы, Ната молчала

и больше слушала, а я молчал, но слушал не особенно. Потому что эти приколы мне брат уже рассказывал, причём не один раз, и мне они надоели.

Когда мы выходили из кафе, вдруг ни с того ни с сего полил дождь. Это было очень неожиданно, целый день солнце, а тут... Небо вмиг покрылось тучами, и линуло оттуда как из ведра.

Ни у кого из нашей компании зонтика с собой не было. И пока мы добежали до какого-то «грибка», под которым можно было спрятаться, промокли уже основательно. Хорошо ещё, что дождь был не очень холодным, а то даже заболеть можно было, несмотря на май месяц. Я это точно знал: как раз в прошлом году в июне я промок как следует, так потом у меня была температура тридцать девять и три.

Сначала мы думали, что дождь быстренько так пройдёт, а потом опять солнышко будет, и решили его переждать. Но под этим «грибком» мы проторчали полчаса, наверное, а то и больше, а он всё лил и лил. То есть сначала это был ливень, а потом он потихоньку перерос в маленький противный дождик, но сути это не особенно меняло.

Что поделаешь, пришлось домой возвращаться. Хотя, в общем, уже было четыре часа — в принципе, самое время.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВАСЯ ОСТАЁТСЯ ОДИН

Вечером того же дня, то есть уже почти ночью, когда мама прогнала меня спать, я наконец решил подумать насчёт всего этого. Я имею в виду насчёт вчерашнего.

Я лежал у себя в постели в полной темноте и делал вид, что сплю. А на самом деле я не спал, а думал.

Но в темноте мне почему-то не думалось, и тогда я включил настольную лампу. Если бы мама увидела, она явно отругала бы меня за то, что я не сплю: завтра ведь в школу надо было идти.

Да и при свете мне, честно говоря, думалось не особо.

Не очень мне хотелось всем этим заниматься, то есть думать на этот счёт. Во-первых, я чувствовал себя круглым идиотом: целый вечер зря угрожал, по голове от родителей получил, нанервничался так сильно... И хоть бы какой-нибудь результат был. Так нет ведь, фи-гушки.

А во-вторых... Если раньше всё было ясно, то есть ясно было то, что этот Максим Тихонович — убийца и маньяк, и вся проблема была только в том, чтобы вывести его на чистую воду,

то теперь ничего уже не было ясно. Конечно, то, что он вчера не напал на тётю Веру, ещё ровным счётом ничего не доказывает. А может, он передумал. Может, у него действительно настроения не было. Может, они договорились всё-таки. То есть Максим Тихонович спросил у Веры Павловны, что она против него имеет, та сказала, что ничего, и, ясное дело, не стал этот мужик её убивать. Зачем ему лишние трупы?

Может быть, в конце концов, маньяк заметил, что за ним наблюдение установили, и нас испугался. И такое ведь тоже не исключено.

Может, может, может, может... Никакой, одним словом, ясности.

Надо было решать, что же дальше делать?

В общем, делать ничего не хотелось, это если честно признаться самому себе, но ведь надо было что-то делать. Если бы ещё знать что.

Ладно, решил я. Утро вечера мудренее.

И эта девушка тоже. Сегодня я поговорил с ней нормально, и ужаса она больше у меня не вызывала. Мне она даже стала нравиться немного. Не в смысле как девушка, конечно, а как человек. Что-то в ней было такое... хорошее. И в Бога верит.

Я встал с кровати и подошёл к своему письменному столу. На нём лежала статуэтка ангела, которую Ната мне подарила. Маленькая такая статуэтка, из обычной глины сделана, и я бы не сказал, что очень уж умело. Но что-то в ней было такое... Сильное, за живое трогающее, если можно так сказать.

Вдруг дверь открылась, и мама, которая, видно, проходила мимо и увидела в моей комнате свет, устроила мне небольшой разнос за то, что я, дескать, не сплю.

— Ещё раз свет увижу — ты у меня тогда получишь! — пригрозила она мне. — Завтра школу опять проспиши. Уже все учителя на тебя жалуются.

Я лёг в постель и закрыл глаза. Сегодня я устал основательно да и вчера не успел выспаться. Поэтому бессонницей я теперь уже не страдал.

Нет, всё-таки Бог есть, подумал я перед тем, как окончательно заснуть. А то иначе как? Ведь должно же быть что-то доброе. То есть не просто доброе, а очень доброе, настолько, что своей этой добротой оно помогает нам. Посыпает своих ангелов, чтобы они оберегали нас от всего плохого.

Я попросил своего ангела послать мне хороший сон и помочь завтра в школе и вообще по жизни. Особенно я попросил его, чтобы он наконец помог нам распутать это сложное дело.

Нет, всё-таки Бог есть, подумал я ещё раз, уже сквозь сон. Я это прямо сам чувствовал.

* * *

А вот Витя был в этом со мной не согласен, сколько бы я его ни убеждал. Всё равно он говорил, что Бог, ангелы — это бредни малограмотных. Ничего подобного на самом деле и близко не существует.

Я ему сказал, чтобы он поосторожнее был с такими вещами. Потому что Бог ведь даёт нам жизнь и, когда мы Его просим о помощи, Он нам помогает.

Витя опять сказал, что всё это бред. Такого, как Витя, было переубедить не так-то просто.

Больше мы с ним на эту тему не разговаривали. Хватало ведь и других тем.

С Витей мы встретились во дворе на нашей любимой скамейке на следующий день в два часа. Репетиции у нас сегодня не намечалось, но нам было о чём поговорить.

Настроение у моего приятеля было не ахти каким. Началось всё с того, что он как следует отругал меня. Как будто бы это я виноват в том, что позавчера этот мужик не стал никого убивать. Я возразил, что я же не маньяк всё-таки, это не от меня зависит.

— Ага, не виноват ты! — ответил мне он. — А кто же придумал всю эту дурацкую историю с Верой Павловной? Главное, придумать-то ты придумал, а отдуваться ведь пришлось мне! Если б ты знал, как мне вчера от мамы досталось за это всё! Вера Павловна пришла и всё ей рассказала, так сначала меня она чуть не растерзала, а потом и родители. Ругали меня так, что дальше некуда.

Я хотел что-то придумать себе в оправдание, но тут же понял, что не нужно этого делать. Ведь действительно, насчёт тёти Веры — это была моя идея, ничего уж тут не попишешь. Поэтому оставалось только попросить прощения у Вити.

И очень правильно я сделал, что попросил у него прощения. Потому что он был на меня сильно обижен, и поэтому мы вполне могли тогда поссориться. А так всё вроде бы улеглось.

Когда мы прекратили спорить, я стал говорить Вите, что надо продолжать наше расследование. Конечно, пока мы терпим неудачи, но не может ведь так быть, что всё сразу пойдёт своим чере-

дом. Сначала надо как следует попотеть, а тогда и результат появится.

Но Витя и слушать не хотел. Мол, с меняхватит — и всё тут.

— Я ведь сразу тебе говорил, что не моё это дело — преступников ловить, — сказал мне Витя. — Моё дело — музыка. Это мне и по душе, и получается нормально, и этим я буду заниматься. А бандитов, маньяков, убийц там всяких пусть милиция ищет. Не зря ведь ей деньги платят.

— Ага, милиция! Милиция вон моего батю обвиняет.

— Ничего, там тоже не дураки сидят. Я думаю, придёт время — разберутся. Да и вообще... Зачем ты не в свои дела ввязываешься? Любого маньяка рано или поздно поймают. Ведь иначе не бывает. Один раз ему всё с рук сойдёт, второй, а потом попадётся он обязательно. Даже Чикатило — и того поймать удалось, хотя он самым крутым был, говорят.

— Поймают... Да ты хоть понимаешь, что пока его поймают, он может целую кучу народа укошить?

По-моему, что-то похожее я уже когда-то говорил Вите. И тогда мне даже удалось его убедить в том, что я прав. Но теперь это было намного сложнее.

— Ну перекокошит, а тебе какое дело? Я понимаю, жалко, конечно. Мне тоже жалко, но ничего уж тут не поделаешь.

Мне казалось, что Витюха всё ещё на меня в обиде. Бродя бы и извинился я перед ним, и даже себя дураком назвал, решив, что ему от этого легче станет. Но всё равно он на меня в обиде был.

Так мы проболтали с ним где-то час, наверно. Я его по-всякому убеждал, убеждал, но он ни в какую.

— Ладно, — в конце концов сказал он. — Мне сегодня к дедушке надо заехать. Так что пора нам расходиться. Или, если хочешь, можешь со мной до остановки пройти.

Я, конечно же, пошёл с ним. Думал уговорить его по дороге. Ведь если Вите на мозги капать, капать, то в конце концов что-то может и получиться. Я это уже знал прекрасно.

— Но передумывать Витя был вроде бы не в настроении.

— Знаешь что, я лучше новую песню напишу, чем буду по ночам шляться по всяким закоулкам. Так что уж извини. Насчёт того, чтобы в группе с тобой играть, — так это я только за, а вот что касается всяких там слежек...

Мы пожали друг другу руки, и Витя двинул один по улице. Мимо него промчался автобус, на который ему очень бы, наверно, хотелось успеть. До остановки было совсем недалеко, но Вите не удалось добежать туда вовремя.

Я уже пошёл к себе во двор, когда увидел, что Витя садится в машину, которая остановилась напротив него на тротуаре. По-моему, это был тот самый джип «Чероки», на котором мы уже однажды ездили в магазин «Лаки-краски».

Что поделаешь, теперь я остался один, и с этим, судя по всему, придётся мне смириться. Витя больше ни в жизнь не согласится со мной куда-то ходить и вообще всем этим заниматься, а больше близких друзей у меня как бы и не было. Такое ведь тоже не каждому встречному-поперечному будешь доверять.

Ладно, решил я, справлюсь. Можно ведь и на помочь брата рассчитывать. Он покруче будет,

чем какой-нибудь там Витёк. Главное — найти улики против этого мужика (если, конечно, маньяк — он) или найти маньяка, если мужик всё-таки ни в чём не виноват.

Раньше я о таком даже и думать бы не стал, но теперь я уже не был на все сто процентов уверен в том, что именно Максим Тихонович виноват во всех этих ужасных убийствах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ПРО ПУШКИНА, ШКОЛУ И ПРОЧУЮ ЕРУНДУ

Пораскинув кое-как мозгами, я решил всё-таки подключить к этому делу одного паренька из нашей школы. То есть из параллельного класса. Я его знал не настолько хорошо, чтобы мог считать идиотом или ненадёжным, наоборот, мне он казался чуваком толковым. И к тому же Серёга (а его Серёгой звали) был буквально помешан на всяких детективах.

Так что при случае я решил с ним поговорить на эту тему. И как назло, на следующий день у меня ничего не получилось. Потому что последним уроком в «Б»-классе была биология, и Серёга его благополучно сачканул.

Ничёго, решил я, завтра поговорю. Как-никак, а помощник нужен. Одному можно и не справиться.

Я решил сначала как следует поговорить с этим Серёгой насчёт маньяка, насчёт убийств и всё такое. Ведь он же знал прекрасно, что в нашем классе двоих парней уконошили. Об этом все знали теперь — чуть ли не вся Москва. Хотя разве Москву такими вещами удивить можно? Тут небось каждый день что-нибудь такое случается. Город большой, и преступлений в нём много происходит.

Дела в школе у меня кое-как пошли на поправку. Теперь перед каждой самостоятельной или

контрольной, перед каждым диктантом или просто перед сложным уроком я просил своего ангела-хранителя, чтобы он мне помог. И тот помогал, чего бы там Витя ни говорил.

Поэтому назавтра после того, как мы с Витей так разошлись, у меня в школе было аж три приятные новости. Во-первых, я очень даже неплохо решил самостоятельную по алгебре и должен был получить за неё как минимум четыре балла, во-вторых, вызвался отвечать по русской литературе и учительница мне за смелость и оригинальность суждений (так она сказала, во всяком случае) пять поставила, и в-третьих, по физике к доске выходил задачу решать. Какую-то формулу я плохо знал, и результат у меня поэтому получился неправильный, но Виктор Петрович (это физик наш) мне всё равно четыре поставил. Сказал, что для меня, двоечника, это по-любому большой прогресс.

По литературе мы как раз Пушкина проходили. Все девчонки, ясное дело, в один голос говорили, каким он хорошим был — людей любил, собачек маленьких, дружбу ценил превыше всего, никогда никого не предавал и всё в таком духе. Они ведь любят это дело: начитаются всяких дурацких учебников и будут потом говорить, что, мол, этот Пушкин вообще идеальным был, без сучка без задоринки.

Я с ними, понятное дело, не согласился. Стал спорить и сказал, что на самом деле Пушкин, скорее всего, обычным человеком был. Таким же, как мы все. А ведь у каждого есть свои недостатки, это уж ничего тут не поделаешь. И у Пушкина они были. Он ведь всякие светские развлечения очень любил, к женщинам приставал не по мелочи.

В юбилейный год я много всякого насмотрелся и наслушался про Пушкина, и в газетах писали

о нём не только хорошее, но и, скажем так, всякое. Я сказал, что не всему этому, конечно, можно верить: газеты ведь и привирают иногда, кому об этом знать, как не мне. Но всё-таки не надо идеализировать Пушкина. А то получается, что он не человеком был, а прямо каким-то идолом: А ведь не будь он человеком, вряд ли написал свои стихи прекрасные. И «Онегина» вряд ли написал бы тоже.

Девчонки со мной поспорили немного для виду: им ведь на самом деле до лампочки было, хороший Пушкин или не совсем. Главное — подлизаться и оценку получить хорошую. Так что особых споров не было, а учительница мне пять поставила.

Ну ладно, что это я всё о Пушкине да о Пушкине. Не имеет ведь Александр Сергеевич к нашей истории никакого отношения, так чего тогда про него говорить здесь.

Может, оттого я про него здесь говорил, что очень уж не хочется мне писать про то, что дальше в нашей истории было. До жути просто не хочется. Лучше про всяких там Пушкиных трепаться или Лермонтовых.

Но надо, что уж тут поделаешь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ЕЩЁ ОДНА ЖЕРТВА

К завтрашнему дню я решил подготовиться обстоятельно. В смысле уроки приготовить. Чтобы не облажаться, как это раньше часто со мной бывало. Ведь намного приятнее, когда тебя хвалят, чем когда называют лодырем и двоечником. Тем более, что учебный год уже кончался и мне надо было бы исправить оценки по многим предметам.

Поэтому я никуда не пошёл, а остался дома и стал готовить уроки. Начал я с самого трудного, то есть с геометрии, а когда расправился с ней, то занялся историей. Не предмет, а прямо отдых сплошной...

Я как раз читал про африканские государства в учебнике по географии, когда раздался звонок.

Дверь пошёл открывать мой брат — я всему этому даже особенного внимания не придал. Ведь ко мне никто в это время не мог прийти. Тогда какое мне дело?

Но разговор, который я услышал в нашей прихожей, не оставил меня равнодушным.

— Что, убийцы! — истошно вопила какая-то женщина. — Что на меня смотрите? Да как таких, как вы, ещё земля носит? Проклятье на вашу голову, семья убийц!

— Подождите, успокойтесь! — уговаривал Ваня. — Расскажите, что случилось?!

— Убийцы, убийцы! — повторяла наша гостья.

В ней я по голосу узнал мать Вити. Тогда я сразу же вскочил со стула и бросился в прихожую. Странно, но никаких плохих предчувствий у меня всё ещё не было.

И когда я открыл дверь и вышел в прихожую, растрёпанная и заплаканная женщина вдруг бросилась на меня. Стала кричать, истошно так и дико, царапать мне лицо, хрипеть страшно.

Мы с братом насили её остановили. Ни брат, ни я всё ещё не знали, что же такое произошло, что эта женщина совсем спятила. Что касается меня, то я во все стал каким-то обалдевшим после этого. Не каждый ведь день на меня так бросаются.

— Ну что, убийца, сын убийцы?! — по-прежнему вопила она. — А ведь себя другом Вити называл, в гостях бывал у нас. А оказалось-то...

Дверь в нашу квартиру всё ещё была открыта. И крики разносились по всему подъезду. Поэтому неудивительно, что очень скоро все наши соседи заинтересовались тем, что у нас происходит.

— Подождите, подождите! Подождите вы, наконец! Успокойтесь! Возьмите себя в руки, в конце-то концов! — брата всё это, видно, даже немного стало раздражать. — Так, Вася, принеси-ка воды холодной.

Но мать Вити от этого ещё больше заводилась. Кончилось тем, что она уже даже говорить не могла, только всхлипывала:

— Ава... Ых, ува... Уби...

Я сбежал за водой, а брат к тому времени нашёл настойку валерианы. Но мама Вити выплеснула воду мне в лицо.

— Уйдите от меня, убийцы! Отец — убийца, старший сын — убийца, младший — убийца! Заманили моего Витеньку в ловушку, радость мою единственную...

Мы с братом настороженно переглянулись: что это она несёт такое? Соседи, которых уже человек пять набилось в нашу прихожую, спрашивали друг у друга, что случилось, и судачили об этом обо всём. «А ведь не зря этот Петя исчез куда-то, не зря, — негромко сказал кто-то из них. — Его это рук дело, чует моё сердце, что его».

Брат разозлился уже на шутку:

— Да ёлки-палки, достали вы меня уже все! Мне кто-нибудь вообще скажет, что же произошло?

— А он ещё спрашивает! Он спрашивает ещё! Это всё вы виноваты. Вы, и никто другой! Вместе всё делали, вместе! Малый ваш заманил, старший держал, а отец убил. Я знаю всё это, знаю! У вашего отца ещё когда были руки в крови! Ещё в молодости.

А про этот случай она откуда знает?

Но неважно. Что же всё-таки произошло?

И вдруг, как гром среди ясного неба, тётя Вера негромко произнесла:

— Витю убили.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЭКСКУРСИЯ В МОРГ

Только назавтра мне удалось кое-что узнать об этом деле. В тот день мне никто ничего путного так и не смог сказать. Все кричали, вопили, причитали, ругали моего отца, а я сидел за кухонным столом и отрешённо смотрел в окно. Мне было всё до лампочки.

— Как же так, — повторял я про себя, — как же так могло случиться? Значит, его убили! Всё-таки убили...

Мне до сих пор не верилось в это. Ведь совсем недавно он был живым, мы говорили с ним, спорили. Недавно он песни сочинял и мы с ним играли их в подвале, в нашей уютной каморке.

Теперь эти времена никогда не вернутся. И странное дело, сначала я подумал о том, что группа наша без Вити развалится, и уже только потом до меня дошло, что самое ужасное не это. Самое ужасное — это, конечно же, то, что его убили.

Мать Вити, ясное дело, вообще рассудок потеряла. Ведь такое горе. Мы с братом её успокаивали, успокаивали, но всё напрасно. Потом нам соседи помогли, и только тогда ей удалось из нашей квартиры увести.

Я кричал ей, что ни в чём не виноват, просил у неё прощения даже сам не зная за что, но она всё

равно стояла на своём. Я убеждал её в том, что Витя был для меня самым лучшим другом, но разве сейчас можно было её в чём-то убедить?

Мама Вити считала, что это я всё так подстроил. В смысле так подстроил, чтобы её сына убили. Она твердила, что я вообще всегда оказывал на него дурное влияние, благодаря мне, и только мне, он стал меньше учиться и занимался вместо этого, как она выразилась, «своей дурацкой музыкой». Что я хитрый и противный и всегда использовал её «бедного Витеньку» для своих целей.

Я бы, конечно, мог ей много сказать насчёт того, что Витя на самом деле был моим хорошим другом, что это он меня надоумил заниматься музыкой, а не я его, и что, в конце концов, он был старше меня, и поэтому смешно говорить, что будто бы он шёл у меня на поводу.

Мог бы я всё это ей сказать с чистой совестью, как на духу. Но не стал этого делать. Какой смысл? Может, потом, когда успокоится и обрзумится, с ней и поговорим на эту тему нормально. А сейчас ведь всё равно мать Вити не будет меня слушать.

Поэтому когда она наконец-то ушла, мы с братом только облегчённо вздохнули. И так горе такое, ещё только её психоза не хватало.

В этот день я ничего уже больше не делал. Сидел и в окно смотрел, как я уже говорил где-то. Смотрел себе до позднего вечера.

Я вспомнил, как Витя говорил об этом маньяке, и мне тут же стало не по себе. Ведь он говорил обо всём так, словно это его не касалось, словно этот маньяк в другой жизни живёт. И Коляна он убить мог, Васю мог, а он, Витя, в любом случае выйдет сухим из воды. И теперь вот как получилось.

На следующий день мне наконец кое-что рассказали о Вите.

Как и Колю, его нашли в безлюдном месте. На какой-то свалке неподалёку от выезда из города. Причём его тело было завёрнуто в простыню, а изо рта у Вити торчала женская туфелька с каблуком.

Скорее всего (если верить милиции, конечно же), Витю убили в другом месте и туда только привезли. Его смерть наступила от удушья, кто-то как следует поизмывался над ним, прежде чем убить.

На следующее утро после разговора с мамой Вити я всё-таки пошёл в школу. Но там мне довелось просидеть всего пару уроков (хорошо ещё, что меня никто не вызывал и вообще не трогал, а иначе опять бы были неприятности). Потом, как раз посреди урока математики, в класс вошёл человек в милицейской форме и назвал мою фамилию. Я отозвался. И он договорился с учительницей, чтобы меня отпустили сегодня со всех уроков, потому что моя помощь нужна милиции. Та, ясное дело, согласилась, а мои одноклассники стали странно смотреть на меня.

Мы сели в милицейские «Жигули». Я уже думал, что меня опять повезут на разговор с этим придурком капитаном (что бы мне не хотелось видеть в эту минуту, так это в первую очередь его тупую рожу). Но когда машина только стала заводиться, неизвестный мне старший лейтенант сказал:

— Не волнуйся, парниша, главное тебе сейчас не волноваться. Мы расследуем убийство твоего друга Виктора. И ты должен нам помочь. Я понимаю, тебе всё это будет неприятно, но, прошу те-

бя, как-нибудь уж пересиль себя и сделай всё то, о чём тебя попросят. Это очень нам надо.

— Хорошо, а куда мы едем? — спросил я. — В участок?

— Нет, — ответил мне доброжелательный старший лейтенант. — В морг.

* * *

Короче, от меня хотели, чтобы я опознал труп Вити. В общем, сделать это было не так уж сложно, но милиционеры всё равно попросили об этом нескольких человек, чтобы никакой тут ошибки не было. Витю уже опознали мама и школьная учительница, и теперь была моя очередь.

Вместе с этим старшим лейтенантом мы вошли в здание морга. На вид это было обычное здание — такое, как все, серенькое и обшарпанное. Но внутри там, небось, было такое, что волосы запросто могли дыбом встать.

— Здравствуйте, сказал этот молоденький лейтенант тому, кто сидел там на входе, — меня зовут Егоров. Мы на опознание сюда.

— А, на опознание. Ну заходите, заходите, — чуть ли не весёлым тоном отвечал ему мужик, который на вахте сидел. — Подождите там у кабинета, я сейчас позвоню начальнику.

Всё, что дальше было, я уже очень смутно помню. Как будто бы в тумане всё происходило.

Потом появился какой-то мужчина, тоже в форме и с капитанскими погонами. К счастью, это был не тот капитан, который меня доставал столько. Он подошёл к нам, поздоровался за руку с лейтенантом и потом протянул руку мне и ласково сказал:

— Ну что, парень, пойдём. Впервые здесь, а?

Конечно, впервые. Слава Богу, раньше по морям ещё не приходилось прогуливаться.

— Ты не волнуйся, не волнуйся главное. Теперь самое важное — преступника поймать.

Дверь в кабинет открылась, и мы втроём переступили порог.

В лицо ударили странный запах. Это был вовсе не запах гнили или разложения — этот запах я бы вообще даже не назвал неприятным. Только очень странным он мне показался.

Капитан включил свет, и я увидел, что в комнате, полностью выкрашенной в белый цвет, нет больше ничего, кроме железного стола, который стоял в её центре. Стол был почти полностью покрыт простынёй, но под ней угадывалось что-то...

Я уже понял, что там было под простынёй. Да и как тут было не понять?

Лейтенант подошёл к столу и отдернул простыню. От увиденного я чуть не упал в обморок.

— Эй, парень, подожди, подожди! Не падай только, не надо, — зашевелился тогда этот капитан. — Я же предупреждал тебя... Ванюша, дай-ка мне спирта нашатырного.

Конечно же, это был Витя. Тут просто сомнений никаких быть не могло. С посиневшим лицом, двумя царапинами на груди и синяком под глазом.

Изо рта у него по-прежнему торчала красная туфелька.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВАСЯ КОЕ О ЧЁМ ДОГАДЫВАЕТСЯ

Потом я ещё долго говорил с этими двумя милиционерами о Вите, о том, как другие убийства в нашем доме случились, о моих друзьях.

Они отнеслись ко мне, в общем-то, неплохо. Отвели в кафе, накупили кучу разных сладостей. Мне не хотелось в такой день ни есть ни пить.

Я от них ничего особо не скрывал и поэтому рассказал и о том, что мы с Витей вместе музыкой занимались, и о том, что капитан моего отца подозревает в убийствах, и многое ещё о чём. Не сказал я только о том, что мы следили с Витей за этим Максимом Тихоновичем. А почему не сказал, кто ж его знает.

Когда эти милиционеры услышали про капитана, они сразу переглянулись:

— И что этого дебила ещё надоумило? — сказал старший лейтенант.

— Ну, действительно. Тупее мента, наверно, во всей Москве не сыщешь. Разве что в каком-нибудь Урюпинске можно будет разыскать.

— Зато честный.

Потом мы снова сели в машину. Милиционеры обещали подбросить меня немножко, но отвезли чуть ли не до самого дома.

Машина остановилась напротив нашей школы.

— Ну что, приятель, счастливо, — пожал мне руку старший лейтенант. — Всё, что мы хотели тебе сказать, мы уже сказали. Так что теперь многое от тебя зависит. И помни: если что-нибудь заметишь странное, если что-то случится — сразу же обращайся. Вот моя визитка, вот визитка товарища капитана. На обратной стороне домашние телефоны. Звони в любое время дня и ночи, не стесняйся. По любому поводу звони, даже если ерунда какая-нибудь произойдёт, которая тебе несущественной покажется. Понял?

Он похлопал меня по плечу и завёл мотор.

Я снова вспомнил, что так и не сказал ему о Максиме Тихоновиче.

* * *

Времени было уже полтретьего, и я двинул домой. Там мне тоже было нечем заняться, но больше идти вроде бы было некуда.

Я не знал, что я теперь буду делать. Без Вити. Даже и думать об этом не хотелось.

Конечно, надо было как-то продолжать это всё расследование. Тут просто и речи быть не могло. Тем более, что эти новые милиционеры, то есть те, с которыми я сегодня познакомился, вроде бы совсем не такие уж и дураки. Если что, к ним можно обращаться. Всегда помогут.

И почему действительно я им не сказал о том, что мы с Витей подозревали этого Максима Максимовича Тихоновича. Можно было им, по крайней мере, об этом намекнуть. Пусть бы его проверили тогда. Если невиновен — отпустили бы, а если...

Кто его знает, виновен он или нет. Раньше всё это мне уже однозначным казалось, а теперь, после того, как мы за ним следили столько...

Как назло, светило яркое солнышко и погода была просто замечательной. Очень не соответствовала она моему настроению теперешнему.

Я как раз вышел на тот стадион, где мы с Витей тогда следили за Натой и тётей Верой. Вроде бы день ещё был в полном разгаре, но стадион оказался совершенно пустым. Только один паренёк какой-то бил по воротам мячиком, да и тот очень быстро ушёл оттуда.

А ведь действительно, если так подумать, с чего бы это нам Максима Тихоновича подозревать? Ведь ничего он такого не сделал особенного. Ну ладно, мясником он работает, ну ладно, морда у него красная, ну и что? Нож мы у него в шкафу нашли, но это ведь тоже ни о чём ещё не говорит. Мало ли у кого всякие такие ножи могут быть.

Конечно, не мог я и сказать с чистой совестью, что Максим Тихонович был абсолютно невиновен. Но и подозревать его больше других тоже вроде бы повода не было. Это если головой спокойно подумать.

Я уже почти дошёл до того места, где мы с Витей прятались тогда вечером. Сейчас, когда светло, там уже не спрячешься: сразу заметят. А ночью вполне можно.

Я ещё раз вспомнил наш последний разговор с Витей. Как я уговаривал его не забрасывать расследование, как он не соглашался со мной, как на прощание он сказал, что теперь будет только музыкой заниматься, и ушёл.

И вдруг меня осенило. Как будто в сердце кольнуло что-то!

А ведь действительно, если упрёшься во что-нибудь, вобьёшь себе в голову, так потом и белого света не замечаешь. Как это я раньше не догадался!

В последний раз, когда я его видел, Витя сел в эту машину. В смысле, в тот джип «Чероки». И очень скоро, в тот же день, его не стало.

Я знал, что там, куда он тогда поехал, Витя не появился. Значит, несчастье произошло с ним по дороге.

Ну да, ёлки-палки! Иначе просто и быть не могло. Этот джип, эти парни, которые на нём ездили...

Значит, вот оно что!

Мне сразу стало даже страшно. Сердце колотилось как маятник сумасшедших часов. Я стал лихорадочно вспоминать, что же мне известно про этих парней.

Я их видел всего несколько раз. Но ведь этого вполне было достаточно, чтобы понять! Понять, что именно они...

Сначала в магазине... эти ребята купили какое-то вещество, которое легко воспламенялось. Они сами про это говорили, спорили ещё. Мы с Витей случайно услышали об этом.

И в тот же день пропадает Коля! Его тело находят обгоревшим. Так что это, совпадение?

Может быть и совпадение. Я уже стал бояться сразу делать выводы. Надо было ещё подумать.

Потом в участке эта встреча. Они тогда пьяные были, и тот, который больше всех выпил, какую-то ерунду нёс. Про то, что ножом по горлу, и ещё какой-то бред...

Это тоже ни о чём особенно не говорило — мало ли что пьяный может болтать. Но... Это же пословица есть такая народная: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». А может, не просто так он всякую чушь нёс, может, совсем не просто так.

Ну и потом самое главное — это то, что Витя в их машину сел. И как это я об этом забыть мог! Ну и дурак! Вот о чём надо было сказать этим милиционерам. Ведь эту машину-то и её хозяев уж точно надо было проверить.

После всего этого я чувствовал себя круглым идиотом. Но надо было действовать. Ведь ещё наверняка что-то можно изменить.

Я решил срочно, не откладывая ни на минуту, позвонить этим милиционерам. Позвонить и просто сказать обо всём, что я знаю. Пусть дальше они сами решают, что им делать. Как-никак, им виднее должно быть.

Теперь всё действительно зависело только от меня. Ведь никто больше не знал того, что знал я. Никто вообще ничего не знал больше.

* * *

Я пересёк стадион и вышел на дорогу. Надо ещё вперёд немного пройти, там телефон-автомат будет. Или домой уже добежать — всё равно этот капитан с лейтенантом, наверное, никуда пока не доехали. Я с ними распрошался минут пять тому назад.

Я не выдержал и рванул бегом. Меня аж трясло от желания как можно скорее рассказать тем, кому следует, всё, что я знаю.

До дома отсюда было совсем недалеко — минут пять ходьбы, не больше. Я нёсся по пус-

той улочке, в конце которой начинался наш квартал.

Вот я уже почти и дома. Совсем немного осталось.

И вдруг около меня притормозила машина. Я сначала не обратил на это никакого внимания: голова у меня другим сейчас была занята. Но потом меня окликнули:

— Эй, неформал, не хочешь ли прокатиться?

Я застыл на месте от неожиданности.

Это был тот самый джип «Чероки».

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

САМАЯ СТРАШНАЯ

Меня так крепко связали, что я почти не чувствовал рук и ног. Кричать я тоже не мог, потому что в рот мне засунули какую-то тряпку. Она ужасно мешала мне дышать, и я чуть ли не умирал от нехватки воздуха.

Когда эти ребята предложили мне прокатиться на их машине, я, конечно, отказался. Меня аж трясло, я прямо заикаться стал:

— А может, поехали? — тон голоса одного из них, того парня, который в участке самым пьяным был, стал явно издевательским. — Мороженое тебе купим, в кино сводим. Любишь мороженое?

Я стал плести какую-то ахинею насчёт того, что меня мама ждёт, что мы с ней договорились и если я не приду, она волноваться станет.

— А давай прокатимся всё-таки! — после этих слов парни стали вылезать из джипа.

Мне надо было бежать. Сразу надо было бежать что только было сил, бежать и кричать, кричать, кричать. Тогда бы, может, они и испугались. Может, кто-нибудь внимание обратил бы на это всё, из окна бы выглянул. Но я по-прежнему стоял на том же самом месте, не в силах даже пошевелиться.

И только тогда, когда парни подошли ко мне уже почти вплотную, я наконец попытался улизнуть.

Но не тут-то, конечно, было. От троих здоровых парней разве улизнёшь? Они набросились на меня со всех сторон, я отбивался как только мог, пока я мог отбиваться, но потом они надели мне на голову мешок, затолкали в машину и стали связывать по рукам и ногам.

— Вован, держи этого козла! — кричал один из них. — Крепче держи, крепче!

— Давай, вяжи его, ух как хорошо, вяжи этого голубчика!

— А он отбивается, сволочь! А на тебе, на!

Чья-то рука опустилась мне на голову. Сразу стало очень больно, и в рот мне попала струйка солёной жидкости.

— Я тебе покажу, как ногами тут размахивать!

Я не мог кричать: у меня во рту как будто бы всё замёрзло. И получались только какие-то несвязные всхлипы:

— Ыыыы-ах, ыыыыэээах!

Не прошло и минуты, как машина отъехала от тротуара.

Лежать на полу джипа было страшно неудобно. Тем более связанному и когда дышать почти нельзя.

О том, что меня теперь ожидало, я мог только догадываться.

* * *

Я точно не знаю, сколько времени мы ехали. Может быть, час, а может, и целых два. Мне показалось, что прошла вообще целая вечность, прежде чем меня наконец развязали.

Я был в состоянии оцепенения — это когда себя почти не чувствуешь. Ну, то есть ты нормально всё вроде бы понимаешь, но тебе кажется, будто всё, что происходит, происходит не с тобой.

Потом я услышал голоса сквозь шум мотора:

— Ну всё, Вован, можешь пацана этого развязывать. Всё равно далеко не убежит. Пусть напоследок посмотрит на небо, на солнышко. Какое всё красивое по весне.

Говорилось это жутко издевательским тоном.

— Да нет, Коля, не надо, я думаю. А то мало ли чего? Может, он каратэ занимался?

— Ничего, каратиста мы тем паче замочим. Будет даже приятнее.

Чьи-то руки дотронулись до меня, я почувствовал это через плотную мешковину. Потом верёвки, которыми я был обкручен, перерезали. Дневной свет показался мне очень ярким, а руки не могли сгибаться-разгибаться.

Когда я немного пришёл в себя, сразу увидел три смотревшие на меня ухмылявшиеся рожи. Парни улыбались во весь рот, перемигивались, и кто-то из них даже пощекотал меня:

— Ух ты, пупсик! Какой у нас пупсик сегодня в гостях! Да он просто милашка!

— Да, я вообще тащусь, — подхватил второй. — Надо на него посмотреть хорошенько перед тем, как «делать» будем. От этого куча удовольствия.

Этот второй на вид казался вполне нормальным парнем. Он был весь рыжий, в веснушках. Если его друзья, одетые в спортивные брюки с лампасами, и могли вызывать страх, то этот парень вряд ли.

Я всё ещё не мог говорить. Мне было до жути страшно и неприятно чувствовать себя в том положении, в которое я попал.

— Да, слушай, этот будет получше других, —
сказал тот, который развязал меня. — Позанима-
тельнее. Сидит себе тихо и ждёт, пока мы начнём.
Как свинка покорная. А то этот другой нефор-
мал... как там его — дурак дураком. Так кричал от
страха, что всё удовольствие обломал.

Я понял, что речь шла о Вите.

* * *

Вскоре машина остановилась. За окном были
какие-то непонятные места — деревья, серые зда-
ния без окон...

— Так, ну что, нам пора.

Парень, который сидел за рулём, открыл
дверь и первым выпрыгнул из машины. Двое дру-
гих схватили меня за руки и тоже собрались это
сделать.

— Эй, Вован, осторожно, тут грязно! — крик-
нул водитель. — Если после каждого такого ребё-
ночка штаны стирать...

Только теперь я заметил, что все парни, кроме
водителя, были, как бы это сказать, немного не
в себе. То есть от них не пахло алкоголем, тут де-
ло было в чём-то другом. И я понял в чём, когда
водитель вытащил из кармана какой-то белый
порошок, выложил из него полоску себе на руке
и стал запихивать её в ноздрю.

Его тут же передёрнуло. Из глаз покатились
слёзы, а лицо дико искривилось.

— Эх, хоррроющее зелье! — через силу ска-
зал он.

— Ну что, маленький, что, хороший ты мой?
Давай на выход! — глаза того, кто это говорил, то-
же слезились. Он совершенно дико улыбался, вы-
таскивая меня из машины.

Второй вёл себя спокойнее:

— Это ж только послушай, Колян! — завёл он, когда мы вылезали из джипа. — Вот пацанёнок этот... вчера ёщё играл в футбол и в школку ходил, а сегодня... Сейчас вот прямо... От него куча пепла останется да железная пряжка от штанов. Слушай, круто!

Я наконец осмотрелся. Мы, наверное, заехали куда-то за городскую черту. Никогда таких страшных мест в Москве мне видеть не приходилось.

Всё вокруг поросло бурьяном. Видно, это была какая-то заброшенная стройка или, может, тут раньше танки стояли. Здесь повсюду громоздились ржавые и покорёженные разбитые машины, бетонные здания-столбики без окон и дверей, разрушенные постройки, от которых остались только стены, да и то не полностью. На земле валялись два или три здоровенных железных колеса — размером этак с мой рост.

Мои мозги уже к этому времени чуть-чуть начали шевелиться. Надо что-то делать, делать что-то надо, надо делать что-то — работали они лихорадочно.

Ребята выволокли меня из машины и потащили куда-то в сторону большого кирпичного дома, страшного и полуразрушенного, без окон и крыши без крыши.

— Слушайте, а что вы со мной делать будете? — спросил я у тех двоих, что вели меня под руки.

В ответ они довольно засмеялись:

— Что делать? А как ты думаешь?

— Ладно, Колян, давай скажем пацану, чтоб он знал. Короче, так. Мы запрём тебя в цистерну из-под бензина и подожжём её. Изнутри и снаружи. А потом мы будем стоять в сторонке,нюхать ко-

каин и смотреть, как ты сдыхать потихонечку будешь. Ты как, не против такого варианта?

— Против! — вырвалось у меня.

Они опять дружно рассмеялись.

— Ну что ж, тут уже ни фига не попишешь. Нам бы тоже не понравилось.

Опять это зловещее «Эаахх-хах-хах-хахаа!». Если б я и захотел так посмеяться и потренировался бы как следует в этом деле, ничего бы у меня всё равно не вышло.

Впереди показалась здоровенная ржавая бочка, такая большая, что в неё могла уместиться куча народа. Наверно, эта и была та цистерна.

— Слушайте, парни, а зачем вам меня убивать надо? Я ведь никому ничего плохого не сделал, — плаксивым голосом зарядил я.

Попади вы на моё место, небось тоже бы так клянчили.

Услышав это, они смеялись чуть ли не полчаса.

— Отпустите меня, а? — опять взялся я за своё. — Я никому ничего говорить не буду. Меня мама дома ждёт.

Те двое, что меня вели, всё ещё смеялись. А третий подошёл к нам вплотную и больно схватил меня за подбородок.

— Ты хочешь знать, почему мы убиваем таких, как ты, и через пару минут убьём тебя? Хорошо, я скажу. Мы это делаем только потому, что нам это нравится. Мы получаем от этого дьявольское удовольствие!

Он говорил страшным металлическим голосом, который на последней фразе сорвался на крик.

— Но что же в этом приятного? — своим плаксивым голосом спросил я. — Пожалейте меня, ну пожалуйста! — стал я опять канючить.

— Ты думаешь, убивать сложно? — этот человек, казалось, и не слышал меня. — Думаешь, это неприятно? Да как бы не так. Ты просто не знаешь, какой кайф можно получить, когда видишь, как твоя жертва, неповинная ни в чём жертва, мучается перед смертью, а ты стоишь в сторонке, сигаретку покуриваешь и спокойно наблюдаешь за этим. Тебе просто не посчастливилось испытать этих чувств. Да уже и не посчастливится. Ведь очень скоро жертвой будешь ты.

Я опять стал просить, чтобы они смилиостивились надо мной.

— Нет, мальчик, ты умрешь, — спокойно возразил мне этот человек. — Этого уже не изменить.

И спокойно продолжал:

— Видишь ли, мы убиваем тебя совсем не потому, что ненавидим. Нет, дело совсем не в этом. Дело в том, что нам просто скучно. Целую неделю работаешь, продаёшь всякий товар дерьмовый, с лохами разбираешься. Надо же развлечься хоть иногда в жизни.

— Так, хватит, — остановил его тот веснушчатый. — Нам пора уже. Зачем тут зря балабонить?

— Да, пожалуй, ты прав, — согласился его друг. — Ну что, поехали!

* * *

Я понимал, что спастись невозможно. Что очень скоро меня не будет.

Просить пощады у этих хладнокровных убийц было бессмысленно. Надеяться на то, что кто-то придёт и поможет мне здесь, в этом безлюдном месте, было не только бессмысленно, но и глупо.

И тогда я попросил Бога мне помочь. Чтобы как-то мне от смерти избавиться. Потому что умирать... Не просто не хотелось! Я даже и передать вам не могу, как мне не хотелось гореть в этой ужасной бочке!

Это ведь как бывает: всегда обращаешься к Богу только тогда, когда больше не к кому.

Со мной был как раз такой случай.

Я попросил Бога, чтобы он мне помог. Помог... Я уж даже не знаю как. Но чтобы только мне живым остаться. Пообещал Ему, что теперь буду родителей слушаться, со всеми буду вежлив. Коли жив, ясное дело, останусь.

Потом я вспомнил ангела, которого мне подарила Ната, и попросил его тоже помочь мне. То есть не саму статуэтку, а того ангела, которого она изображает.

Он, наверное, очень красивый — большой и с крыльями. Так пусть мне поможет сейчас.

* * *

Мы подошли уже вплотную к цистерне. Парни, которые приволокли меня сюда, стали забираться наверх по железной лесенке.

Сначала туда полез тот, который долго объяснял мне, за что меня убивают. Он взобрался на верх, потянул за ручку ржавой крышки люка, и через секунду его голова уже торчала из цистерны.

— Эй, давай сюда этого! — крикнул он тем двоим, что меня держали.

Если бы только знали, как я вырывался! Ведь никто не захочет идти на смерть по своей воле. Когда понимаешь, что ничего хуже уже всё равно не будет, тогда и бояться перестаёшь.

Я отбивался руками и ногами и уже почти даже вырвался. Но как только я отбежал на пару метров, меня тут же схватили, повалили на землю и стали колошматить руками и ногами изо всех сил.

— На, сволочь, получай, получай ещё! — приговаривал этот веснушчатый.

— Смотри насмерть не убей, а то потом неинтересно будет, — вторил ему другой.

— Ладно. И то правда.

Потом они схватили меня за руки и за ноги и потащили к цистерне. Я всё равно пытался вырваться, но теперь это у меня почти не получалось. Я чувствовал, что всё лицо у меня в синяках, да и не только по лицу перепало.

Один из убийц залез наверх, а второй передал ему меня. Вдвоём с тем, который был уже в этой цистерне, моё тело они туда всё-таки запихнули.

— Ладно, ребята, вы разбирайтесь, а я на воздухе подожду, — крикнул тот, что внизу остался. — А то там сильно бензином воняет.

— Э нет, Колян, тащи сюда зажигательную смесь. Мы без тебя не разберёмся. Ты хоть не забыл эту гадость? — окликнул его этот разговорчивый.

Видно, он был самым главным у них.

— Так зачем эта смесь? Мы же снаружи будем...

— Нет, снаружи не выйдет. Снаружи мы просто бензином обольём. А то ждать долго придётся.

— Но будет не так красиво.

Ещё пару минут эти ребята спорили о том, как лучше меня убивать. У них в это время был очень деловой вид. Как будто они на хозяйственные темы разговаривали — о том, как лучше огурчики солить или ботинки чистить.

В конце концов этот Колян всё-таки залез к ним в цистерну. Эта бочка была такой большой, что все туда легко вместились.

Там было сыро и очень темно. Только через люк падал слабый луч света.

— Так, ну что! — командовал этот главный. — Давайте смесь разливать.

— Слушай, а ты точно в этой фигне уверен? — спросил его веснушчатый. — А то мы ведь только один раз её попробовали. Может ведь и не получиться.

— Да ну, не лепи горбатого. Всё будет хоккей.

— И смотри, тут без неё не обойтись действительно. Сыро очень, — встрял в спор третий убийца.

Потом эти парни долго что-то делали на полу цистерны. То есть двое делали что-то, а третий меня держал обеими руками.

— Так, ещё сюда надо разлить немножко, — приговаривал главный. — Чтобы всю площадь покрыть.

— Ну что, голубчик? — сказал мне веснушчатый, когда всё уже было кончено. — Сейчас ты гореть будешь. Заживо!

— Нет, круче было бы цистерну снаружи поджечь, — не соглашался этот Колян. — И люк ему открыть, чтобы вылезть он мог. Вот это зрелище было бы!

— Нет, Колян, — ответил ему главный. — У нас на такое нету времени. А вдруг дым кто узырит и сюда ломанёт?

— Так мы его туда же!

— Ладно, не пиликай! Давайте вылезать. Смотри, чтобы этот не увязался.

Но Колян уже был занят другим делом, он вытащил из кармана маленький пакетик с этим самым белым порошком.

— Эх, перед таким дельцем надо бы кокайн-чика вмазать.

— Да, я бы тоже не прочь, — согласился с ним его друг. — Отсыпь-ка мне немножко.

— Вылезли бы и там вмазали, — главный был самым серьёзным из них.

Но Колян уже ловил кайф, запихивая себе в ноздрю порошок. Второй, который держал меня, протянул к нему руку, чтобы Колян и ему дал кокаина.

— Шигччаа-аас! — прошептал Колян, отсыпая зелья своему приятелю.

Когда он раскладывал наркотик у себя на руке, я вдруг понял, что оказался свободным. Ненадолго, но всё-таки. То есть пока меня никто не держал. Этот тип настолько увлёкся, что даже выпустил меня из рук.

Меня чуть ли не передёрнуло. Этого шанса нельзя было упускать. Ведь он — последний!

— Боже, помоги мне, я прошу тебя, помоги мне, — прошептал я.

— Что ты там бормочешь? — наклонился ко мне этот главный.

* * *

Даже и не знаю, откуда во мне взялось столько силы и смелости. Ведь раньше я был пареньком таким тихим и героем себя никогда не считал. Но тут... Видно, и вправду Бог за меня заступился.

Когда этот их главарь наклонился надо мной, я вдруг схватил его за грудки и резко, что только было сил, ударил по мужскому месту. Потом ещё и ещё.

Я был не то чтобы силачом, но тут у меня всё получилось. Парень буквально согнулся от боли.

Тогда я оттолкнул его и полез наверх.

— Эй, эта сволочь удирает! — завопил веснушчатый. — Лови его, гада этого!

От чистого неба меня отделял всего лишь какой-нибудь метр, когда кто-то из парней схватил меня за ногу. И крепко так схватил.

— Всё, есть, попался! — обрадовался он.

Но рано радовался. Ему не удалось затащить меня назад. Слишком много я сегодня страдал, чтобы так всё обломилось в последний момент.

Я изо всех сил вцепился руками в ржавую железку, оттолкнулся второй ногой и как следует влепил этому приятелю между глаз. Можно сказать, все силы в удар вложил.

Если бы он только что не понюхал кокаина, то вряд ли у меня всё так хорошо получилось бы. Если не этот, так другой, по крайней мере, до меня бы добрался запросто. Ведь каждый из них по силе был круче, чем трое таких, как я. И драться они тоже умели как следует.

В общем, мою ногу отпустили, и этот парень потерял равновесие и свалился на главного, который только-только пришёл в себя.

...И вот наконец я выбрался из этой бочки. Хотя бы пару минут каких-то поживу, подумал я тогда. Сейчас ведь могут всё равно поймать. Даже скорее всего поймают. Бежать-то некуда.

И действительно, кто-то из убийц уже лез наверх. Ничего, голыми руками не возьмёте! До последнего буду держаться.

Я крикнул что-то ужасное, схватился обеими руками за тяжёлую крышку люка и кое-как поднял её. Больше ничего от меня и не требовалось. Только отпустить её. Люк захлопнулся сам собой.

— Вот сволочь! — послышалось снизу. — Такой маленький, а уже...

— Ты не пиликай зря! — оборвал его главный. — Давай быстрее люк открывай.

— Так не видно ж ни черта!

Я не стал ждать, пока они откроют люк, и моментально спустился вниз. Слава Богу, не сорвался, а то сломал бы себе ногу за-просто.

В цистерне раздавался странный гул. Отсюда было очень трудно различить, о чём там разговаривают. Да я и не пытался. У меня времени на это не было.

Я бросился бежать. Неважно куда. Куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого места.

И когда я отбежал от цистерны всего на каких-то пару метров, услышал громкий, страшный, дикий крик. Наверное, кричал тот, который был самым главным:

— Ты что, офигел!!! Придурак, убери зажигалку!!! МЫ СГОРИМ!!!

Или что-то в этом роде он кричал.

Я как услышал это, так ещё быстрее побежал.

И вдруг меня догнали другие крики:

— Туши, туши! Сейчас всё загорится.

— Да толкни ты этот люк, наконец!

— Куда, собака, полез? Самый хитрый у нас?

Давай его, Колян, стаскивай.

А потом были ещё крики, ещё более страшные. Нечленораздельные, нечеловеческие.

Я оглянулся. Из громадной цистерны валила тонкая струйка дыма.

* * *

Только потом я подумал о том, что же там всё-таки произошло. То есть в этой цистерне, где остались трое моих убийц.

Видно, когда я закрыл люк и они оказались в темноте, кто-то из них сдуру хотел посветить зажигалкой. Забыл, что там смесь эта вокруг была. Кокаина нанюхался и забыл.

Наверно, именно поэтому их главарь так кричал. Но всё равно это их не спасло.

Смесь, ясное дело, загорелась. А с ней и эти друзья.

Конечно они могли бы запросто вылезти из этой цистерны — это было совсем несложно. Да и пытались, наверное, но ничего не вышло.

То ли оттого, что они под наркотой были, то ли потому, что мешали друг другу, каждый хотел сначала сам спастись, а потом уже об остальных думал. Почему точно, я не знал и мог только догадываться. Может, задыхаться стали?

Но думал обо всём этом я уже потом. Тогда мне было совсем не до этого.

...Тогда я мчался изо всех сил, мчался через лес, не разбирая дороги, спотыкаясь о пни, и больно расцарапал себе правую ногу о колючие кусты. Меня догонял и неприятно бил в ноздри запах горелого мяса. Пока ещё живого человеческого мяса, которое постепенно превращалось в угли и пепел.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Вася приходится выбирать	
между музыкой и футболом	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Герои книги успевают	
сделать одну маленькую пакость.....	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Вася заочно знакомится со страшным «маньяком».....	27
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	
Исчезновение Коляна.....	36
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Вася идёт извиняться.....	39
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Вася узнаёт о судьбе друга	48
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
Кошмар продолжается во сне	53
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
Споры, загадки и никакой ясности	56
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Вася узнаёт кое-что новое о своём очень	
близком родственнике	64
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Вася и Витя делают обыск	71
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Новые потрясения	76
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
Васин брат возвращается.....	79

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
Статья в газете	82
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
Кошмар на похоронах	88
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
Временное затишье	91
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
Одна ненужная встреча.....	94
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	
Вася попадает в милицию.....	100
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	
Разговор с братом	108
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	
Сплошные неприятности	114
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	
Выманить зверя из берлоги.....	122
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	
Вечер преследований.....	128
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	
Статуэтка ангела.....	142
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	
Вася остаётся один.....	148
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ	
Про Пушкина, школу и прочую ерунду	155
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	
Ещё одна жертва.....	159
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	
Экскурсия в морг.....	162
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ	
Вася кое о чём догадывается.....	167
ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ	
Самая страшная.....	174

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

- ◆ Любителям крутого детектива – собрания сочинений Ф.Незнанского, Э.Тополя, В.Шитова, В.Пронина, суперсериалы А.Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.
- ◆ Сенсационные документально-художественные произведения В. Суворова, В. Красковой и Л. Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах" и собрания бестселлеров С. Шелдона
- ◆ Для увлекающихся таинственным и необъяснимым – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".
- ◆ Поклонникам любовного романа – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Броун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".
- ◆ Почитателям фантастики – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайндо, Г.Кука, К.Стошефа, а также самые полные собрания произведений братьев Стругацких и С.Кинга; "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.
- ◆ Популярнейшие многотомные детские энциклопедии: "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех", "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".
- ◆ Лучшие серии для самых маленьких – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", незаменимые "Азбука" и "Букварь", замечательные книги известных детских авторов: Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.
- ◆ Школьникам и студентам – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".
- ◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

Б Е С ПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Наши фирменные магазины в Москве:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584. Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Татарская, д.14. Тел. 9592095. Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107. Луганская, д.7 Тел. 322-2822,
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Свирип Илья

ЧЕРНЫЕ ПЕРЧАТКИ

Для младшего школьного возраста

Ответственный за выпуск *Н. В. Клакоцкая*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.06.2000.

Формат 84x108¹/32. Бумага типографская. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 10,08. Тираж 11 000 экз. Заказ 1607.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Фирма «Современный литератор». Лицензия ЛВ № 319
от 30.08.98. 220029, Минск, ул. Красная, 5—12.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати»
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

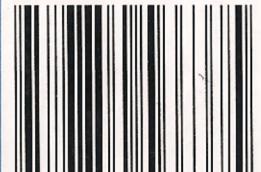
ЧЕРНЫЕ ПЕРЧАТКИ

для девочек
и мальчиков

Детектив

ISBN 985-456-637-4

9 789854 566375 >